
ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
АФРИКА: ЮНОСТЬ КОНТИНЕНТА
БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ
Роман Кармен:
ИСПАНИЯ, ИСПАНИЯ!
Борис Полевой:
ИСТОРИЯ В ПЯТИ ПИСЬМАХ
Митчел Уилсон:
ОТКРОВЕНИЕ ТАНЦА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 29 (1778)

16 ИЮЛЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«Хай живе Куба!»

Приветствуем тебя, моло

Так встречали посланцев героического острова в украинской Золотоноше.

Первое знакомство.

Южный город не удивишь уличным многолюдьем. Но 30 июня улицы Одессы так переполнились народом, что было ясно: случилось нечто необычное и радостное. У всех в руках цветы, яркие флажки, все спешат к порту.

У причала теплоход «Грузия». По трапу спускаются смуглые парни в лохматых соломенных сомбреро, в голубых куртках. У некоторых куртки расстегнуты, на майках блестят буквы: «КУБА». И в воздух сразу взметнулось: «Добро пожаловать!», «Хай живе Куба!».

Тысяча молодых кубинцев приехала в Советский Союз, чтобы изучить наше сельское хозяйство.

В Одессе была горячая и торжественная встреча: хлеб-соль, музыка, митинг, обмен сувенирами и словами привета. А потом гости разъехались по разным сельскохозяйственным училищам.

Сто человек отправились в Черкасскую область, в Золотоношское училище механизации сельского хозяйства. На всех станциях кубинцев подстерегали вездесущие мальчишки с букетами цветов. В Золотоношу поезд пришел ночью, но это вовсе не помешало хорошей встрече. И снова дружеские объятия и слова, не всегда понятные гостям, но зато идущие от сердца.

Утром гости проснулись с первыми лучами солнца: не терпелось познакомиться с новым местом, с новыми друзьями. Первыми гидами оказались будущие однокашники, украинские хлопцы. Наверно, они не спали всю ночь: им тоже не терпелось познакомиться с друзьями, с которыми предстоит вместе учиться целый год.

За год можно научиться многому, конечно, если заниматься как следует. А кубинцы будут учиться очень хорошо: людям, совершившим революцию, нужны теперь большие знания. Мы вам поможем, дорогие друзья. Мы поделимся с вами всем нашим опытом, всем нашим умением.

...дая Куба!

Фото Ю. Шаламова

Высокий гость из Африки

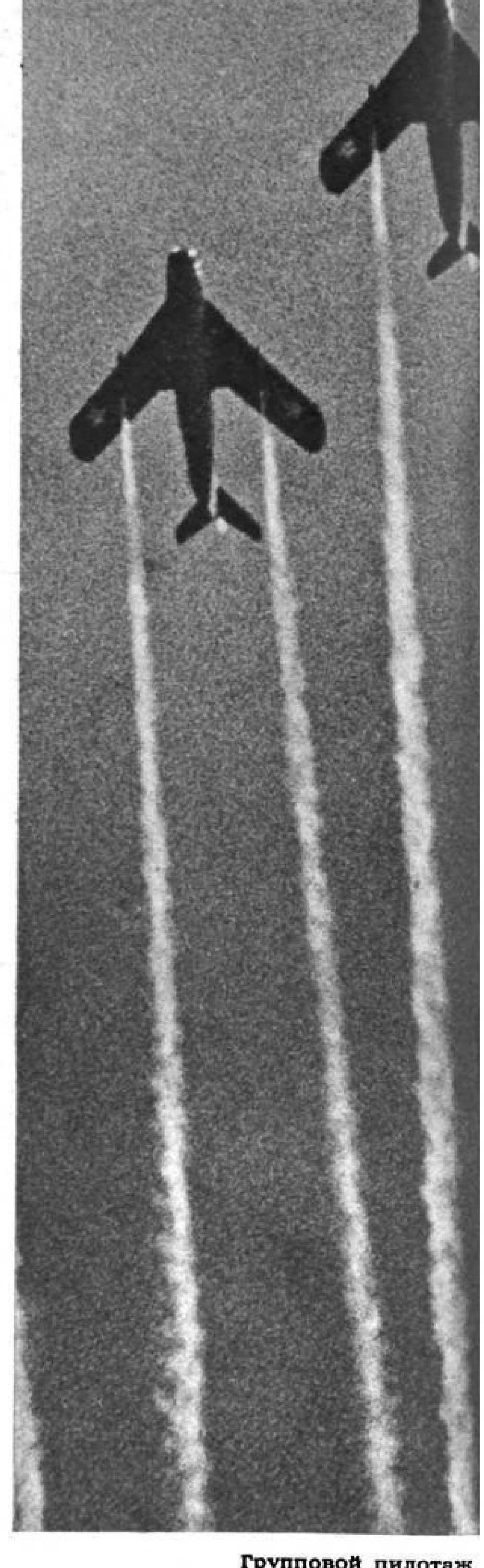
В Советский Союз прибыл Президент и глава правительства Республики Гана д-р Кваме Нкрума. Выдающийся государственный деятель Африки д-р Кваме Нкрума был тепло встречен жителями советской столицы. Высокий гость нанес визиты Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву и Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

Визит Президента и главы правительства Республики Гана д-ра Кваме Нкрума—новое яркое свидетельство развития дружеских отношений между СССР и Ганой.

Фото А. Гостева.

Крылатый кран.

Групповой пилотаж

ПРАЗДНИК КРЫЛ

Звучит сигнал фанфаристов: «Слушайте все!» Плывут в воздухе величественные звуки Гимна Советского Союза. Гремит артиллерийский салют, рассыпаются разноцветные огни фейерверка. Так начался на Тушинском аэродроме праздник, посвященный Дню советской авиации.

...В небе воздушные спортсмены: планеристы, летчики, парашютисты.

На большой высоте к аэродрому подходит самолет. Над центром поля от него отделяются три человеческие фигурки, над ними распахиваются пестрые купола парашютов. Но что это? Парашюты отрываются и, освободившись от груза, словно огромные разноцветные медузы, плавают в голубом небе. Парашютисты камнем летят к земле. Несколько томительных секунд — и над ними раскрываются спасительные зонтики. Только зрители успевают облегченно вздохнуть, как купола парашютов снова обрываются. «Сейчас может быть беда! Ведь до земли уже недалеко!»

Однако парашюты открываются вовремя. Упругие, надежные, они плавно опускают спортсменов в высокую траву аэродрома. Тут только зрители замечают, что последнее мгновение они не дышали.

Спортсмены выполняли номер: двойная отцепка парашюта в воздухе. Поистине парашютизм — это спорт смелых! Советские парашютисты — лучшие в мире: из 81 мирового рекорда, зарегистрированного в ФАИ, им принадлежат 56.

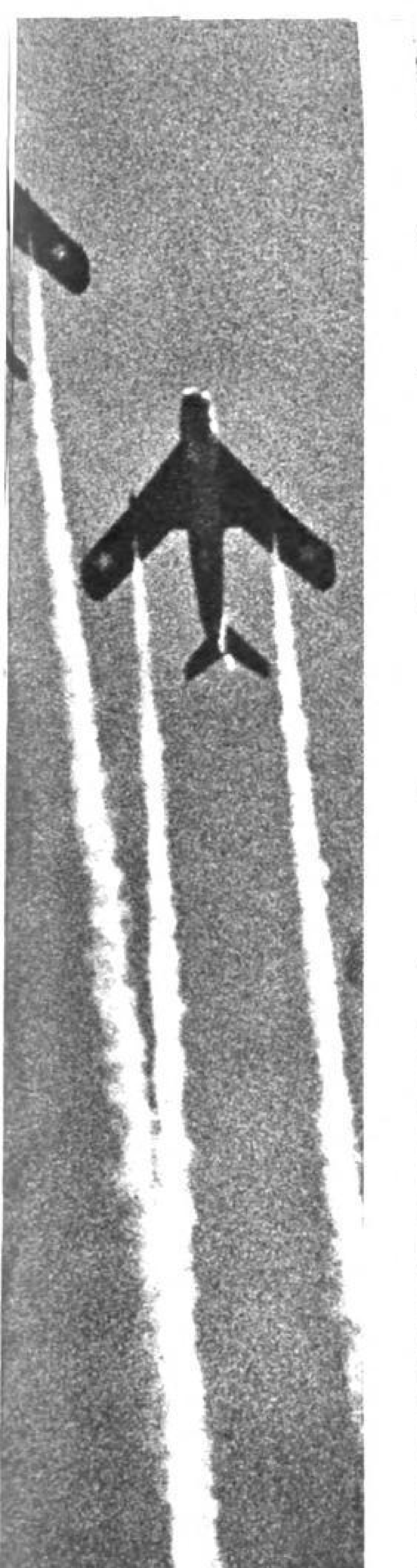
...В небе показывают свое мастерство и выучку военные летчики. Советские Военно-Воздушные Силы вписали героические страницы в историю Великой Отечественной войны. Летчики-истребители Александр Покрышкин и Иван Кожедуб трижды удостоены высокого звания Героя Советского Союза. На советско-германском фронте было уничтожено 75 тысяч из 80 тысяч самолетов, построенных Германией за последние три года войны.

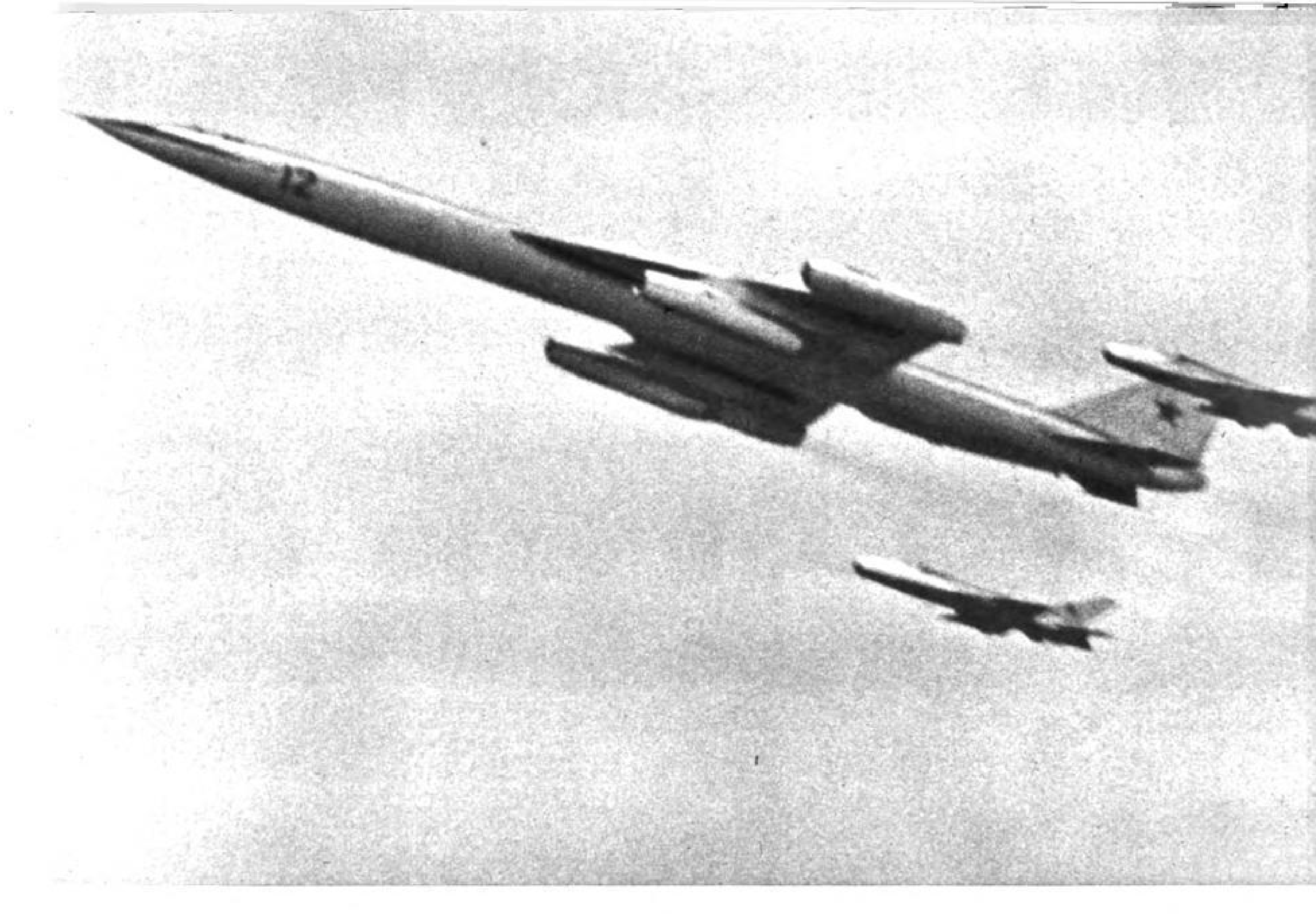
Над Тушинским аэродромом, сотрясая воздух гулом могучих реактивных двигателей, пролетают самолеты различных типов и назначений. Все это наиболее современные и совершенные машины. Они могут развивать огромные скорости, подниматься на большую высоту.

В этом году на отечественном самолете Герой Советского Сою-

Празднование Дня Воздушного Флота СССР в Тушине. На правител

истребителей.

В чистом небе.

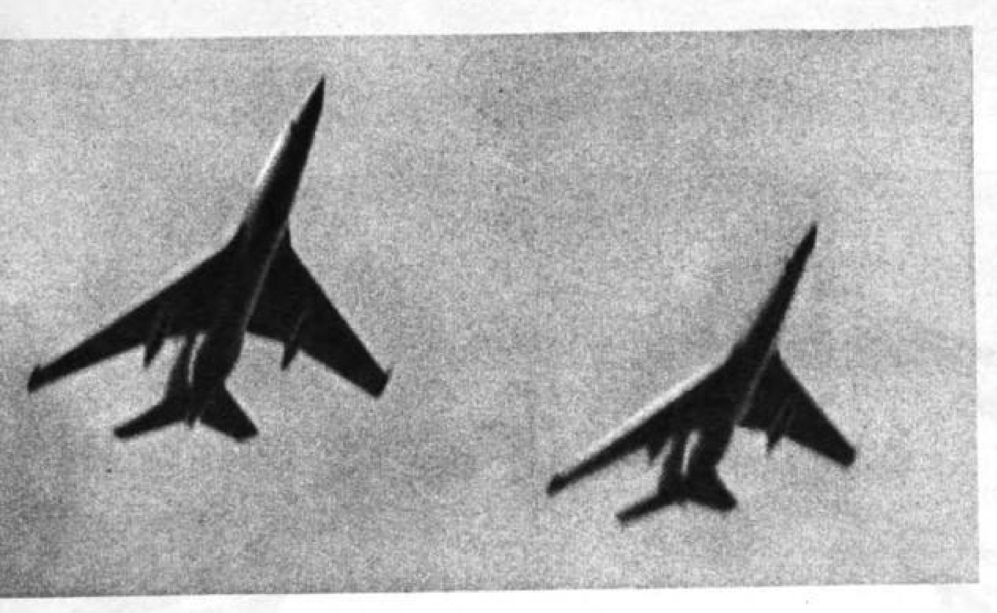
АТОГО НАРОДА

ственной трибуне Центрального аэроклуба СССР имени В. П. Чкалова.

Сквозь облака.

Быстрее звука.

за Георгий Мосолов установил абсолютный мировой рекорд высоты полета, поднявшись более чем на 34 тысячи метров. На самолете такого же типа, «Е-66», летчик-испытатель Константин Коккинаки развил скорость более 2 500 километров в час.

Вслед за мощными ракетоносцами летят самолеты морской авиации: летающие лодки с реактивными двигателями; узкие и быстрые машины, также вооруженные ракетами, способные поражать любые корабли в открытом океане.

Под конец праздника зрители увидели самолеты новых конструкций, которые пилотировали летчики-испытатели. Глаз едва успевал следить за полетом этих похожих на крылатые ракеты машин. Один из таких самолетов стоял на краю летного поля. Вдруг за его хвостом вырвалось мощное оранжевое пламя. Самолет, будто огненная колесница, сделал короткую пробежку, прыгнул в небо и через мгновение исчез с глаз зрителей в его бездонной голубизне.

Два часа длился этот замечательный праздник — торжество смелых, ловких, сильных людей.

А. ГОЛИКОВ

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева и Б. Вдовенко.

Под сенью могучих крыльев.

ИДЕТ II МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ Во Дворце спорта состоялось его торжественное открытие, на которое прибыли, тепло встреченные собравшимися, товарищи Л. И. Брежнев, Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, Д. С. Полянский, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, В. В. Гришин. Деятелей кинематографии 51 страны приветствовал председатель жюри фестиваля советский режиссер С. И. Юткевич. Министр культуры СССР Е. А. Фурцева выступила с речью и по поручению Советского правительства зачитала приветствие участникам фестиваля от Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева. (Фоторассказ о фестивале продолжается на стр. 28—29).

Фото Е. Умнова.

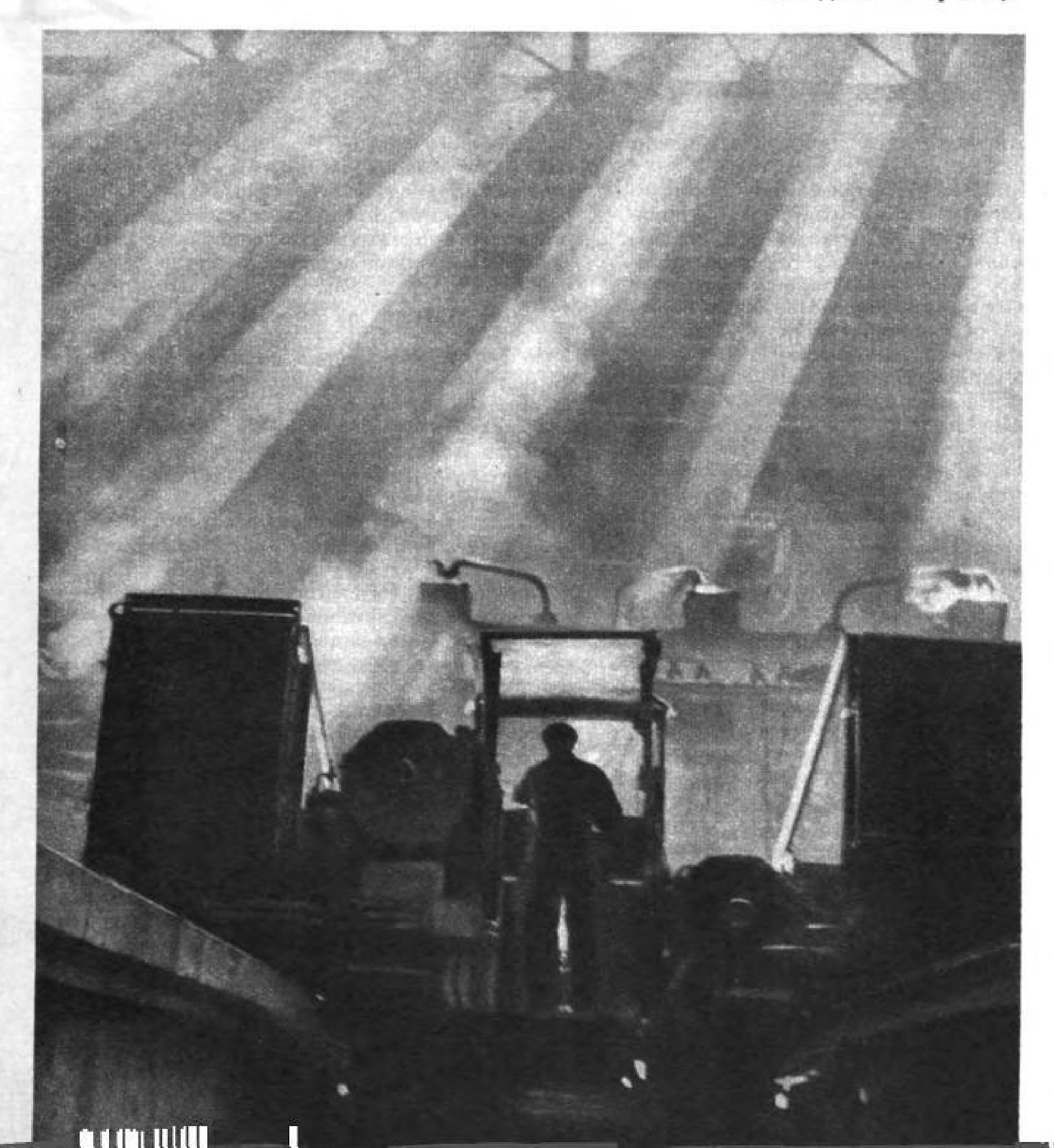
СООБЩЕНИЯ О НОВЫХ ПОБЕДАХ НАШИХ МЕТАЛЛУРГОВ приходят каждый день. Пущена мартеновская печь на Череповецком металлургическом. В строю — вторая домна Казахстанской Магнитки. Не так давно коллектив коммунистического труда мартеновской печи на Металлургическом комбинате имени В. И. Ленина в Нижнем Тагиле подарил стране небывалый рекорд: более 10 тысяч тонн сверхплановой стали в год и 11,36 тонны стали с каждого метра площади пода печи. Молодых сталеваров сердечно поздравил с успехом Н. С. Хрущев.

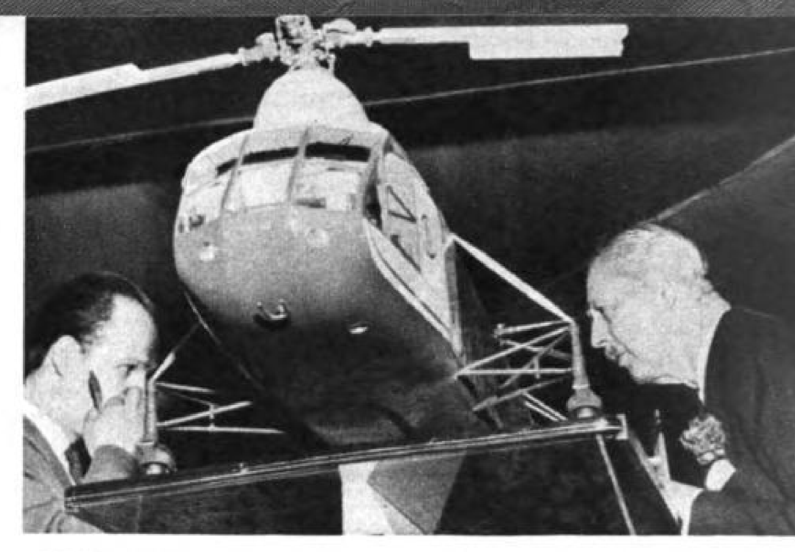
Растет новая сверхмощная домна и на Липецкой Магнитке. В честь XXII съезда КПСС строители и монтажники решили сдать ее досрочно к концу года.

Сегодня, в День металлурга, поздравляем вас с праздником, товарищи сталевары и прокатчики, доменщики и операторы!

На снимке: Новолипецкий металлургический завод. Заправочная машина в мартеновском цехе.

Фото Дм. Вальтерманца.

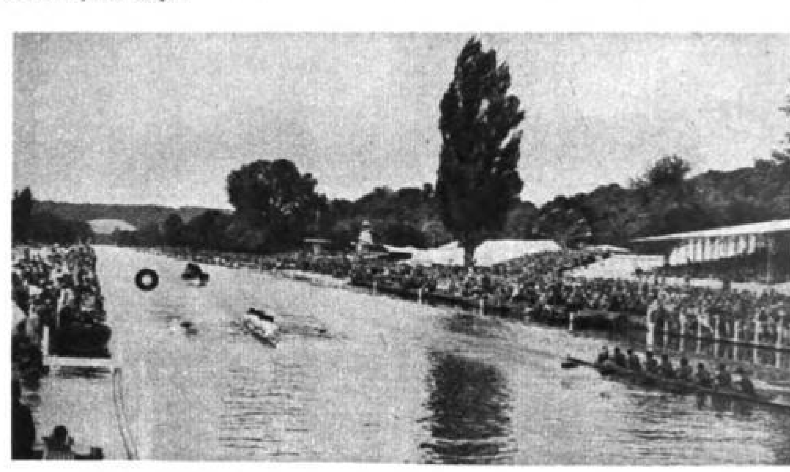

ЯРКО, ВПЕЧАТЛЯЮЩЕ рассказывает о советском народе, его достижениях в экономике, науке, культуре открывшаяся 7 июля в Лондоне Советская промышленная выставка.

Открывая выставку, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев подчеркнул, что она будет способствовать расширению советско-британской торговли.

«Хорошо!» — произнес по-русски премьер-министр Великобритании г-н Макмиллан (на снимке справа), ознакомившись с экспонатами, представленными в обширном зале Эрлз Корт.

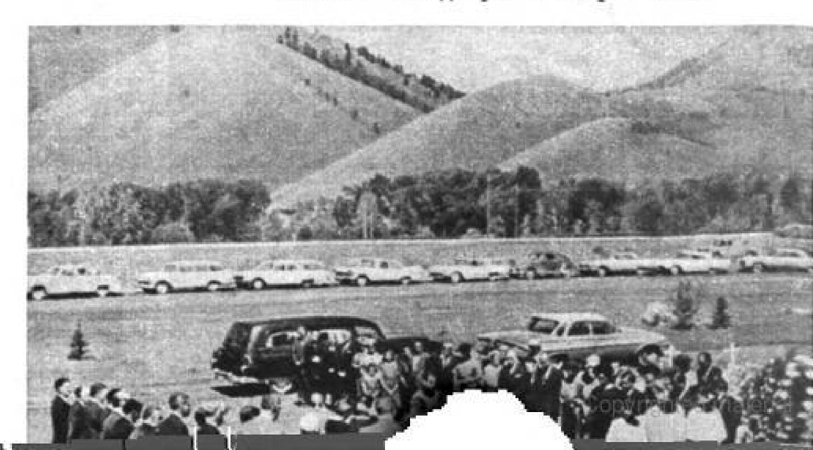
ФИНАЛ ХЕНЛЕЙСКОЙ РЕГАТЫ — традиционных соревнований, которые разыгрывались в 118-й раз. Советская восьмерка клуба Военно-Морского Флота (тренер — И. Поляков, загребной — И. Андреев) обогнала английскую лодку клуба «Леандр» и завоевала главный приз регаты «Гранд Чэлендж Кап».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ. Этот снимок сделан вблизи города Алжира. 5 июля, в годовщину захвата его французскими колонизаторами в 1830 году, алжирцы устроили демонстрацию, требуя переговоров о мире и независимости для своей страны. Колонизаторы ответили на это пулями, пустили в ход против демонстрантов танки. Но мужественный и свободолюбивый Алжир не сдается, он уверен, что победит правое дело.

...ЭТИ ГОРЫ много раз видели живого, жизнерадостного Хемингуэя. Сегодня они застыли в почетном карауле над могилой великого писателя. На снимке: похороны Эрнеста Хемингуэя близ Кетчума (штат Айдахо).

Фото Юнайтед Пресс Интернейшнл.

Г. И. ПОПОВ,

первый секретарь Ленинградского горкома КПСС

БУДУЩЕЕ РЯ

ГОМЗ — Государственный оптико-механический завод. Так выглядит центральная диспетчерская.

Юрий Шластенин, Николай Лезжов и Владимир Попов работают в институте «Гипроникель». Первый — лаборант, второй — работник отдела кадров, а третий — горный инженер. Так утром и днем; а вечером они занимаются делом, не имеющим ничего общего с проектной работой. Они дружинники, следят за порядком на улицах родного города.

«Коммунизма естество и плоть»

Коммунизм! Когда-то о нем мечтали, уносились на крыльях фантазии в неведомые тысячелетия. О будущем писались десятки, а может быть, и тысячи утопических трактатов. Шли века. На смену коммунизму утопическому пришла теория научного коммунизма; она жила в книгах, которым верили, по которым учились поколения революционеров. Миновали десятилетия. Теория начала воплощаться в практические дела. Россия первая в мировой истории вступила на путь социализма. Это к той поре относятся слова Владимира Ильича Ленина, что «прошли те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту».

И вот прошло еще несколько десятилетий, и сегодня, идя навстречу XXII съезду нашей партии, который примет программу коммунистического строительства, мы с полным правом говорим уже о коммунизме, и опять-таки на опыте нашей работы, нашей жизни. Ростки его зримы. Они рядом с нами, среди нас.

Никита Сергеевич Хрущев очень хорошо определил, что отличает характер советского человека, идущего в коммунизм: «высокое чувство общественной заинтересованности в деле, стремление постоянно искать, двигаться вперед... коммунистическое беспокойство за то, чтобы завтра сделать больше, чем сегодня, чтобы жить лучше и легче».

Коммунизм начинается там, где рабочий проявляет личную заботу о развитии производства, где общественная польза одерживает верх над частным интересом. И это опять-таки не теоретический тезис, а практика наших дней.

850 ленинградцев последовали глубоко коммунистическому по своему содержанию почину Валентины Гагановой. Не корысть и не слава продиктовали формовщику Кировского завода Николаю Богачеву заявление: «Прошу перевести меня в отстающую бригаду...» Перешел и в день очередной получки сделал нехитрый арифметический расчет: что было раньше и что теперь. Разница получалась весьма ощутимая. Но зато бригада, в которой он теперь работает, дает за смену на сто с лишним форм больше, чем прежде. Прошло немного времени, и заработок выровнялся. А какой плюс интересам общества, государства, народа!

И еще случай. Тоже будничный.

На Ижорском заводе потребовалось подготовить большое количество станочников, причем в довольно короткий срок. Раньше обучение их проходило так: рабочий помогал ученику постигнуть все тайны токарного или, скажем, слесарного искусства. У рабочего один ученик. А тут понадобились не один и не два ученика. Как быть?

Выход нашел токарь Сергей Сысоев. Собрал всех новичков вместе, организовал из них бригаду, а сам стал бригадиром. Заработок, конечно, на некоторое время уменьшился, зато появилось другое, что не измеряется рублями и копейками,— чувство большого удовлетворения. Чем? Если хотите, своим местом в жизни.

Какой-то острослов окрестил старый метод обучения «заплечным». Ученик стоял за спиной учителя и через его плечо смотрел, как надо работать на станке. А теперь ученики сразу пришли к станкам, и не в качестве наблюдателей. Сейчас двенадцать недавних новичков уже работают самостоятельно, а Сергей Сысоев создал новую бригаду.

Часто от иностранцев приходится слышать, что «советские люди — это загадка: не в природе человека — отказываться от личных благ». Когда иностранцам говорят о наших высоких целях, о коммунизме, они разводят руками и скептически ухмыляются. Они не понимают нас, потому что будущее, которому наш сегодняшний день протягивает руку для крепкого рукопожатия, действительно оказывается для них загадкой. Им очень трудно представить, чтобы, скажем, рабочий Форда проявил живейший интерес к механизации производства на заводе хозяина, чтобы рабочий «Рено» согласился временно получать меньшую зарплату во имя прибылей акционеров. Человек из капиталистического мира не в силах постичь этого.

И ничего удивительного нет в том, что поборники буржуазной морали — «побольше взять — поменьше дать обществу» — не могут понять, например, бригадира с завода «Электросила» Петра Акулова и его друзей. Обыкновенные советские люди, они в связи с тем, что бригада повысила производительность труда, сами попросили повысить нормы выработки, а значит, снизить расценки. С точки зрения капиталиста это просто сумасшествие. С точки зрения советского человека это ростки коммунистической сознательности.

Много дорог ведет сегодня к коммунизму. Маленькую новую тропку проложила Валентина Гаганова. За ней пошли тысячи, и тропка превратилась в широкую магистраль. Можно безошибочно сказать, что сейчас и в Ленинграде, да и в любом другом городе нашей страны, прокладываются новые тропки и дороги в будущее. Эти пути, на которых светофоры постоянно показывают зеленую улицу, и есть «коммунизма естество и плоть».

Победят ли роботы людей!

На Западе ученые уже не первый год бьются над решением этой проблемы. Машина, по их мнению, превращается во врага человека: она порождает безработицу. Когда роботы научатся делать больше, чем люди, они, чего доброго, уничтожат своих создателей, а вместе с ними весь род людской.

Так рассуждают буржуазные теоретики. Автоматизация — будущее мирового производства — пугает их не зря. В подобных рассуждениях содержится доля истины, потому что капитализм действительно переживает духовный кризис, он враждебен прогрессу. М. Горький, описывая труд людей при капитализме, говорил: «Созданное ими поработило и обезличило их». Эти слова не устарели. Машина, автомат — враг человека при капитализме, но из этого вовсе не следует, что машины, автоматы — лютые враги вообще всего человечества. Все дело в том, для каких целей применяется автомат. Если для выгоды кучки монополистов — это одно, а для народного блага — совсем иное.

На Западе боятся самого слова «автоматизация», мы же приветствуем автоматы, широко открываем им двери заводов и фабрик. Добро пожаловать!

Повышение производительности труда — самое главное в борьбе за коммунизм. И основ-

Врач 38-й поликлиники Смольнинского района С. Н. Вердель ведет прием в доме № 60 по улице Некрасова. Прием как прием. Только на сей раз это общественная работа.

ное оружие здесь — комплексная механизация и автоматизация. Поэтому так близка и понятна всем ленинградцам инициатива предприятий Выборгской стороны — завершить годовой план комплексной механизации и автоматизации к открытию съезда партии. В этом году мы должны комплексно механизировать и автоматизировать три предприятия, шестьдесят цехов. Это шаг — и не маленький — в будущее.

Вот шинный завод. Что принесли ему новые машины, автоматы, конвейерно-транспортные линии? Увеличение выпуска продукции. Без применения автоматов для этого потребовалось бы еще 160 рабочих. А теперь обошлись старыми. Как видите, на социалистическом заводе ни один человек не остался без работы после прихода автоматов! Но дело не только в том, что увеличится выпуск продукции, завод получит большую экономию денежных средств, пойдет резко вверх кривая производительности труда, а навстречу ей, вниз,— себестоимость. Важно и другое. Ушли в прошлое несколько самых трудоемких операций, труд стал легче, интереснее, красивее. Следует добавить, что ушли в прошлое и несколько низкооплачиваемых профессий. Такая же судьба уготовлена роботам в коммунистическом обществе: они будут помогать человеку, человек заставит их делать прежде всего черную и изнурительную работу, чтобы освободить себе время для творчества.

Человек коммунистического общества — новатор и искатель, образованный и беспокойный. Искать, искать и находить. Это — незыблемое правило творчества. Не секрет, что у нас есть еще такие виды труда, которые пока трудно назвать увлекательными. Внедрение автоматики, кроме всего прочего, знаменует переход на высший класс труда — творческого, требующего высокого культурно-технического уровня.

В Ленинграде при совнархозе возник совет новаторов. Такие же советы — при управлениях совнархоза, при некоторых райкомах партии, на сотнях предприятий. Вдумайтесь: ученый совет из людей труда — токарей, слесарей, сталеваров, механиков! Советы эти дали заводам сотни рекомендаций: какой лучше использовать инструмент, приспособление, новый метод труда. Все это позволило сэкономить больше двух миллионов рублей (в новых деньгах). А ведь в этих советах люди работают бесплатно.

У сортировщицы 1-й ленинградской табачной фабрики Зои Михайловой случилось несчастье: погиб муж. Трудно ей будет с двумя маленькими детишками. Конечно, трудно, но не так, как казалось вначале. На помощь пришли подруги. Сейчас Зоя с детьми на даче. И сюда приезжают к ней помощники. Человек человеку — друг!

Фото Г. Копосова.

ДОМ С ТОБОЙ

Сейчас в Ленинграде свыше 300 общественных конструкторских бюро. В каждом из них — энтузиасты, которые, не получая за это ни копейки, только по велению долга, решают сложные технические проблемы. Если их спросить: «Для кого вы стараетесь, ради кого вы просиживаете после работы за чертежными досками?» — то они ответят: «Для всех... Ради всех...» Ради людей, которые хотят жить лучше и интереснее, ради коммунизма. «Мое» и «наше» сливаются тут воедино.

Культура по-коммунистически

Каким должен быть культурный завод в широком, коммунистическом понимании этого слова?

По-разному отвечают на этот вопрос. Иной считает так: посадили цветы в заводском дворе, подмели дорожки, поставили фикусы в цеховых пролетах — вот тебе и культурное предприятие. Ленинградцы решили по-другому. Заводом высокой культуры будет считаться такой, который выпускает самую современную, технически наиболее совершенную продукцию, на котором используются самые прогрессивные методы труда, на котором в каждое дело — пусть даже очень маленькое — вкладываются передовая мысль, четкость, организованность.

И вот началось в нашем городе соревнование за предприятие высокой культуры. Уже выявился лидер, уже есть завод, носящий столь почетное звание: ГОМЗ — Государственный оптико-механический завод. Именно высокая культура в широком понимании этого слова определила многие его успехи. Создание крупнейшего в Европе телескопа, освоение за сравнительно короткий срок — два года — 120 образцов новой продукции. На ГОМЗе введены в строй поточные линии с автоматическим управлением. К услугам диспетчеров здесь телевизионные установки. Имеются машины для инженерных вычислений.

За время, прошедшее после XXI съезда партии, производительность труда на заводе возросла на 24 процента, и по производительности труда ГОМЗ вышел на рубеж 1963 года. Конечно, не забыты и цветы на дворе. И уж както само собой считается неприличным приходить на работу в неряшливом костюме или небритым.

Когда беседуешь с рабочими этого предприятия, знакомишься с их интересами, помыслами, планами на будущее, то как-то особенно явственно ощущаешь стирание граней между умственным и физическим трудом. Здесь каждый четвертый учится. Где? Одни — в заочных институтах, другие — в университетах культуры, третьи — в университете науки и техники. Тяга рабочего к широкому кругу знаний — знамение времени. И это, я бы сказал, процесс неизбежный, ибо у нас технический прогресс, автоматизация осуществляются на принципиально иной, чем при капитализме, основе. Когда-то Маркс писал, что капиталистическое применение машин уродует рабочего. Форд утверждает, что «идеальный фабричный рабочий должен быть обученной обезьяной». А на ГОМЗе, как и на любом другом советском предприятии, мера оценки рабочего, получившего на вооружение новую технику, сложные автоматы, определяется его культурно-техническим уровнем.

Наше время открывает перед рабочим человеком широчайшие возможности развития способностей, талантов. Стоит привести на первый взгляд парадоксальную цифру. В прошлом году на гуманитарные факультеты Ленинградского университета было принято 1 200 человек, из них 512 рабочих. Многие не оставили заводов и учатся заочно. Вот, например, компрессорщица завода «Электросила» член бригады коммунистического труда Лариса Каткова. Она студентка второго курса экономического факультета. Человек хочет больше знать и больше уметь, хочет быть не только практиком, но и теоретиком. Таким и должен быть человек коммунистического завтра, таким он становится уже сегодня. Он многое, очень многое хочет знать, наш соотечественник, независимо от его сегодняшних занятий — строит ли он дом или корабль, собирает машину или варит сталь. И путь к этим знаниям широко открыт перед ним. При Ленинградском университете создан подготовительный факультет рабочей и сельской молодежи. Здесь обучается около 200 человек, в основном ударники и члены бригад коммунистического труда. Работает это новое учебное заведение на общественных началах. На тех же началах действуют и народные театры, драматические, хоровые и танцевальные кружки, литературные и музыкальные объединения,

студии изобразительного искусства, где с увлечением занимаются десятки тысяч ленинградцев.

Хлам сдадим в утиль

Мы говорим: будущее рядом с нами. Но как сильно, порой буквально мертвой хваткой, старое цепляется за новое, тормозя его движение в будущее! И нигде, пожалуй, так остро не развертываются эти схватки, как в быту.

Ленинградцы и здесь проявляют свою инициативу. И уже можно говорить о целом движении людей, трогательно заботящихся о каждом ростке коммунистической нови в быту.

Началось все с дома № 45 по улице Некрасова. Вот как об этом рассказывает пенсионерка Татьяна Андреевна Зверкович, живущая в этом, теперь уже знаменитом доме:

«В нашей квартире — 11 человек. Из них 5 — инвалиды и пенсионеры. Квартира, как видите, большая, и часто ссоры возникали из-за уборки мест общего пользования. Впрочем, ссорились и по поводу и без повода. Было такое, что по 8 лет не разговаривали друг с другом. Квартира была грязная, полы не натирались, в коридоре, кухне, ванной красовалось по 3—4 лампочки. Вечером, бывало, придут все хозяйки на кухню, а там настоящая иллюминация.

А теперь такие начались перемены, о которых раньше и мечтать не могли. В короткий срок были разобраны все антресоли, а хлам, скопившийся за многие годы, сдан в утиль. В местах общего пользования до блеска натирают полы. Сняли лишние лампочки, оставшиеся перевели на общий счетчик. Теперь не услышишь в квартире ссор, люди стали тепло и заботливо относиться друг к другу. Заболела соседка Евдокия Семеновна, и вся квартира пришла ей на помощь: один продукты приносит, другой обед готовит. Взаимная выручка и товарищеская взаимопомощь стали у нас уже вполне обычными. Даже самый младший член дружной теперь семьи, семиклассница Лариса Иванова, уходя в магазин, обязательно постучит во все комнаты и спросит, кому и что нужно купить».

Конечно, судьба одной коммунальной квартиры не бог весть какая проблема. Но большое всегда проявляется в малом, крутые переломы в сознании людей дают о себе знать зачастую в очень обычных, незаметных на первый взгляд поступках. И в судьбе одной коммунальной квартиры заметишь проникновение новых человеческих отношений в быт. Чем они характеризуются? Прежде всего коллективизмом. Это совсем не просто, особенно в быту,— заменить утвердившееся веками «мое» на коммунистическое «наше». А ведь быт — это не только квартира или комната, где живет человек, это еще и его улица, район, город, которыми он гордится, которые он украшает и благоустраивает, как свое жилье. И делает это не за плату, а опять же на общественных началах.

Все многообразнее проявляется великая сила общественности в нашей жизни. «Наш город, мы хозяева». Многое, очень многое берут ныне на свои плечи эти люди, которых принято называть общественниками. Они и у себя в доме хозяйничают, и в райсовете, и в горсовете. Это они предложили организовать в Ленинграде соревнование между районами города за благоустройство, за строгое соблюдение общественного порядка, за высокую культуру быта населения.

Так коммунистическое входит в наш быт. Повторяю: происходит это вовсе не гладко, не без конфликтов и столкновений. И здесь диалектика не изменила себе: новый быт, новые человеческие отношения дадут еще не один смертный бой остаткам прошлого в сознании людей.

Этот бой выглядит, например, так. Рабочий совершил какой-то нехороший поступок. Наступает обеденный перерыв, и вся бригада собирается вместе. Приглашают нарушителя на середину и требуют объяснений. А нарушитель стоит, краснеет, ему стыдно. На ленинградских предприятиях «Большевик», «Красный треугольник», «Красное знамя» эти импровизированные товарищеские суды так и называются— «выход на середину».

А вот уже более жестокий бой, с более серьезным противником — бездельником и тунеядцем. В коммунистическом обществе их не будет, но сейчас они еще есть. Их немного, но жизнь они отравляют многим. Борьба против них разгорелась непримиримая. На собраниях, которые проходят в районах города, общественность выносит суровые приговоры любителям «легкой» жизни.

Появилась в Ленинграде и еще одна форма борьбы с прошлым: дружинники берут шефство — кто коллективно, а кто индивидуально — над нарушителями общественного порядка. Народная дружина Ленинского района, например, имеет 213 таких подопечных. И это приносит большую пользу.

Воспитание человека сравнивают с искусством: в той и другой области шаблон, равнодушие недопустимы. Человека из тины предрассудков и старых привычек не вытащишь даже самым строгим приказом. Тут нужен индивидуальный подход. Вот такой, скажем, как на ГОМЗе, в бригаде коммунистического труда Светланы Браилко. Бригада взяла на воспитание из детской трудовой колонии юношу — Валерия Гизбонда. И воспитала! Парнишка получил специальность револьверщика, начал перевыполнять нормы, поступил в школу рабочей молодежи, стал активным общественником. А у бригады уже появились другие подопечные.

Бой с хламом в человеческом сознании продолжается.

* * *

Скоро соберется съезд нашей партии, чтобы утвердить программу коммунистического строительства, чтобы подвести итог борьбы многих поколений за то общество, которое мы уже начали созидать.

Это будет скоро. А пока трудовые люди шестидесятых годов готовятся достойно встретить исторический съезд. Ленинград на предсъездовской вахте. Тысячи дорогих подарков преподнесет рабочий класс нашего города XXII съезду КПСС. Передовые рабочие и многие коллективы коммунистического труда решили выполнить ко дню открытия съезда план третьего года семилетки по росту производительности труда.

Недавно в одном из наших Дворцов культуры собрались 2 500 рабочих. Тут были три поколения рабочего класса Ленинграда. Старая рабочая гвардия города Ленина торжественно передала знамя ветеранов труда самому молодому поколению, тем, кто завтра пополнит славную семью коммунистических бригад, тем, кто донесет знамя героев Октября до вершин коммунистического завтра.

«Бесчисленные богатства сюжетов»

Уважаемый товарищ редактор! Прошу вас выполнить мою заявку — напечатать в вашем журнале «Огонек» репродукцию с картины художника Перова «Рыболов», где старик ловит рыбу удочками, и рассказать о художнике. Я сталевар, мне 50 лет. Уже давно я выписываю, читаю, смотрю мой любимый журнал и очень прошу вас не отказать в моей просьбе.

А. И. ДАНЧЕНКО
гор. Горловка,
Сталинской обл.,
пос. Октябрьский.

Художник, любящий свой народ и свою родину, всегда найдет путь к народному сердцу. Подобно сказочному Антею, он берет свои творческие силы от земли, от жизни и потому становится певцом правды и борцом за правду.

Василий Григорьевич Перов стал художником в ту пору, когда крепостное право, триста лет давившее народ, находилось на изломе. В 1861 году, когда оно пало, Перову было 28 лет. Так называемое освобождение крестьян вовсе не избавило их от нищеты и гнета. Львиная доля земельных угодий осталась у помещиков. Тяжкий, неблагодарный труд продолжал быть уделом народа; поднял голову живодер-кулак, простой деревенский люд потянулся за куском хлеба в города, поставляя дешевую рабочую силу заводчикам, фабрикантам, купцам...

Впитавший в себя демократические традиции Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Перов не мог не видеть народного горя и нищеты. Бичующая поэзия Некрасова была близка духу художника.

У Перова есть известная картина «Проводы покойника»: печальный зимний пейзаж, лошаденка, запряженная в деревенские сани, гроб с прахом кормильца-отца, двое ребятишек, из которых младший дремлет, утомившись от слез, вдова, согбенная горем. Картина написана в 1865 году, через два года после появления поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос». Это не прямая иллюстрация к поэме, но при взгляде на картину невольно встают в памяти некрасовские строки:

«Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать
Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок».

Жизнь народа, обреченного на материальную и духовную нищету, требовала от художника сатиры, обличения. Картина Василия Григорьевича Перова «Сельский крестный ход на Пасхе» явилась звонкой пощечиной самодержавному строю. Смрадный «идиотизм деревенской жизни» запечатлен в этой картине. Поп, духовный наставник деревни, нализавшийся «до положения риз», дьякон, сбитый с ног сивухой, мужик, сраженный пьяным сном, завалившийся под крыльцо,— таковы персонажи картины.

И опять-таки невольно встают в памяти скорбные некрасовские строчки, повествующие о жизни русского крестьянина:

«Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»

По первоначальному замыслу художника называлась картина «Светлый праздник в деревне». Однако от этого остро сатирического названия Перову пришлось отказаться.

Картина не замедлила вызвать гнев «властей предержащих». Павлу Михайловичу Третьякову, который приобрел картину для своей галереи, было запрещено показывать ее широкой публике и воспроизводить в печати. Художник Худяков писал Третьякову: «Перову вместо Италии как бы не попасть в Соловецкий».

Любовью к простым людям, придавленным нуждой, жалостью к их поруганному, изломанному детству пронизана картина Василия Григорьевича Перова «Тройка». Все вокруг подчеркивает безысходность и тяготу жизни, при которой сильные порабощают слабых: мгла зимнего дня, каменная стена, тюремная или монастырская, сумрачное небо, оледенелая дорога...

Но родина — всегда родина! Перов горячо любил Россию, ее народ, и именно поэтому так сильна его кисть. Неправда жизни возбуждала в нем дух борца. Своим талантом художник боролся за лучшую долю народа.

Попав во Францию и Италию, Василий Григорьевич тосковал по России и рвался назад. Через полтора года после отъезда за границу он писал в Академию художеств: «Посвятить же себя на изучение страны чужой несколько лет я нахожу менее полезным, чем по возможности изучить и разработать бесчисленное богатство сюжетов как городской, так и сельской жизни нашего отечества».

За свою короткую жизнь (он умер от чахотки в 1882 году, 49 лет) художник дал бесконечную галерею образов тогдашней России. Тут и толстомордое купечество, жирные, сластолюбивые монахи, жадные чиновники, выписанные кистью гневной, разящей, тут и крестьяне, бывшие дворовые, странники — калики перехожие — в эти работы художник вложил свою благородную любовь к людям приниженным и страдающим.

Портреты Достоевского, Тургенева, Аксакова, Майкова, Погодина, принадлежащие кисти Перова,— истинные шедевры русской портретной живописи.

Его жанровые картины — знаменитые «Охотники на привале», «Птицелов», «Рыболов» — поэтичны, пронизаны теплой, иногда лукавой улыбкой. В них ощущаешь душу народа, чистую и добрую.

Всматриваешься в эти картины, и вспоминается Тургенев или Аксаков. Недаром художник так их почитал и уважал!

Василий Григорьевич Перов был не только художником, но и прекрасным педагогом, воспитавшим плеяду блестящих учеников. Один из его питомцев, Михаил Васильевич Нестеров, вспоминая о Перове, писал: «В Московской школе живописи, где когда-то учился Перов, а потом, в последние годы жизни, был профессором в натурном классе, все жило Перовым, дышало им, носило отпечаток мыслей, слов, деяний. За редким исключением все мы были преданными, восторженными его учениками».

У Перова учились и Сергей Коровин и Николай Касаткин, достойные продолжатели традиций славного мастера. А они передали свое знамя художникам молодого, честного, правдивого советского искусства.

Ник. КРУЖКОВ

В. Перов. СЕЛЬСКИЙ КРЕСТНЫЙ ХОД НА ПАСХЕ. 1861 год.

ТРОЙКА. 1866 год

«Огонек».

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

История в пяти письмах

Борис ПОЛЕВОЙ

Единственный свободный вечер в дни очень напряженной делийской сессии Совета мира мы провели в гостях у чудесного писателя Кришана Чандра в его маленьком доме в новом квартале, еще только растущем на окраине столицы Индии. Сюда приехали наши индийские коллеги, приехали с женами — статными смуглыми женщинами, облаченными в разноцветные, шитые золотом сари. Потолком комнаты, где накрыли стол, было небо, на котором мерцали глазастые южные звезды. Сухой жаркий ветер, еще не напитавшийся ночною влагой, как бы обрушивался на нас сверху. Он приносил верещание цикад, крики ночных птиц. Пламя светильников трепетало в его порывах.

Обстановка была самая романтическая. В такой только бы слушать древние индийские легенды. Но разговор завязался прозаический, профессиональный. Как водится, писатели говорили о литературе. Недавно вернувшийся из Советского Союза Ходжа Ахмад Аббас рассказывал друзьям о тех наших книгах, пьесах, фильмах, герои которых, став литературными персонажами, продолжают жить среди своих сограждан.

— ...Я встречал таких людей, знакомился, говорил с ними.

— Как это должно быть здорово, так вот, случайно, запросто встретить литературного героя на улице, — прервал рассказчика бронзоволицый поэт, немолодой, полнеющий человек, с огромными, черными, по-юношески блестящими глазами, и, повернувшись к советским гостям, добавил: — Это может случиться только у вас, где люди, которым теперь уже за сорок, с младенческих лет дышали воздухом истинной свободы.

— М-да, а я вот просто не могу представить, чтобы жизнь могла дать писателю готовый сюжет, законченную фабулу, точно очерченный образ, — с сомнением произнес критик, большой знаток индийской литературы, зоркий, активный, пламенный человек, которого в дружеском кругу здесь называют «наш Белинский». — Как хотите, но мне кажется: это невозможно.

Мне было приятно сказать ему на этом вечере: возможно.

За день до этого разговора мне посчастливилось получить несколько писем, фотографий и газетных вырезок, позволяющих, как мне кажется, создать рассказ без рассказчика. Да, рассказ с сюжетом, с фабулой, с двумя героями — советским и индийским мальчиками, — с необходимым для всякого порядочного рассказа накалом событий, с многозначительным подтекстом в гуще строк.

Словом, как говорится, все было уже в кармане, и вот сейчас, вернувшись домой, я как бы продолжаю начатый в Дели спор с индийским коллегой уже на бумаге.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Республика Индия. Нью-Дели. Советское посольство, послу тов. Бенедиктову И. А.

Уважаемый товарищ Бенедиктов!

В моей семье в 1958 году случилось большое горе. При тушении пожара, возникшего в школе, наш сын, ученик этой школы Алеша, одиннадцати лет, получил тяжелые ожоги первой и второй степени. Ими было поражено больше половины тела. В тяжелом состоянии мальчика доставили в больницу, и, несмотря на все принимаемые врачами меры, улучшения здоровья не было.

От перенесенных страданий и постоянно мучающих его болей мой мальчик сделался замкнутым, ко всему безразличным. Он не отвечал на вопросы, а потом вообще перестал говорить. Я с ужасом видела, что жизнь сына угасает и мы теряем своего единственного ребенка.

Консилиум, созванный из лучших врачей нашего города, решил, что надо каким-то образом вывести мальчика из подавленного состояния. Но ничего не помогало. Мой сын Алеша по-прежнему молчал и ничем не интересовался. Тут вдруг я вспомнила про любовь сына к коллекционированию почтовых марок. Я принесла его альбом в больницу и стала перелистывать страницы. Перелистывая, я с надеждой смотрела на сына, не заинтересуется ли он, не оживится ли взгляд его безразличных глаз, не заговорит ли мальчик. И вот мы дошли до страницы, где у него были наклеены индийские почтовые марки. Я показала ему новую марку, подаренную нам одним знакомым уже без него. Он долго смотрел на эту марку и вдруг тихо попросил:

— Мама, расскажи мне об Индии.

Слезы просто душили меня: мой сын заговорил! И пока не угас этот его интерес, я принялась рассказывать об Индии все, что знала: о ее богатой природе, о животных, птицах, о трудолюбивом народе, о том, как тяжко жилось этому народу при колонизаторах и как он живет сейчас. Я рассказывала и радовалась: мальчик слушал. В его глазах я видела уже интерес. С этого все началось.

Теперь в недолгие свободные часы, когда я была дома, я читала литературу об Индии, книжки индийских писателей и поэтов с тем, чтобы, придя в больницу, пересказать их сыну.

Я слышала, что в Индии есть Общество друзей Советского Союза, и я послала в адрес этого Общества письмо, в котором рассказывала неизвестным индийцам о своей беде, о том, в каком состоянии находится мой сын, рассказала о его интересе к их стране, просила их написать письмо моему мальчику. И моя просьба, просьба матери, теряющей своего ребенка, не осталась без ответа. Я получила письмо директора Новой школы города Дели господина Капура, а мой сын получил письмо ученика шестого «Б» класса этой школы Равинда Ахуджа. Индийский мальчик в своем письме прислал сыну несколько почтовых марок Индии. Когда потом я читала сыну переводы этих писем, показала ему полученные марки, Алеша оживился, а потом улыбнулся, улыбнулся в первый раз за долгие месяцы.

Я не знаю, так ли это, но врачи считают, что с этого дня здоровье мальчика начало улучшаться. Правда, медленно, но жизнь начала возвращаться к ребенку. Пролежав в больнице год и два месяца, Алеша был послан потом в санаторий и оттуда возвратился окрепшим, здоровым, веселым. Можете представить себе, товарищ посол, что почувствовали мы, родители, когда к нам вернулся наш единственный ребенок, наше счастье.

Теперь Алеша учится, он жизнерадостен, увлекается коньками, коллекционирует марки, переписывается со своим индийским другом Равиндом. А мы, родители, благодарим так далеко живущих от нас учителя господина Капура, всех воспитанников его школы и особенно мальчика Равинда, которые своими письмами и добрыми пожеланиями помогли моему сыну. Теперь я, видя, что наш сын стал опять здоровым, жизнерадостным, хочу сказать: пусть растет и крепнет дружба наших детей и пусть эта дружба будет прекрасной и ничто не омрачает ее.

Уважаемый товарищ посол, я знаю, как Вы заняты важными делами, и все же я, благодарная мать, прошу Вас передать господину Капуру и мальчикам вверенной ему школы мое материнское спасибо.

Елена Тулугурова

г. Иркутск.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

г. Иркутск. Областной Совет депутатов трудящихся. Председателю Облсовета тов. Гриценко с просьбой вручить Е. В. Тулугуровой

Уважаемая Елена Васильевна!

Когда я читал Ваше письмо, передо мной стоял образ русской матери, матери, о которой так хорошо писали и Толстой, и Тургенев, и Некрасов, и, конечно, Горький.

Ваше упорство, мужество спасли жизнь Вашему сыну. Я же рад сообщить Вам, что просьбу Вашу я выполнил, и мне хочется рассказать Вам, как это произошло.

Когда мы приехали в Новую школу, которую возглавляет известный Вам господин Капур, ученики уже знали, что к ним приедут советские представители. Они были собраны в зале и рядками, по-восточному, чинно сидели на полу. Это был зал, где перед началом занятий по местному обычаю происходят ежедневные молитвы школьников, и при входе в него полагается снимать обувь. Нас, советских людей, приехавших в школу с Вашим поручением, встретили необыкновенно тепло.

Приветственное слово произнес директор, господин Капур, а потом все школьники и преподаватели вместе, под аккомпанемент фисгармонии, исполнили песню Рабиндраната Тагора. Думаю, что Вам небезынтересен будет ее текст. Вот он:

О свет, ты пришел,
Распахнув все двери.
И слава тебе,
Ты мрак разогнал,
Ты словно поднялся, и слава тебе!
В зарю новой жизни,
Как герой-победитель,
Ты смело пришел,
И светлой надеждой поверг вековую мглу.
Пусть порвутся все цепи,
Приди ты, огромный и храбрый,
И слава тебе!
Зажги огонь солнца в наших умах,
Пусть смерть исчезнет с земли.
Откроется дверь, все цепи падут.
Будут сорваны снова и снова они.
И зов твой, мощный и трубный,
отзовется вдали!..

Я рассказал индийским школьникам, что письмо Ваше догнало меня далеко от Дели, когда я сопровождал Председателя Совета Министров Н. С. Хрущева, приехавшего в Бхилаи на огромный металлургический комбинат, который строится совместно индийскими и советскими людьми. Там, в Бхилаи, может быть, ярче, чем в каком-либо другом месте Индии, можно наблюдать новую жизнь страны, а также новую форму сотрудничества стран, основанную на дружбе и взаимопонимании. В Индии много красивых памятников. Каждая эпоха оставляла свои. Наша эпоха, эпоха дружбы Советского Союза и Индии, рождает такой необыкновенный памятник, как этот великолепный завод.

Еще рассказал я школьникам, как уже под вечер Н. С. Хрущев, уставший за день, возвращался с завода, но по дороге его попросили заехать в школу, и то, что он увидел, заставило его забыть об усталости. Стадион был заполнен индийскими и советскими школьниками. Они окружили главу Советского правительства, пели, танцевали, исполняли сложные физкультурные упражнения, и растроганный Никита Сергеевич, прощаясь, искренне благодарил школьников и учителей. Вот во время этой поездки и пришло ко мне ваше письмо.

Читая его индийским детям, я видел, с какой живостью сияли черные глаза ребятишек, сидевших на полу. Я видел, как на этих глазах появлялись слезы, слезы дружбы и человеческого сочувствия. На этом собрании была и мать школьника Равинда, и ей я передал привет от Вас, дорогая Елена Васильевна.

Равинду я вручил по Вашей просьбе присланный Алешей альбом советских марок, посвященных нашим великим писателям. Дружба Алеши и Равинда — это как бы горный ручеек, один из тех, из которых потом образуются реки и целые моря дружбы. Потом мы передали школе в подарок библиотеку русских книг на английском языке — классиков и советских писателей, — а директору школы, господину Капуру, мы преподнесли действующую модель нашего спутника, издающую позывные сигналы и исполняющую нашу песню «Широка страна моя родная».

На другой день в индийских газетах были опубликованы сообщения об этой встрече, о Вашем и Алешином письмах, о развитии и укреплении дружбы наших народов.

Уважаемая Елена Васильевна! Нам очень хотелось бы, чтобы Вы подробнее написали нам историю болезни и выздоровления Алеши, если можно, прислали бы нам фотографию той марки, которую Алеша получил из Индии и которая сыграла столь волшебную роль в его судьбе, а также фотографию Вашего сына, а еще лучше — сына и Вас вместе.

Посылаю Вам вместе с приветом и лучшими пожеланиями вырезку из газеты «Дели Хиндустан Стандарт», где рассказывается о встрече в школе. Пусть Ваш сын растет крепким телом и духом и будет достойным сыном великой страны социализма, которая пользуется таким авторитетом у всех народов земли.

И. Бенедиктов,
Посол Советского Союза в Индии.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Республика Индия. Нью-Дели, послу Советского Союза Бенедиктову И. А.

Дорогой Иван Александрович!

Получил Ваше письмо, отыскал и пригласил к себе тов. Тулугурову Елену Васильевну. Вручил ей письмо и перевод газетной статьи. Она заверила меня, что ответ на Ваше письмо последует немедленно. Сообщаю Вам, что сын ее Алеша это лето провел в Артеке, сейчас учится в седьмом классе. Душевное отношение ко всему этому делу произвело у нас на всех сильное впечатление. Выражаем Вам сердечную благодарность. Желаем крепкого здоровья, всяческого благополучия и успехов в работе.

С искренним уважением
Гриценко,
Председатель Иркутского облисполкома.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Республика Индия. Нью-Дели, послу Советского Союза Бенедиктову И. А.

Уважаемый товарищ Бенедиктов!

Председатель Иркутского облисполкома вручил мне Ваше письмо, и я была очень растрогана, когда прочла описание всего, что произошло в индийской школе.

Вы просите меня описать подробнее болезнь и выздоровление Алеши. Охотно делаю это, ибо мое материнское сердце полно благодарности к людям, которые помогли моему мальчику встать на ноги.

Если бы у меня были силы рассказать, что перенес и перестрадал мой мальчик! Больше полгода его жизнь висела на волоске, и если он сейчас жив и здоров, этому мы обязаны усилиям многих добрых людей. Жизнь человека в нашей советской стране превыше всего и не измеряется никакими рублями. Люди сделали все, чтобы спасти мальчика, хотя это был уже живой труп. Дважды созывался консилиум лучших врачей города, и дважды приходили к выводу, что мальчик обречен. Но обком партии потребовал третьего консилиума. Для лечения мальчика поместили в факультетскую клинику Мединститута, под наблюдение лучших профессоров.

Для подсадки нужна была кожа живых людей. Ее давала не только я, мать, ее давали бойцы нашей армии и просто незнакомые молодые люди, желавшие его спасти. У меня нет слов для того, чтобы передать им всем мою материнскую благодарность.

А когда все уже казалось потерянным, я написала известное Вам письмо, и, как Вы знаете, в далекой Индии тоже нашлись люди, которые поняли мое материнское горе и от души пожелали выздоровления моему мальчику.

Посылаю Вам фотографию. Мы снялись вместе с сыном Алешей, как Вы этого хотели. Вы видите на ней женщину, которую перенесенные беда и горе сделали преждевременно седой и старой, но которая от души благодарит и Вас и Ваших сотрудников и всех советских людей за высокий гуманизм. Фотоснимка с марки сделать не удалось. Она нам очень дорога, эта индийская марка, но я все-таки посылаю ее Вам, и сын Алеша не возражает.

Остаюсь с уважением
Елена Тулугурова.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

г. Иркутск, Е. В. Тулугуровой

Уважаемая Елена Васильевна!

Ваше новое письмо, Вашу фотографию и драгоценную марку получил. История, происшедшая с Алешей, его дружба с индийским школьником заинтересовали индийскую общественность. Ваше письмо, фотография и марка были помещены в журнале «Совьет Ленд», который издается здесь на английском и тринадцати местных языках и который в Индии читают больше миллиона человек. После этого в адрес посольства поступило и продолжает поступать множество писем от учащихся индийских школ, в которых они интересуются здоровьем Алеши, его учением, просят рассказать о том, как он проводит время и вообще как живут и учатся наши дети в Советском Союзе.

Было бы очень хорошо, если бы Алеша помог установить переписку своих товарищей с индийскими школьниками, обмен марками, открытками, что способствовало бы расширению дружбы между детьми Советского Союза и Индии.

С благодарностью возвращаю Вам знаменитую Алешину марку, а также посылаю ему от себя серию индийских марок.

Большой привет Вам и Алеше.

И. Бенедиктов,
Посол СССР в Индии.

ОКОНЧАНИЕ РАЗГОВОРА

Ну вот и все. Пять писем, пять человеческих документов. Ничего надуманного, только жизнь.

Передо мной марка — индийская марка достоинством в два пайса — с танцующим богом Шивой, изображенным на ней. Сколько доброго совершил, сам того не подозревая, этот веселый, жизнелюбивый бог!

Я смотрю на индийскую марку и вспоминаю прекрасный вечер, проведенный в Дели под гостеприимной крышей дома Кришана Чандра, вспоминаю милых собеседников, их смуглых жен, одетых в такие красивые сари, и мерцание звезд на бархатном небе, и фиолетовый свет невидимой луны, освещающей нашу затянувшуюся трапезу.

И еще вспоминаю слова индийского критика о том, что трудно поверить, будто действительность может дать законченный сюжет, очерченные образы. Вспоминаю и думаю: если бы все писатели могли быть такими тонкими, глубокими, необыкновенными выдумщиками, как сама жизнь!..

Федя

Александр МЕЖИРОВ

Рассвет чуть слышно ходиками тикает,
Не смеет раньше времени будить,
Но мальчик Федя громко стулья двигает:
Держась за них, он учится ходить.

Едва ли кибернетики смогли бы
При помощи машины перечесть
Все ссадины, порезы и ушибы,
Которые уже на Феде есть.

Не унывай! Работай что есть силы!
Мы зря себя щадим и бережем...
Как грейдером грохочущие «ЗИЛы»,
Грохочут стулья выше этажом.

Ты эти стулья выпустишь, опустишь,
Мне тишину с лихвою возвратишь,
В Калугу через Тихонову Пустынь,
А может быть, и дальше полетишь.

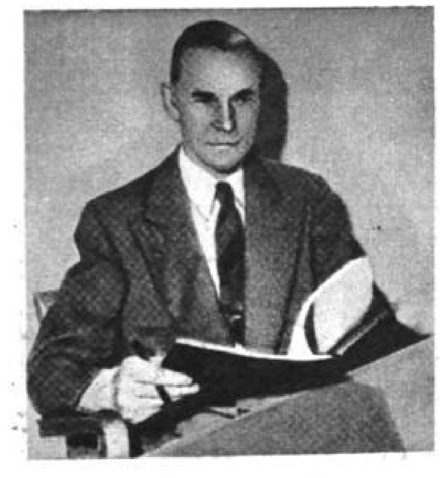
Ну, а пока, походом дальним бредя,
Выказывая мужество и прыть,
Передвигает стулья мальчик Федя:
Держась за них, он учится ходить.

ПОДАРОК ЛЕНИНА

П. ЧУМАК

Прогрессивный американский писатель Джером Дэвис — в декабре нынешнего года ему исполнится семьдесят лет — человек, искренне болеющий за судьбы своего народа, своей страны. По своим воззрениям он, как восторженно заявляют его единомышленники, «убежденный квакер», побудивший и их «пересмотреть свои взгляды на мир и войну». Его символ веры заключается в шести словах: «Мы можем предотвратить третью мировую войну».

Свои политические убеждения Джером Дэвис изложил в солидном научном исследовании под названием «Капитализм и его культура». Эта книга выдержала несколько изданий в США, а в 1949 году вышла на русском языке с критическим предисловием члена-корреспондента Академии наук СССР С. Д. Сказкина. В интересном труде Д. Дэвиса представлена потрясающая картина загнивающего и разлагающегося капиталистического общества эпохи империализма. «В этой книге, — пишет Д. Дэвис, — мы пытались исследовать социальную и экономическую патологию, а не предписывать ее лечение. Все изложенные здесь данные должны привести читателя к выводу, что капиталистическая система не может существовать вечно...». «...Будущее сулит рабочему классу большую мощь. Для тех, кто верит в счастье человечества,— это вершина всех желаний, так как работники физического и умственного труда составляют около девяноста процентов населения земного шара».

Джером Дэвис.

Джером Дэвис не является марксистом. Тем не менее он приходит к важному умозаключению, что «коммунизм в Советском Союзе представляется самым смелым противовесом капитализму, какой создало человечество».

Джером Дэвис с большой верой глядит на Восток и с гордостью напоминает: «Когда 22 июня 1941 года Германия вероломно напала на Россию, я публично предсказал, что Россия никогда не будет разгромлена. Наши же военные эксперты не видели подлинного духа и силы русского народа, поэтому они и думали иначе...» «Позже я сказал, что Красная Армия первой достигнет Берлина».

Джером Дэвис многократно бывал в нашей стране. В 1957 году его вместе с группой американских туристов принял для беседы Никита Сергеевич Хрущев. В прошлом году, возглавляя другую группу американских туристов, он от их имени заявил в беседе с А. И. Микояном, что они считают себя «миссией мира, призванной содействовать дружбе между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом», поэтому первыми же словами их были слова осуждения политики Эйзенхауэра — инцидента с самолетом «У-2».

О своем первом знакомстве с нашей страной писатель рассказывает в письме, полученном нами на днях:

«В 1916 году я был послан в Россию американской филантропической организацией — Союзом христианской молодежи, чтобы оказывать помощь военнопленным первой мировой войны. Я прибыл в Среднюю Азию и начал работать в лагере немецких военнопленных. Тогда же, с разрешения генерала Куропаткина, я приступил к работе и среди русских солдат; у них совсем не было клубов, и они в большинстве своем были неграмотны. В результате я превратился в человека, целыми днями пишущего письма под диктовку тех, кто не умел писать. Я снабдил солдат таким спортивным инвентарем, как мячи для баскетбола, которых они раньше никогда не видели. Мною были устроены еженедельные киносеансы. Мне не позволяли давать солдатам что-либо читать. Моя деятельность стала популярной, и после революции я начал заниматься организацией солдатских клубов в прифронтовой полосе и городах».

В поисках правильного ответа на мучившие его сомнения молодой, восторженный американец Джером Дэвис в 1918 году пришел побеседовать к Ленину. О своей краткой встрече с великим вождем социалистического государства он сохранил благодарную память на всю жизнь.

Подаренную тогда Лениным фотографию с его личной приветственной надписью в адрес американских интернационалистов Джером Дэвис любовно бережет сорок три года. Теперь он предоставил нам эту драгоценную фотографию, которая публикуется здесь впервые.

Джером Дэвис пишет: «Впервые я увидел Ленина в 1917 году в Петрограде. Он произнес на площади у Финляндского вокзала необыкновенную речь, в которой призвал покончить с мировой войной и разделить всю землю между крестьянами.

В Зимнем дворце я беседовал с Керенским перед самым его бегством. На мой вопрос, существует ли возможность захвата власти со стороны большевиков, он ответил: «Нет решительно ни малейшей опасности». В ту же ночь Керенский, спасая свою жизнь, сбежал, а большевики во главе с Лениным взяли прочно власть в свои руки, Россия стала республикой рабочих и крестьян, страной трудящихся.

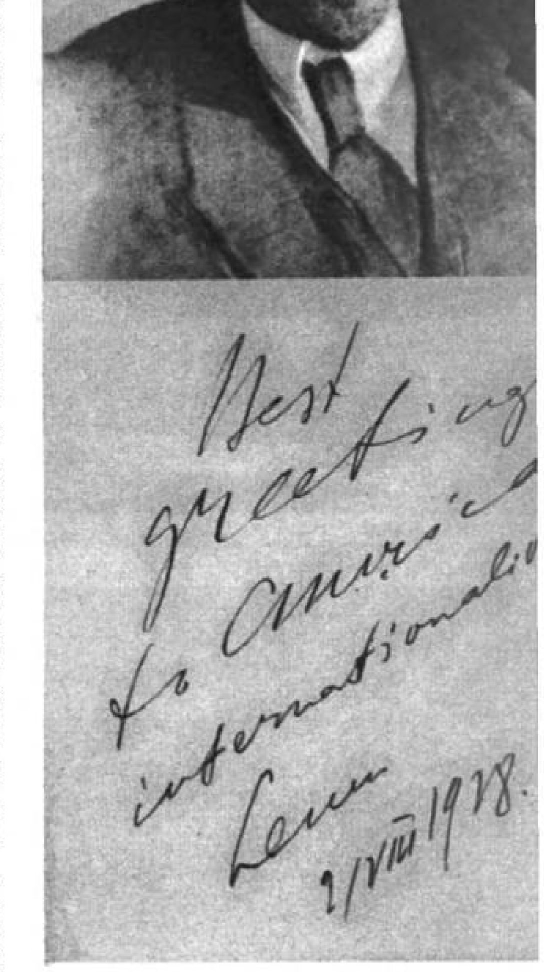
В дни Октябрьской революции я снова слышал Ленина. Он говорил с большой искренностью и огромной верой в то, что рабоче-крестьянское правительство организует народные массы и построит новое, социалистическое общество и что оно будет обществом мира и свободы. Это великое предвидение Ленина оказалось правильным.

Позже я имел небольшую беседу с Лениным, во время которой он дал мне свою фотографию с надписью: «Лучшие приветы американским интернационалистам. Ленин. 2/VIII — 1918». Тогда же он обратил мое внимание на необходимость бороться за мир и справедливость.

Каждый раз, когда мне удавалось видеть Ленина, я не мог заметить в нем даже малейшего стремления обладать властью. Он казался мне человеком, полностью отдающим себя на воплощение в жизнь самым лучшим образом всего задуманного им для рабочих и крестьян.

...Взирая на пройденный Лениным путь, вдумываясь в его произведения, я все более и более убеждаюсь в том, что Ленин был величайшим вождем, какого когда-либо имела Россия. История его времени еще будет написана. Ленин останется в сознании людей как самый искренний и наиболее прозорливый вождь, оказавший самое могучее влияние на русский народ.

Мне приходилось встречаться с такими американскими капиталистами, которые с явной враждебностью относятся к созданной Лениным власти, но и они говорили мне, что Ленин был великим революционным вождем.

Фотопортрет В. И. Ленина с его личной надписью, подаренный Джерому Дэвису.

Наконец из моей беседы с Лениным моя память сохранила его заявление, что коммунизм неизбежно будет развиваться и, несомненно, распространится во всем Китае, а в конечном итоге он будет, вероятно, воспринят и в таких отсталых колониальных странах, как страны Африки.

Очень многие из предвидений Ленина уже исполнились.

Пример вдохновенной жизни Ленина и его учение будут жить вечно.

Джером Дэвис».

П Е С Н Я

Николай СКРЕБОВ

Придонскому механизатору
Алексею Прокофьевичу Новойдарскому.

В разгар уборки —
Перерыв короткий.
Присядь, перекуси, перекури.
Хороший день сулят метеосводки,
Погожий от зари и до зари.
А мышцы чуть расслабишь —
И усталость
Песком тяжелым
Сыплется в глаза...

Над желтым полем небо отстоялось,
Как над песком — воды голубизна.
Ты средства не придумаешь чудесней,
Спасаясь от усталости своей,
Чем рядом вдруг разлившаяся песня,
Затеянная кем-то из друзей,
И в добрый час:
В ней сразу растворились
Твоя дремота и полдневный зной,
И сразу краски свежие открылись
За расступившейся
Голубизной,
И сразу вспоминаются привалы
В овражках у дорог прифронтовых
И ротные лихие запевалы
Во всем величье
Теноров своих.

Солдатка-песня!
Сколько вместе с нею
Ты прошагал в пороховом дыму!
И сразу все становится яснее:
И кто кого, и как, и почему.

Но перерыв окончен.
Все на месте.
И, расплескав пруды степной тиши,
В разгар уборки
Продолженьем песни
Гудят стальные мускулы машин.

Ростов-на-Дону.

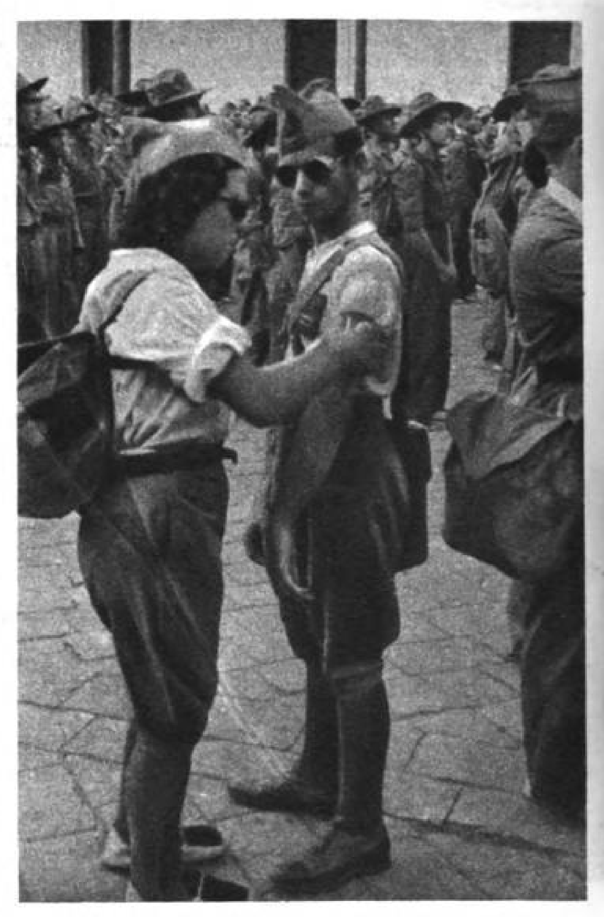
Хосе Диас на трибуне. «Мы боремся за свободную и счастливую Испанию!».

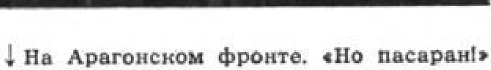
Пламенные слова Долорес Ибаррури зажигали

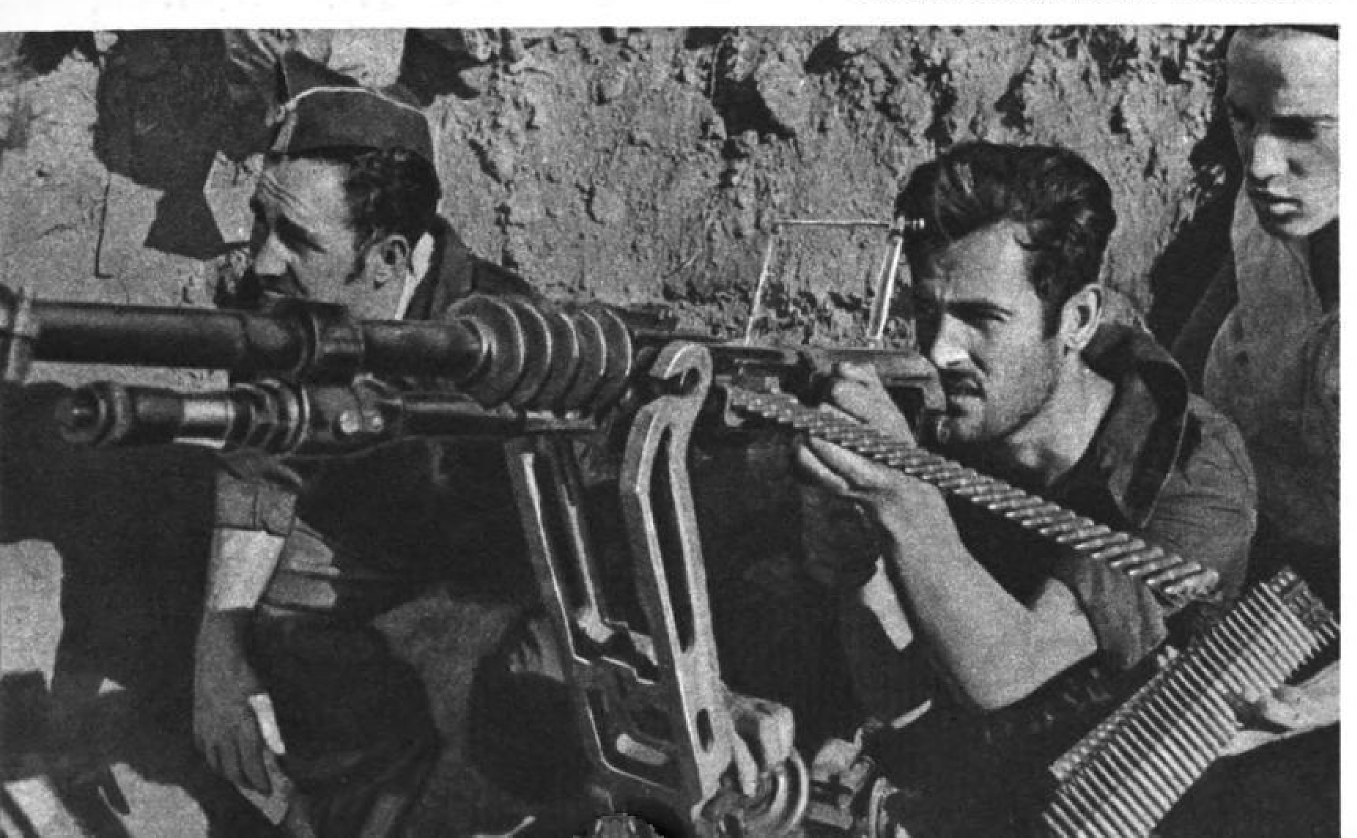
↑ В штабе народной милиции Барселоны.

Муж и жена уходят в одном батальоне,

↓ На Арагонском фронте. «Но пасаран!»

сердца испанских патриотов.

ИСПАНИЯ, ИСПАНИЯ!

Роман КАРМЕН

Фото автора.

↑ Энрике Листер.

↓ Боец.

Недавно в зале Центрального киноархива вместе с группой испанских друзей я просматривал документальные ленты, снятые в Испании 25 лет назад. Их много, этих кадров кинохроники, бережно хранившихся долгие годы. Смотрятся они захватывающе. Нет, это не тени далекого прошлого. В этих кадрах оживает образ страны, ставшей близкой для миллионов людей на всей земле. Кажется, что еще раз встречаешься с участниками первой битвы с фашизмом. Борьба продолжается. Фашизм, разгромленный Советской Армией, проклятый человечеством, то там, то здесь поднимает окровавленную лапу. И, неувядающий, живет сегодня в сердцах миллионов людей образ героической Испании, Испании непобежденной, сражающейся, зовущей к окончательной победе.

Война в Испании началась 18 июля 1936 года. 19 июля мы с кинооператором Б. Макасеевым вылетели из Москвы, а вечером этого же дня в Париже, расстелив на мраморном столике в кафе на Монпарнасе карту Испании, вместе с Ильей Григорьевичем Эренбургом обсуждали наш дальнейший маршрут. На утро следующего дня мы пересекли франко-испанскую границу.

Год в сражающейся Испании. Тысячи метров пленки запечатлели героизм и горе тех дней. Сколько памятных встреч, оставивших след на всю жизнь! Как много крепких, дружеских связей!

Неразлучно этот год работал я бок о бок с отважным и веселым Михаилом Кольцовым, всегда учась у него, изучая острый, боевой стиль работы этого талантливейшего советского журналиста.

Незабываемы встречи с влюбленным в Испанию Эрнестом Хемингуэем. Мы встречались с ним на раскаленных солнцем рыжих холмах под Мадридом, где вела жестокие бои 12-я Интернациональная бригада.

Неистовая Долорес с маленьким пистолетом в руках на переднем крае под Сесеньей, поднимающая в атаку робеющих, необстрелянных солдат.

Железный Энрике Листер — мы снова встретились с ним недавно на земле Кубы,— легендарный команданте, командир славного коммунистического Пятого полка, потом дивизии, прославившейся в боях под Мадридом, на берегах Эбро.

Командир эскадрильи истребителей Герой Советского Союза Сергей Тархов, у постели которого я просиживал ночи напролет, когда он метался в жару. Он умер от раны, полученной в воздушном бою над Мадридом. Тархов сражался один против шести «хейнкелей» и «фиатов». Мы хоронили его в осажденном врагами Мадриде. Женщины в черном, стоящие в очередях, поднимали сжатые в кулак руки, провожая в последний путь русского летчика. Над городом шел воздушный бой, истребители сбили двух «юнкерсов» и, возвращаясь на свой аэродром, с могучим ревом пронеслись над кладбищем в боевом строю, не подозревая, что отдают последний долг своему командиру.

У стен Мадрида, на берегах Эбро и Харамы умирали на испанской земле люди из многих стран. Они оставили свои дома, семьи, работу, прорвались через множество пограничных кордонов. С гордостью будет всегда вспоминать наш народ, что в этой битве с фашизмом доблестно сражались на испанской земле и советские люди: летчики, танкисты, артиллеристы. Много лет спустя с ужасом вспоминали гитлеровские воздушные асы о смелых атаках советских «ястребков» над крышами Мадрида; наши летчики, жертвуя своею жизнью, спасали женщин и детей от варварских бомбежек. Испанские патриоты никогда не забудут антифашистов из Франции, Польши, Америки, Советского Союза, Германии, павших в боях за свободу их родины, за свободу и счастье всех народов мира.

И вот несколько дней назад экран перенес меня снова в благоухающую розами Барселону, заполненную толпами отважных вооруженных людей. Первые наши испанские съемки. На арене Пласа де Торос перед отправкой на фронт маршируют милисьянос, и кумир народа — прославленный тореро посвящает быка не любимой сеньорите, а уходящему на фронт батальону. Еще не разобраны баррикады, тревожны сводки с фронтов, но народ верит, что победит.

Суровый и прекрасный в своей мужественной напряженности Мадрид! Незабываемый, окутанный туманами и дымами пожарищ Мадрид ноября 1936 года. Бои идут на баррикадах в Карабанчель Бахо — окраине столицы, в парке Каса дель Кампо, в Университетском городке. Эти дни были началом длившейся более двух лет беспримерной героической обороны Мадрида, павшего только из-за предательского удара в спину.

Баррикады и траншеи, опоясавшие Мадрид, строили рабочие и ученые, дети и старики, продавцы и хозяева магазинов, художники и поэты. В жаркий сентябрьский день я снимал мадридцев, строящих укрепления. Среди них были Хосе Диас и Долорес Ибаррури. Она, завязав тугим узлом на затылке черный платок, долбила киркой каменистую желтую кастильскую землю; изредка отдыхая, Долорес выпрямлялась, стояла, опершись на кирку, и смахивала рукой капли пота с высокого, гордого лба.

«НО ПАСАРАН!» — «Они не пройдут!» — этот лозунг, брошенный Долорес Ибаррури, стал боевым кличем испанцев, стоявших насмерть у стен Мадрида. «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»,— повторяли ее слова тысячи людей, отбивая яростные атаки полчищ наемников-марокканцев, вооруженных до зубов немецким и итальянским оружием. В решающие дни битвы за Мадрид, когда Франко уже собирался въезжать на белом коне на Пуэрта дель Соль, рабочие, бойцы легендарного Пятого полка, созданного испанскими коммунистами, остановили фашистов у ворот города.

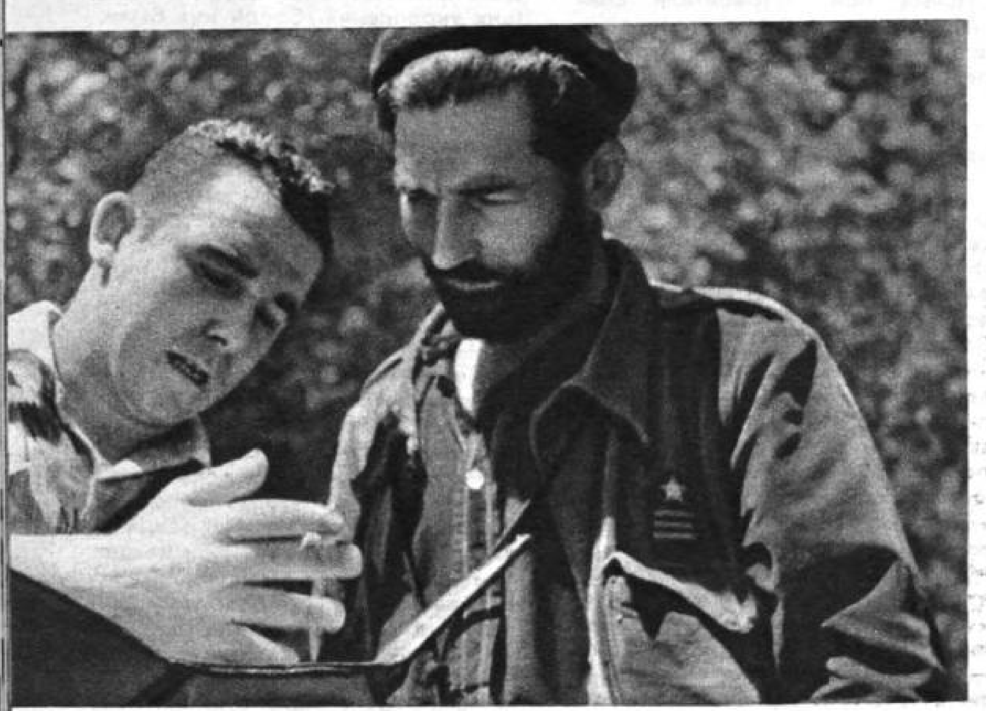
Фашисты начали жестоко бомбить Мадрид. Пламенем были объяты целые кварталы. По улицам в клубах дыма пробирались тысячи людей, покинувших разбитые бомбами, горящие дома. Женщины прижимали к груди плачущих младенцев, поддерживали стариков. А фашистские самолеты снова и снова волнами шли на город, гремели разрывы тяжелых бомб. Наступала ночь, на улицах было светло от пожаров, сквозь треск которых с окраин доносились пулеметные очереди и разрывы снарядов. В это время в

Мадридские женщины. Салют командиру эскадрильи истребителей Сергею Тархову.

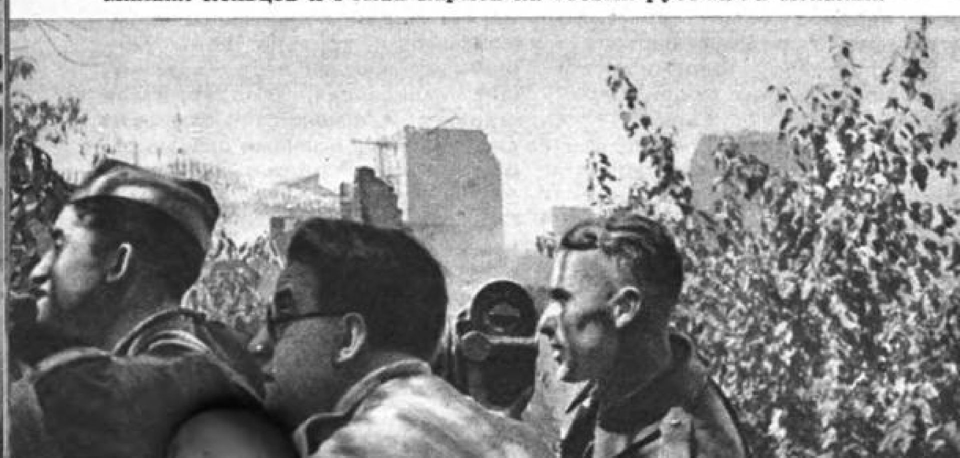

Батальон имени Тельмана. В его рядах сражались немецкие антифашисты.

Командующий обороной Ируна Мануэль Кристобаль (слева).

Михаил Кольцов и Роман Кармен на боевых рубежах в Испании.

Лондоне заседал комитет «по невмешательству». Единственной задачей заседающих джентльменов было как можно туже затянуть смертельную петлю на шее истекающей кровью в неравной борьбе Испании. В порты Кадис и Малагу шли транспорты из Германии и Италии с самолетами, танками, войсками, а франко-испанская граница была заперта для друзей Испании на прочный замок правительством социал-демократа Леона Блюма. Этого не забудут народы мира!

В одну из страшных ночей я узнал, что в Мадрид прибыла 12-я Интернациональная бригада. Ее сразу же бросили на самый тяжелый участок. Французский мост! О жестоких боях у Пуэнте де лос Франсесес была потом сложена известная революционная песня.

Прижимаясь к земле под звонкими веерами пулеметных очередей, перебегая от дерева к дереву, я добрался до маленького домика лесника, скрытого в густой листве на берегу Мансанарес. Навстречу мне по тропинке шел человек в байковой куртке, светлых кавалерийских бриджах, с тяжелым «парабеллумом» у пояса. Он был свежевыбрит, над улыбающимися полными губами щетинка подстриженных усов. Таким аккуратным, подтянутым всегда видели его друзья в самые трудные минуты.

Я никогда до этого не встречал писателя Матэ Залка, мы не были знакомы в Москве.

— Как мне найти генерала Пабло Лукача? — спросил я человека в байковой куртке.

— А вы кто такой?

Я назвал себя. Он подошел и крепко обнял меня. С этого момента штаб славной 12-й Интербригады стал моим родным домом на испанской земле. Он часто кочевал, этот гостеприимный дом. Иногда он был в сыром блиндаже под Брунете, иногда — в роскошном замке сбежавшего маркиза в Эль Пардо, где после тяжелого боевого дня мы отдыхали ночью в мягких креслах за бутылкой старой малаги из маркизова подвала. Узнать адрес родного дома было всегда просто: там, где самые тяжелые бои, где решалась судьба фронта, где ломился враг,— там была Двенадцатая бригада Матэ Залка: Каса дель Кампо, Харама, Посуэло, Брунете, Гвадалахара... Неизменным был боевой штаб этой прославленной бригады: худощавый, решительный Павел Иванович Батов— военный советник Лукача; спокойный, отважный болгарин Луканов — начальник штаба бригады; седой болгарин Петров — начальник оперативного отдела; весельчак и всеобщий любимец, совсем юный, отчаянно храбрый Леша Эйснер — адъютант Лукача. Дружной боевой семьей была Двенадцатая! Ее солдаты вписали своими подвигами незабываемые страницы в историю войны в Испании. И не только Испании. В партизанских отрядах Франции, в предсмертные часы в нацистских лагерях, в последних битвах с полчищами Гитлера вспоминали ветераны раскаленную землю Кастилии и Арагона, видели лучистый взгляд любимого своего генерала, который вел их в первых сражениях с фашизмом за счастье и свободу человечества. Добрый, дорогой Матэ! Как любил он людей, жизнь, правду! Сколько раз видели мы слезы на его глазах, когда погибали люди! Он ненавидел фашизм со всей страстью, которой способно гореть человеческое сердце. Как мечтал он дожить до того дня, когда будет окончательно разгромлен фашизм!

Три года героически сражался народ Испании. Крепла, мужала в боях республиканская армия, выросшая из отрядов народной милиции. Армия железной дисциплины, армия, поддерживаемая всем народом, который ненавидел фашизм и шел на любые жертвы во имя победы. Истекающий кровью испанский народ не переставал в самые трудные часы верить в свою победу и наносил врагу жестокие удары. Разгром итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой, победы на Эбро и у Теруэля, славная оборона Мадрида, сражения у стен Бильбао и Овиедо, в горах Гвадаррамы памятными вехами вошли в героическую летопись борьбы. Но силы были слишком неравны. Борьба испанцев, безусловно, завершилась бы победой, если бы презренные маклеры смерти из Лондона и Вашингтона не выдали обезоруженную Испанию на кровавую расправу фашизму трех стран.

Сейчас в Испании хозяйничают шпики и спекулянты, «перемещенные» гестаповцы и американские генералы. Вдоль Гран Виа и улицы Алькала проносятся роскошные «кадиллаки» богачей. По улицам городов шагают, вглядываясь в каждого встречного, пикеты франкистской жандармерии. Зловещая тень жандармской треуголки лежит на испанской земле. Тысячи людей томятся в тюрьмах многие годы. Миллионы бедняков голодают, ютясь в ужасных трущобах и землянках.

Трусливый изувер Франко, которого народ презрительно называет «коротышкой», верный холуй Гитлера и Муссолини, дрожа, пережил крушение своих хозяев. Когда одного из них повесили вверх ногами на миланской площади, а другой сгинул в бетонном бункере, кровавый пес сразу почуял новых хозяев за океаном. Обнищавшего палача обласкали, в Мадрид потянулись «туристы» из Пентагона и с Уолл-стрита. Заокеанские «демократы» превратили Пиренейский полуостров в стратегическую военную базу США. «Коротышка» в открытую торгует своей страной и жизнями соотечественников.

Но не американским империалистам и не их прислужникам дано решать судьбы испанского народа.

Труженики Испании не склонили головы перед фашистским режимом нищеты и террора. Они продолжают борьбу.

Дух Мадрида и Гвадаррамы веет над непокоренной Испанией. Он не знает границ. «Гимн де Риего» звучал над Гаваной, праздновавшей вторую годовщину кубинской революции. На земле Кубы — в Ориенте, в Санта-Клара — я встречал многих ветеранов республиканской Испании. Они снова в боевом строю. Они громили американских наемников на Плайя Хирон, они готовы отразить новые удары. Я вглядывался в дорогие мне мужественные лица, в стальные глаза солдат революции. И неизменно слышал короткую фразу:

— Продолжаем борьбу. Мадрид ждет нас.

Танцует женская группа ансамбля И. Моисеева. Фото Е. Умнова.

Откровение танца

Размышления на концерте русских танцоров

Митчел УИЛСОН

Это было три года назад. В «Метрополитен-опера» собралась самая искушенная публика — посетители премьер, избранные театралы Нью-Йорка.

Едва в зале погас свет, люди замерли в ожидании. Меха, драгоценности, вечерние туалеты потонули в темноте. Но вот огни рампы осветили занавес... Предстоящее выступление танцевального ансамбля Игоря Моисеева в Соединенных Штатах было широко разрекламировано. Но ведь аудитория эта состояла из людей, которые сами приобрели известность благодаря рекламе. Они знают лучше, чем кто-либо иной, как часто рекламу не следует принимать всерьез. На любой премьере, словно на ощупь, чувствуется их скептицизм, холодный, отрешенный. Ни одна категория зрителей не отвергает столь решительно то, что ее не волнует. Зато, если увиденное (а они повидали многое!) доставит им удовольствие, нигде нельзя ожидать такого бурного одобрения, даже энтузиазма, как в этом собрании знатоков.

Поднялся занавес. На какое-то мгновение на сцене — лишь ярко освещенная пустота. Но вот наконец плавно заскользили из-за кулис ряды танцоров, и сцена вдруг расцветает богатством красок. Медленно, самозабвенно плывут танцоры под старинную мелодию, повинуясь древнему ритму. Пропадает чувство времени, и в воображении встают картины тихих летних вечеров, широких лугов, рек, окаймленных плакучими ивами...

Меняется ритм — меняется рисунок танца. Но все время от танцоров исходит такая жизнеутверждающая сила, что, кажется, даже самый воздух в темном зале насыщен, наэлектризован ею. И зал испытывает почти чувство облегчения, когда заканчивается первый танец. Поднявшись в общем порыве с мест, они рукоплещут, скандируют «браво!».

И с тех пор каждый вечер, на каждом выступлении, независимо от того, к какому кругу общества принадлежали зрители, независимо от возраста их, по всей стране повторялось одно и то же.

Теперь ансамбль Моисеева снова приехал к нам. И ему снова был оказан такой же горячий прием, как и в первый раз.

Что же в русских танцорах привлекает нас? Что вызывает это чувство восторга, это высокое и возвышающее душу наслаждение, которое нельзя объяснить простым признанием технического — пусть высокого — мастерства?

Источник этого чувства гораздо глубже. По-моему, оно сильнее и того хорошего подъема, который возникает как у наших, так и советских зрителей,— возникает обязательно, когда в Советском Союзе выступают американские артисты, а в Соединенных Штатах — ваши, русские, советские артисты. И мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что это чувство надежды. Оно придает особую праздничную значимость каждому артистическому выступлению, предусмотренному программой культурного обмена между нашими странами. Ведь мы живем в дни исключительной напряженности, а каждое такое событие увеличивает надежды людей на прочный мир и уже тем самым радует, как доброе предзнаменование.

Однако, как бы все это ни было важно, Игорь Моисеев — постановщик танцев — и весь его ансамбль дают нам нечто большее. Они несут зрителю что-то настолько глубокое, что зритель, как

мне кажется, невольно начинает размышлять над самым смыслом человеческого бытия.

Некоторые философы рассматривают человека в сугубо личном плане — только как индивидуум. Время ограничено для них только рождением и смертью индивидуума. С точки зрения такой философии, жизнь поистине трагична — это ряд непрерывных потерь и разочарований, преследующих человека, даже несмотря на кажущееся внешнее материальное благополучие. Ведь всякому человеку, рассуждают такие философы, если он живет достаточно долго, суждено пережить смерть родителей и друзей, крушение надежд...

В последние годы мы на Западе мучительно концентрировали свое внимание на трагической судьбе отдельной личности, хотя и понимали, что ее мир вовсе не ограничен только ее собственными переживаниями.

Малейший проблеск чего-то нового, иного неожиданно смягчает, приносит для нас хотя бы временное облегчение от удушающей атмосферы трагизма. Часто это делает искусство в свойственной ему поэтической форме.

Мне кажется, что именно эту струну — внезапного откровения смысла, радостей, света человеческой жизни — как раз и затронул ансамбль Моисеева.

Сюиту русских народных танцев, мне кажется, трудно отнести к какому-нибудь определенному отрезку времени: она напоминает нам о жизни множества человеческих поколений, непрестанной жизни народа. «Свадебный танец» ведь не является танцем определенной деревни либо определенной девушки, той, которая состарится и умрет. Этот танец словно кристаллизует в себе самые счастливые, исполненные любви и радости часы тысяч, миллионов человеческих свадеб. Он сверкает блеском неисчислимых граней, подобно драгоценному камню.

Взлет бьющей через край радости в этих танцах — это переживание не одного только человека, а как бы мгновенно вспыхивающая радость миллионов людей, в миллионе различных мест, в миллионе исторических мгновений. Это жизнь, дающая вам ощущение радости, счастья.

Мы не знаем тех самобытных русских народных танцев, которые изучены и обобщены Моисеевым, но мы ни на одно мгновение не спутаем его хореографическое искусство с простым повторением, репродукцией. Игорь Моисеев использовал народные танцы как основу для творческого и душевного общения между людьми. В результате танцы, являющиеся плодом вдохновения советских, русских артистов, воспринимаются как вершина мирового хореографического искусства.

Танец ансамбля Игоря Моисеева к тому же насквозь пронизан человечностью самих танцоров. Они танцуют с изумительным талантом, а вместе с тем с поражающей простотой и живостью, их радость осязаема.

Во время одного из спектаклей я наблюдал за представлением ансамбля, находясь за кулисами. Мне хотелось выяснить для самого себя, насколько театральны эти улыбки на сцене, насколько театрализовано это бьющее через край веселье танцоров... Я увидел следующее. После ухода актеров за кулисы улыбки не исчезали, чтобы смениться выражением скуки, они оставались на лицах. Тела не распускались в изнеможении и не принимали позу равнодушия и апатии. Была органическая, неразрывная телесная связь между тем, что видели на сцене зрители, и тем, что видел я несколько минут спустя, когда для танцоров зрителей уже не было, а были только рабочие сцены, стоявшие возле меня за кулисами.

В другой раз участники ансамбля пришли ко мне домой, чтобы встретиться после представления с моими американскими друзьями. Скоро разговор стал непринужденным и общим. Одна из моих гостей, Дола де Джонг, — американская писательница и до сих пор единственная женщина, являющаяся членом Нидерландской академии литературы, — заметила с удивлением: «Среди танцоров, которых я когда-либо встречала, они первые, кто читает книги. Им чужда самовлюбленность Нарцисса. Они больше чем танцоры. Они — люди».

Поэтическое вдохновение Моисеева и его ансамбля, я думаю, очень много значило для нас в Америке, — пусть очень немногие отдают себе в этом отчет. Очевидно, мы просто ощущаем это подсознательно. Это бывает, когда истина раскрывается в душе человека еще раньше, чем он нашел слова для ее выражения.

Короче говоря, мы восхищены!

Мы испытываем полное удовлетворение, надеясь, что некоторые из наших артистов, которые уехали в вашу страну, доставят вам такое же удовольствие.

ЧАРЛЬЗ БОЛЕН ИСКАЖАЕТ ФАКТЫ

Дипломатический обозреватель агентства печати «Новости» о записках Ч. Болена.

Госдепартамент США опубликовал записки американского дипломата Чарльза Болена о Тегеранской конференции трех великих держав 1943 года.

Автор записок искажает позицию Советского Союза по вопросам, обсуждавшимся на конференции. Во многих случаях он приписывает Советскому правительству позиции, которые на самом деле занимали другие участники конференции, а именно США и Англия.

Ч. Болен утверждает, будто Советский Союз был сторонником расчленения Германии. Между тем общеизвестно, что в Тегеране именно представители США предлагали раздробить Германию на пять автономных государств, а Черчилль — на три. Советская сторона хотя и приняла, естественно, участие в обсуждении этих планов, но не поддержала их и не допустила принятия по ним какого-либо решения. Именно в результате советской позиции англо-американские планы расчленения германского государства были переданы Тегеранской конференцией на рассмотрение Европейской консультативной комиссии, где отрицательное к ним отношение со стороны Советского Союза и обрекло эти планы на окончательный провал.

Вопреки историческим фактам Ч. Болен приписывает Советскому Союзу враждебное отношение к французскому народу, пытаясь создать миф об «антифранцузских» настроениях в Советском Союзе.

Американскому дипломату стоило бы вспомнить, что из всех правительств великих держав только Советское правительство последовательно поддерживало движение «Свободная Франция», а затем «Сражающаяся Франция» на всех этапах его развития и первым признало Французский национальный комитет освобождения в качестве Временного правительства Франции. Советский народ всегда с большим уважением относился к борьбе французских патриотов против гитлеровцев, высоко оценивал ее.

«Антифранцузская» позиция Советского правительства в ходе второй мировой войны — досужий вымысел Ч. Болена, неуклюжая попытка набросить тень на чувства дружбы, которые советский народ неизменно питал и питает к народу Франции.

Издатели преподносят записки Ч. Болена как «исторические» и «объективные». На самом деле в них мало объективности. Нельзя также не вспомнить, что именно США настаивали в свое время на том, чтобы материалы межсоюзнических конференций публиковались только по взаимному соглашению всех их участников. «Мы не намерены опубликовывать ничего из того, что будет здесь говориться», — заявил президент США Рузвельт, открывая 28 ноября 1943 года первое заседание Тегеранской конференции. Еще ранее, в октябре 1943 года, на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии, по предложениям государственного секретаря США Хэлла и английского министра иностранных дел Идена была достигнута договоренность о том, что какая-либо информация о работе конференции может иметь место лишь с согласия всех ее участников.

Несмотря на это, в 1955 году государственный департамент США, не спрашивая согласия Советского Союза и вопреки возражениям Англии, опубликовал свой вариант записей заседаний Крымской конференции, искажающий действительный ее ход. Сейчас, опубликовав «Записки Болена», госдепартамент решил, видимо, продолжить эту практику.

Советская дипломатия, которой нечего скрывать от общественности, никогда не боялась гласности, однако и в вопросе о публикации этих документов она всегда оставалась верной своему слову.

Тем большее удивление вызывает столь странная непоследовательность в поступках госдепартамента. Видно, именно нарастающие требования общественности, которая поддерживает предложения Советского правительства о ликвидации остатков второй мировой войны и заключении мирного договора с Германией, вынуждают госдепартамент прибегать к подобным неблаговидным уловкам, чтобы отвлечь внимание от назревших проблем и исказить советскую позицию в германском вопросе. Непреложным фактом остается то, что США и Англия не только вынашивали во время войны планы расчленения Германии, но в конце концов, нарушив постановления Потсдамской конференции, расчленили эту страну, создав боннское государство. И теперь США и Англия всячески противятся осуществлению предложений СССР и ГДР об установлении контактов и начале переговоров между ГДР и ФРГ.

В связи с 20-летием начала Великой Отечественной войны и предпринятыми в США публикациями, извращающими позицию Советского Союза, советский журнал «Международная жизнь» на днях опубликовал советские записи заседаний Тегеранской конференции и другие важнейшие материалы межсоюзнических совещаний во время войны, что, несомненно, будет способствовать восстановлению исторической истины.

Читая эти советские материалы, объективно освещающие ход Тегеранской конференции, видишь, что между великими державами действительно существовали серьезные разногласия и спорные вопросы. Это естественно, и этого никто не отрицает. Но главное, что бросается в глаза, — тот дух сотрудничества, проявленный во время войны Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки и Великобританией, который помог им победить во второй мировой войне общего врага — германский фашизм и японский милитаризм. Существовавшие между СССР, США и Англией в период войны отношения еще раз подтверждают правоту ленинских указаний о возможности и необходимости сосуществования и сотрудничества государств с различным общественно-политическим строем. В принятой на Тегеранской конференции декларации трех держав торжественно заявлялось: «Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир».

Однако вскоре после окончания второй мировой войны в политике Соединенных Штатов, Англии и Франции все сильнее стало сказываться влияние реакционных милитаристских кругов, взявших курс на развитие политики «с позиции силы» и «холодной войны».

Что касается Советского Союза, то он неизменно верен ленинской идее мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем. Последовательно осуществляя ленинскую политику мира, Советское государство делает все от него зависящее, чтобы избавить человечество от угрозы войны. Это видят народы по обе стороны Атлантического океана.

Борьба Советского правительства и его главы Н. С. Хрущева за укрепление мира во всем мире завоевала восхищение и поддержку со стороны всех честных людей. Этого боятся представители империалистических монополий. Не тем ли объясняется «политическая забывчивость» американского дипломата и его издателей, которым лучше было бы действовать согласно мудрой народной пословице: «Не будь торoплив, будь памятлив».

В Серебряном Бору. Москва.

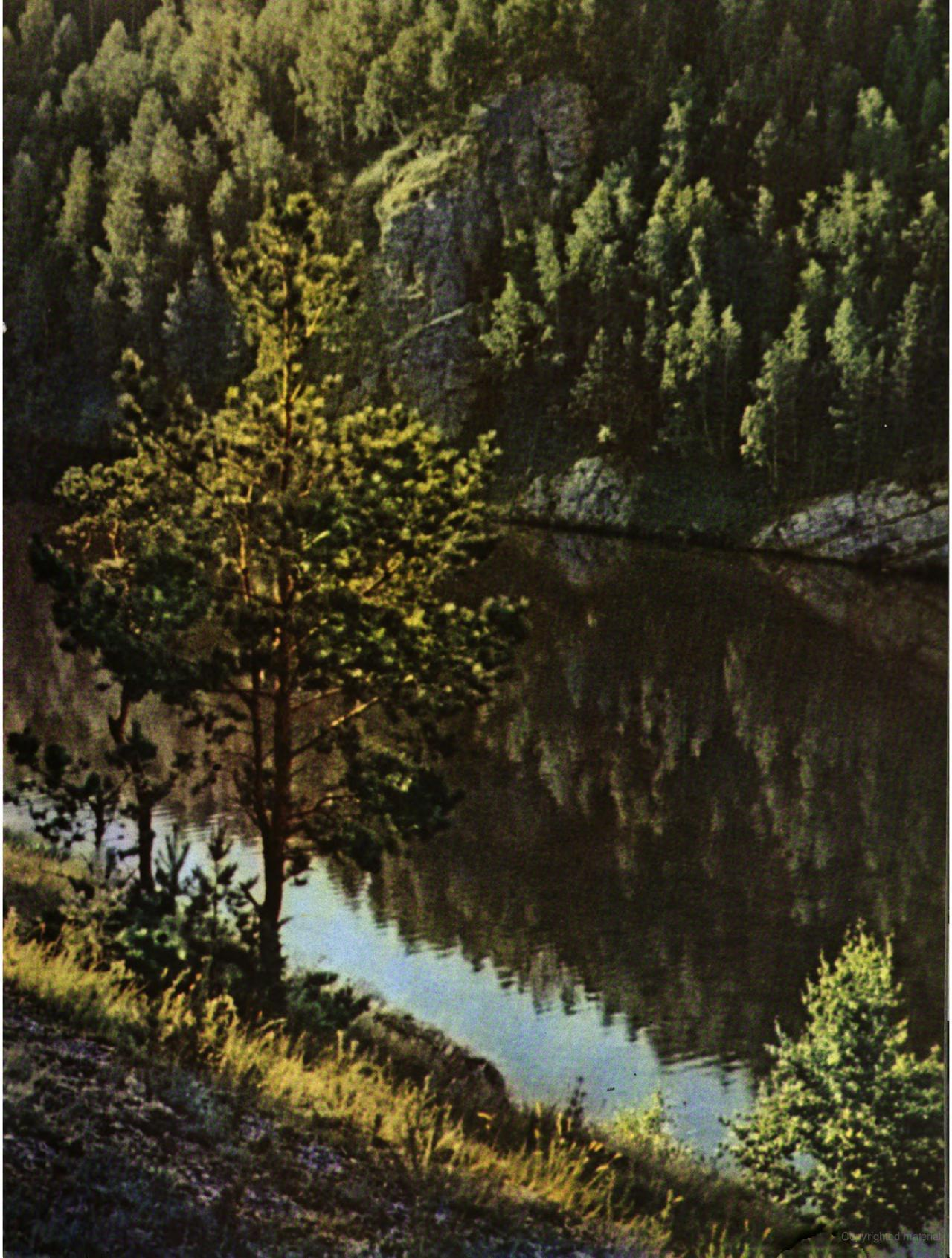

Фото А. Бочинина.

Ранним утром
на реке Исеть.
Урал.

Фото М. Савина.

Борис ЛАВРЕНЕВ

ВСТРЕЧИ С ФУРМАНОВЫМ

Д. А. Фурманов.

Борис Андреевич Лавренев и Дмитрий Андреевич Фурманов — одногодки. В нынешнем году исполняется семьдесят лет со дня рождения двух талантливых советских писателей. Мы впервые публикуем воспоминания Б. А. Лавренева о встречах с автором «Чапаева» и «Мятежа». Текст печатается по рукописи Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

Б. А. Лавренев.

17 октября 1919 года я выписался из красноармейского госпиталя в Москве с незажившей раной. В госпитале царила настоящая голодовка. Вся пища раненых заключалась в нескольких вариантах теплой воды с плававшей в ней размочаленной воблой, разваренной ржи и куске черного хлеба. Жиров не было в помине. От этого раздробленные кости ступни не срастались, рана не закрывалась. Кое-как на костылях я добрался до штаба МВО и там выпросил себе назначение в распоряжение инспектора артиллерии в Самару. О Самаре шли слухи, что там вдоволь и масла, и сала, и белого хлеба. Эти фантастические слухи давали надежду, что усиленное питание поможет встать на ноги.

С трудом убедив начальника отдела формирования в том, что с одной ногой можно нести штабную работу, я обычным модусом передвижения, в нетопленной теплушке, дотащился в трое суток до вожделенной Самары. Но инспектор артиллерии фронта наотрез отказался принять одноногого инвалида. После долгих объяснений он отправил меня к секретарю М. В. Фрунзе — Савину.

Савин, едва взглянув на меня, решил категорически:

— Отправляйтесь к Фурманову.

— Почему? — спросил я.— Я же не политработник, а строевой командир.

— Поговорите с Фурмановым,— коротко отрезал Савин, вручая мне записку.

Через десять минут я впервые увидел Фурманова. За столом сидел молодой человек, совсем юноша. Каштановые волосы пышной копной стояли над крутым гладким лбом. На щеках горел какой-то особенно нежный румянец, которому я и сейчас не могу найти иного определения, кроме девичьего. Он смотрел на меня ясными и теплыми глазами и чуть улыбался, читая записку Савина. Положил ее на стол и без всякого вступления огорошил меня вопросом:

— Вы сумасшедший или нет?

В те баснословные года я был горяч и вспыльчив и, в свою очередь, спросил:

— А вы?

Фурманов улыбнулся. У него была какая-то особенная улыбка — очень простая, интимная и обезоруживающая. Улыбнувшись, он пристально посмотрел на меня и, покачав головой, сказал:

— Видите ли, товарищ, с моей стороны в вопросе есть логика, с вашей — ни малейшей. Вы проситесь в строевую часть? А на кой черт, скажите, вы нужны в строевой части в таком виде?

Я буркнул что-то несвязное, но долженствовавшее убедить, что у меня неплохой вид и что я смогу лихо держаться где-нибудь в штабе бригады.

Дмитрий Андреевич помолчал, продолжая со скептическим любопытством разглядывать меня.

— Какое у вас образование? — спросил он неожиданно.

— Военное?

— Нет. Военное мне известно из вашего предписания. Общее.

— Юридический факультет.

Он задумался, упирая в лоб кончик вкладыша. Потом быстро написал что-то на блокнотном листке. И, подняв голову, четко сказал мне:

— Пойдете в общежитие штаба фронта и получите койку у коменданта. А затем отправитесь на фронтовые курсы агитаторов и будете читать курсантам историю общественного движения в России.

От изумления и гнева я едва не уронил костыли. Мне читать лекции? Мне, квалифицированному артиллеристу, командовавшему дивизионом и бронепоездом, с опытом штабной работы? Я совершенно озверел от такого оборота. Помню, что даже голос от злобы у меня сорвался на петушиный хрип.

— Я боевой командир, а не классная дама!

Ответ был, конечно, глупый. Но тогда было особенное время, когда даже люди с раздробленными ногами мечтали о полях сражений и боевых подвигах. И предложение читать лекции звучало как оскорбление.

Это было уже чересчур. Я шагнул к столу, чтобы ответить дерзостью, но от бешенства забыл о своей ноге. Рискованный шаг вызвал такую боль в разбитой ступне, что от нее и от злости мне стало нехорошо. Комната поплыла перед глазами. Очнулся я на продранном диванчике, прислоненном к стене. Фурманов заботливо поил меня водой. И говорил совсем другим, дружески упрекающим голосом:

— Ну-ну! Пей. Экий дурень! Прямой индейский петух! Тебе же, чудаку, добра хочу. Ну, посмотри на себя: куда тебе в строй? Подлечишься, отдохнешь, тогда скачи, пожалуйста. Погляди-ка в зеркало.

На противоположной стене в простенке между окнами стояло паршивое гостиничное трюмо. Я невольно взглянул в него. В тусклом стекле отразилась непрезентабельная фигура в рваной шинели, в сапоге, заштопанном после ранения куском черной кожи по желтой основе. Землисто-зеленая, худая морда торчала из расстегнутого воротника шинели, и мне вдруг стало так жаль себя, что я с трудом удержал слезы.

А Дмитрий Андреевич, смотря на мою развалившуюся обувь, грустно приговаривал:

— Ты ж в этих сапогах пропадешь. Я тебе записку дам на валенки. И вообще лечись. Может, в госпиталь хочешь?

Я отрицательно мотнул головой. После Москвы я боялся госпиталя, как буки.

— Ну ладно... Я тебя сейчас на бричке отправлю в общежитие. Дня три отдохни, а потом приступишь к лекциям...

И словно безоговорочно уверенный, что я буду читать лекции, деловито спросил:

— Ты ведь историю общественного движения знаешь? Если трудно будет, говори. Я тебе литературу дам.

Он был нежен, взволнован и заботлив, как старший брат. Вручил мне записку на валенки, вызвал секретаря и приказал отвезти меня в общежитие на своем комиссарском экипаже. Отлежавшись в общежитии, я успокоился и сознал всю правоту Фурманова.

Через три дня я приступил к исполнению своих лекторских обязанностей. Сперва было трудно и неловко — я никогда в жизни не занимался педагогикой. По конспекту курса убедился, что многое нужно восстановить в памяти и подчитать. Но обращаться за помощью к Дмитрию Андреевичу не хотелось из ложного самолюбия. К счастью, в гарнизонной библиотеке нашлись нужные книги. Я обложился ими и серьезно взялся за курс.

Прошло недели три. Я читал очередную лекцию в закоптелой казарме, служившей аудиторией курсов. Неожиданно открылась дверь, и появился Фурманов. Курсанты встали. Я проковылял навстречу Дмитрию Андреевичу, но он прервал мой рапорт на полуслове:

— Не нужно. Продолжайте.

И сел на одной из парт.

Не знаю почему, но я заволновался. И, может быть, от этого волнения нашел удар. Слова пошли как-то по-особенному четко, взволнованно и ярко.

Дмитрий Андреевич, облокотясь на локоть, просидел до звонка.

Курсанты шумно разошлись.

Тогда Фурманов подошел ко мне.

— Ну вот, видишь... А то уперся, как вол. Ведь хорошо читаешь...

Я неловко молчал.

А Фурманов, точно не замечая моей смущенности, озабоченно раскрыл пухлый портфель, незабвенный портфель эпохи гражданской войны, и, вытащив довольно тяжелый сверток, сунул мне в руки.

На мой безмолвный вопрос он тепло и просто объяснил:

— Тебе питаться хорошо надо. Тут грудинки фунтов пять и масло.

В другие времена это подаяние могло бы быть сочтено обидой. Но в те годы мы понимали друг друга иначе. Я буквально почувствовал, как горячая волна подступила мне к горлу. Я безмолвно взял этот ценный подарок товарища, знак великой человеческой заботы. А Фурманов, переводя разговор на другое, словно избегая всякого намека на благодарность, сказал:

— Курсанты тебя очень хвалили. Вот в Ташкенте откроем красноармейский университет, закрепим профессором.

И сам улыбнулся неожиданности этого конца.

Больше мне не удалось встретиться с Фурмановым. Через две недели с поездом-типографией штаба фронта я выехал в Ташкент и по приезде заболел. Приехавший вслед за мной Фурманов направился в Семиречье, навстречу верненским событиям. А потом его вызвали в Москву. Но я до сих пор помню теплые глаза, голос, улыбку и даже волшебный вкус копченой грудинки и желтого сибирского масла, которое я с жадностью поедал в тот вечер нашей второй и последней встречи.

Публикация Н. ЧЕРНИКОВА.

←
Туристы на Ругозере. Карелия. Фото В. Гукова.

Мы-ка

Михаил КОРШУНОВ

Рассказ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

1

Уже давно мы так живем. А все потому, что мама «делает науку»: будет защищать звание кандидата.

Делать науку помогают: папа Сережа (это Сережа-старший), сын Сережа (это Сережа-младший) и еще дочка Витаська.

Мамина наука называется: «Микробы в промышленности». Кому ни скажешь — удивляются. А даже Витаське известно, что есть микробы-враги, от которых все болеют, и микробы-друзья, от которых сплошная польза. Они готовят простоквашу, сыр, пиво, лекарства.

Когда утром разносчик молока звонит в квартиру, дверь открывает Сережа-старший. Мамы нет, она уже в своей лаборатории, где в пробирках и колбах растут промышленные микробы.

Сережа-старший, заспанный и усталый, покупает кефир. Всю ночь он проверял в маминой науке фамилии ученых и цифры: вдруг машинистка что-нибудь перепутала! А мама всю ночь сочиняла автореферат, который нужно сдать в типографию.

Разносчик сочувственно вздыхает. Он носит молоко и кефир в наш дом не первый год и все про всех знает.

— Тяжело?

— Да,— кивает Сережа-старший и кричит:— Сережка! (Это он зовет Сережу-младшего). Деньги!

Сережа-младший, правда, не всю ночь, а только половину ночи сортировал по номерам фотокарточки микробов. В трусах и тоже заспанный, он бродит по комнате среди маминой науки, разложенной на полу и на столе, «черновиков» и «беловиков». Трогать ничего нельзя, потому что потом не найдешь. Проваливается, как сквозь землю. Недавно провалилась цитата. Мама принесла ее из библиотеки, выписала из журнала.

Но сейчас провалился кошелек. Невозможно найти.

Сережа-старший с грохотом ставит на кухне бутылки, идет на подмогу.

Просыпается Витаська. Тоже бродит по комнате. Спотыкается о банки с клеем и красками.

Кошелек никому найти не удается. Зато нашли цитату. Обидно, что мама ходила за ней в библиотеку второй раз.

— Завтра заплатите,— говорит разносчик молока.

— Спасибо.

— Мы готовимся в кандидаты наук,— говорит Витаська.

— Понимаю.

Разносчик еще раз сочувствует и уходит.

Сережа-старший отправляется умываться. Потом Сережа-младший отправляется умываться. Потом Витаська. Витаську долго трут полотенцем. Она в разноцветной туши: рисовали графики почвенных грибков и ей доверили чистить перья.

Сережа-младший будет сегодня завтракать ужином: он вчера не ужинал. Сережа-старший будет завтракать обедом: он вчера не обедал. И только Витаська будет завтракать завтраком.

Маме следить некогда, кто когда и что ест. У нее забот выше головы.

Когда в доме не остается ни завтраков, ни обедов, ни ужинов, выручает разносчик молока: все питаются кефиром — промышленным микробом.

2

Сережа-старший продолжает сверять фамилии ученых и цифры. Заткнул уши пальцами, чтобы не отвлекаться.

Витаська намазывает кисточкой клей на фотографии микробов, а Сережа-младший вклеивает фотографии в те места науки, которые Сережа-старший уже проверил. Кладет на стул и садится сверху, прессует.

Звонит телефон.

К телефону бежит Витаська. Сережа-старший не слышит, потому что не отпускает пальцы от ушей, а Сережа-младший сидит прессует.

— Мамы нет дома,— отвечает Витаська.— Я передам. Только я уже забыла, что передать.

Сережа-младший хотел отправиться Витаське на подмогу, но тут Витаська говорит:

— Я уже не забыла. Я уже вспомнила.

Сережа-младший пересаживается с одной фотографии на другую.

Возвращается Витаська.

— Звонил...

— Ну?

— Звонил...— Витаська морщится, вспоминает.

— Растяпа,— говорит Сережа-младший.

Он встал со стула.

Витаська хватается руками за щеки, громко смеется.

— Ты чего?

— Штаны! Сзади!

У Сережи-младшего штаны сзади в полосках засохшего клея. Как нотная бумага.

Сережа-старший отпускает пальцы от ушей. Витаська тут же замолкает.

— Оппонент,— вдруг говорит она.

— Что?

— Вспомнила: оппонент!

— Что? Оппонент? — настораживается Сережа-старший.

Слово «оппонент» в доме знают все. Так называются дяди, которые будут читать мамину работу.

— Он позвонил и сказал... Ой, Сережа! — вдруг испуганно кричит Витаська.— Ты наступил на дрожжи.

Сережа-младший случайно наступил на фотографию дрожжей, которая лежала на полу.

— Что сказал оппонент? — спрашивает Сережа-старший нетерпеливо.

— Он сказал...— Витаська смущенно замолкает.— Я уже забыла, что он сказал.

— Растяпа,— говорит Сережа-младший.

— Безобразие,— говорит Сережа-старший и вновь затыкает пальцами уши, чтобы проверять фамилии ученых и цифры.

Витаська огорчилась. И правда, безобразие: мама просила ничего не забывать, а она, Витаська, забывает. Старается, помнит, помнит, а потом забывает. Как-то незаметно это получается.

Очень нравятся Витаське фотографии микробов. Их портреты. Есть микробы худые — кожа да кости. Они, конечно, сердитые и несимпатичные. Какие-нибудь кефирные. А есть микробы толстые — не ущипнешь. Готовят сыр или пиво. Они, конечно, веселые. Во весь рот смеются.

У Витаськи тоже есть фотография. Ее портрет. Висит на стене. Она толстая и веселая, смеется во весь рот. Хороший портрет. Он ей нравится.

Звонит телефон.

Теперь к телефону бежит Сережа-младший. Это мама. Спрашивает, звонил ли кто-нибудь.

— Звонил, оппонент. А что сказал, Витаська забыла.

Сережа возвращается.

Витаська опять хватается за щеки, смеется.

— Ты чего?

— Дрожжи.

Сережа смотрит под ноги.

— Нет. На штанах.

Сережа прессовал, и фотография дрожжей, на которой сидел, приклеилась не к бумаге, а к штанам.

НДИДАТЫ НАУК

3

Сегодня мастерили таблицы химических соединений на больших листах. Прибивали палочки, а к палочкам привязывали веревочные петли, чтобы соединения можно было вешать на стену.

Для этого Сережа-старший разломал на окнах все соломенные шторы: верх и низ этих штор были сделаны из подходящих, по его мнению, палочек — прочных и длинных.

Сережа-младший предлагал вместо штор палку от половой щетки. По его мнению, если палку удачно расколоть, тоже можно получить подходящие планочки.

Но Сережа-старший настоял на своем: проще разломать шторы, чем расколоть палку щетки.

И шторы разломали. Планочки обстругивали перочинным ножом. Потом зажимали между ними край таблицы и сколачивали гвоздями.

Гвоздей не было, и Сережа-младший откуда-нибудь их выдергивал. Вскоре в доме перестали висеть ковер, принадлежности для пылесоса, мыльница в ванной комнате и Витаськин портрет. Все это лежало на полу.

Витаська огорчалась за свой портрет. Но Сережа-старший сказал, чтобы не огорчалась: когда купят гвозди, снова повесят и ее портрет, и мыльницу, и ковер. А сейчас бежать в магазин за гвоздями некогда.

Витаська сказала: хорошо, она подождет. Только вначале пусть повесят ее портрет, а потом мыльницу.

Сережа-старший приказал Сереже-младшему, чтобы он достал еще гвоздей. Сережа достал. Ими сколотили последние палочки на последней таблице.

— Фух-х! — вздохнул Сережа-старший и вытряхнул из волос стружки.

— Фух-х! — вздохнул Сережа-младший и убрал клещи.

Последние гвозди для последней таблицы он выдернул в коридоре из-под вешалки. И теперь вешалка тоже лежала на полу.

— Фух-х! — вздохнула Витаська. Ей просто надоело каждый день есть промышленный микроб — кефир.

4

Мама тренируется делать свой доклад. Он должен занять ровно двадцать минут. Таков порядок защиты. Кто-то из знакомых пошутил, сказал: лучше, если доклад займет восемнадцать минут, тогда две минуты останутся на аплодисменты.

Мама ходит из угла в угол комнаты, смотрит на часы и говорит:

— Глубокоуважаемый председатель Ученого совета, уважаемые члены Ученого совета!

Вдруг зовет Сережу-старшего:

— Ты знаешь, начинаю говорить о председателе, а в голову лезет «вагоноуважатый».

— Кто лезет? — удивился Сережа-старший.

— Ну, «глубокоуважаемый вагоноуважатый. Вагоноуважаемый глубокоуважатый».

— Что это такое? — испугался Сережа-старший.— Откуда это?

— Витаська стихи недавно учила. Маршака. Путаница там. В этом роде что-то.

— Нет. Ты уж, пожалуйста, следи за собой.

— Я слежу. Ну, лезет в голову — и все.

Сережа-старший остается послушать маму, чтобы перед ней был кто-то живой, чтобы она сосредоточила внимание и в голову не лез «вагоноуважатый».

Мама тренируется весь день. Она сказала доклад Сереже-старшему, Сереже-младшему и опять Сереже-старшему (Сережа-младший тем временем ушел в школу), разносчику молока, Витаське, опять Сереже-младшему (тем временем он пришел из школы, а Сережа-старший ушел на работу), и опять Витаське, потому что Витаська никуда не уходила, а сидела на ковре, который больше не висел, а лежал.

Когда мама устала ходить из угла в угол комнаты, она села рядом с Витаськой на этот самый ковер и сказала свою речь в последний раз:

— Глубокоуважаемый председатель Ученого совета,— потом улыбнулась и тихонько прошептала: — Вагоноуважаемый...

Витаська засмеялась.

Мама обняла Витаську и тоже засмеялась.

5

Это был зал с покатым полом и узкими партами. На сцене стояла кафедра и стол. Кафедра — для мамы. С нее она будет говорить свою речь, защищать звание кандидата наук. Стол — для председателя Ученого совета и секретаря.

Зал называется аудиторией.

Сережа-старший, Сережа-младший и Витаська сидели в самом конце аудитории. Мама сидела впереди, там, где были ее друзья по работе и всякие гости, которые прочитали объявление в «Вечерней Москве» о защите и приехали.

Мама была в черном костюме и в белой кофточке. Хотела надеть еще черный бантик. Его кто-то принес маме. Но бантик попался на редкость вредный: перекручивался, уползал вбок, и мама оставила его дома.

Лаборанты развесили на стенах таблицы химических соединений, которые были сделаны из штор, направили на экран проекционный фонарь, чтобы показывать диапозитивы, расставили на столе колбы и пробирки с микробами.

Сережа-старший, Сережа-младший и Витаська принесли с собой портфель. В портфеле были спрятаны цветы. Это для мамы. А для Сережи-младшего и для Витаськи там были бутерброды. На всякий случай, если проголодаются.

Сережа-старший, Сережа-младший и Витаська волновались. Мама тоже волновалась. Она поглядывала на них, а они поглядывали на нее. Скорее бы маму пригласили на кафедру и она начала бы говорить: «Глубокоуважаемый председатель Ученого совета» (председатель уже сидел за столом), «Уважаемые члены Ученого совета» (они уже сидели в зале).

Лаборанты принесли ящик, запечатанный сургучной печатью. Печать висела на ленточке и была похожа на красный осенний лист. Ящик нужен для тайного голосования. В него члены Ученого совета опустят бюллетени (так сказал Сережа-старший); кто за то, чтобы присвоить маме звание кандидата наук, кто — против. Бюллетени — это листки бумаги, но их почему-то еще называют шарами.

Витаська спросила у Сережи-старшего, почему шары.

— Какие шары? — не понял Сережа-старший. Он плохо слушал Витаську.

— Белые и черные?

— А-а, да-да. Шары. Их кидали раньше.

— Куда? В ящик?

— Да-да. В ящик.

— А из чего они были сделаны?

— Из бумаги.

— Из бумаги — шары?

— Не знаю. Может, из дерева были сделаны.

— А почему теперь не делают шаров?

— Бюллетени — это шары.

— Шары из бумаги?

— Безобразие,— вдруг сказал Сережа-старший.— Ты замолчишь или нет!..

Витаська замолчала. Народу в аудитории все прибавлялось: гости, профессора, студенты, аспиранты.

Мама совсем разволновалась: перестала даже оглядываться. И Сережа-старший совсем разволновался: вместо бутерброда, который попросила Витаська, потому что тоже совсем разволновалась, он достал из портфеля цветы. И Сережа-младший совсем разволновался: он скрестил пальцы на обеих руках и так их и держал. Кто-то ему сказал, что это помогает и задуманное сбывается.

Из-за стола встал Ученый секретарь и прочитал мамину биографию. Про Сережу-старшего в биографии что-то было, а про Сережу-младшего и про Витаську ничего не было.

Наконец маму пригласили на сцену, где кафедра. В черном костюме мама казалась очень тоненькой и очень серьезной. Заговорила она негромко и спокойно.

Витаське даже почудилось, что все это происходит дома. Мама рассказывает, а Витаська сидит на ковре и слушает.

Витаська испугалась: вдруг мама в своей речи где-нибудь случайно скажет на председателя «Вагоноуважаемый». И он, конечно, тогда обидится и кинет в ящик черный шар.

Мама взяла указку и начала что-то показывать на таблице. Потом подошла к столу, к пробиркам и колбам. Тоже что-то показала. Потом на белом экране, увеличенные во много раз, появились микробы: худые и толстые, сердитые и веселые. Их увеличивал проекционный фонарь. Потом мама закончила свое выступление, и начали выступать оппоненты. Они говорили всякие сложные слова — Витаська их не понимала.

6

С ящика был сорван красный осенний лист. Мама, очень тоненькая и очень серьезная в черном костюме, стояла у кафедры и слушала результат голосования.

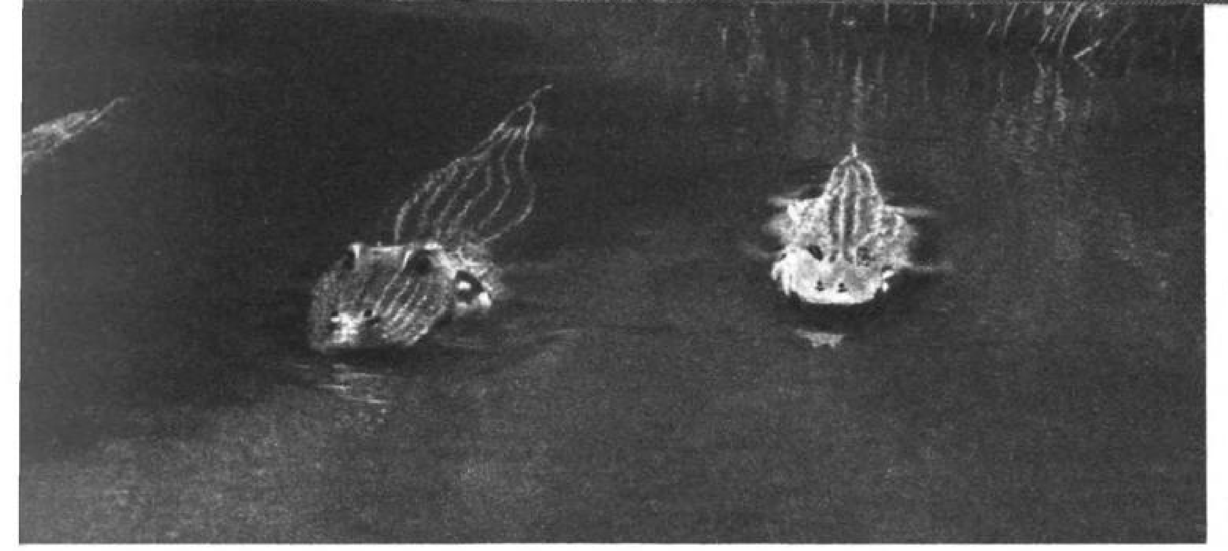
И вдруг все в зале захлопали, заулыбались. И мама заулыбалась, начала искать глазами Сережу-старшего, Сережу-младшего и Витаську.

Пока они спускались со своего последнего ряда, маму окружили друзья по работе, гости, студенты, аспиранты, члены Ученого совета. Маму обнимали, целовали, пожимали ей руки.

Сережа-старший достал из портфеля цветы. Попробовал пробиться к маме, но не смог. Тогда он отдал подержать пустой портфель Сереже-младшему, а Витаську с цветами посадил к себе на плечи. И тогда мама увидела Витаську и цветы, а Витаська увидела маму и закричала:

— Мы теперь кандидаты наук! Да?..

В «Стране Диснея». Механические звери совсем как настоящие.

Невозможно представить себе Америку

Борис БУРКОВ

Фото автора.

Когда делегация советских журналистов, возвратившаяся из Соединенных Штатов Америки, выступала по Московскому телевидению, один из телезрителей спросил по телефону: «Изменилась ли «одноэтажная Америка», описанная Ильфом и Петровым, за прошедшие 25 лет?»

Одноэтажные и двухэтажные маленькие домики мы видели в пригородах Нью-Йорка, Чикаго, много таких домиков в Сан-Франциско, в Де-Мойне и в Лос-Анжелосе. Определение «одноэтажная Америка» не только правильно в прямом смысле этих слов,— оно точно характеризует жизнь миллионов простых людей, зависящих от владельцев сверкающих небоскребов.

В Лос-Анжелосе контрасты богатства и потрясающей нищеты, пожалуй, не бросаются в глаза так, как в Нью-Йорке. «Нью-Йорк,— писали Илья Ильф и Евгений Петров,— город пугающий. Миллионы людей мужественно ведут здесь борьбу за свою жизнь. В этом городе слишком много денег. Слишком много у одних и совсем мало у других».

И это не только в Нью-Йорке. Это трагедия всей страны, самое характерное проявление социальной системы. Громады банков, трестов, редакций, отелей, магазинов, домов богачей — это одна Америка. Она пугает, она подавляет, она командует и околпачивает. Остальная Америка—«одноэтажная».

Изменилась ли эта Америка за последние 25 лет? В целом она осталась такой же «одноэтажной». Но кое-что в ней и изменилось.

В 1935 году журналисты Ильф и Петров говорили, что американцы удивительные люди — и дружить с ними приятно, и дело легко иметь. Советские журналисты, сопровождавшие в поездке по США Никиту Сергеевича Хрущева осенью 1959 года, также писали о подвижности и непосредственности американцев. Большинство из них быстро знакомятся и сразу начинают говорить с собеседником довольно откровенно. Мы, побывавшие в Америке недавно, разделяем эту точку зрения, отмечая, что за последние годы в американском народе окрепли миролюбивые устремления. Я бы сказал, что многие граждане США постепенно отрешаются от обывательской пассивности. Сознание народа — всегда продукт пережитой истории. Была война с фашистской Германией. Был президент Франклин Рузвельт, сделавший большой вклад в сближение наших народов, но были и Трумэн и Эйзенхауэр...

Все смелее выражается идея мирного сосуществования, хотя «большая печать» ежедневно напоминает об «угрозе коммунизма». «Мы так похожи на русских...» — говорят многие американцы. «Чем больше у вас успехов,— сказал один архитектор в Чикаго, когда мы были у него в гостях,— тем мы больше вас уважаем».

У нашего хозяина архитектора пятикомнатная квартира. Семья его состоит из шести человек. В квартире чисто. Простая, удобная мебель. Квартира куплена за 25 тысяч долларов, в рассрочку на 25 лет. Холодильник и телевизор — тоже в рассрочку.

— А если вы вдруг потеряете место, что тогда?

— Если у меня не будет работы,— отделяя слово от слова, говорит хозяин,— то через несколько месяцев должен буду покинуть квартиру, лишиться многих вещей...

— Вот, кстати, справка...— Сестра архитектора протягивает нам газету «Нью кол буллетин», в которой сообщается: «В 1960 году 48 тысяч семей были выселены из своих квартир...»

В этот вечер к архитектору пришли его друзья — врачи, журналисты, профсоюзные деятели, рабочие. Более двух десятков людей собрались, узнав о приезде советских журналистов.

Речь шла о жизни «среднего американца», о победах в космосе, о продажности многих профсоюзных лидеров США, о Кубе, Лаосе, Берлине...

Примерно в 36 километрах от Лос-Анжелоса шесть лет назад известный постановщик мультипликационных фильмов, автор таких чудесных картин, как «Бэмби», «Белоснежка», Уолт Дисней создал сказочный парк — «Страну Диснея» («Диснейленд»). Мы посетили это царство чудес. Дисней построил американский городок прошлого века с железной дорогой и миниатюрным вокзалом. Маленькие вагончики могут доставить вас в мексиканскую пустыню, к вигвамам индейцев... Но опишем лучше посещение «Диснейленда» с самого начала.

День стоял не просто солнечный, он был каким-то празднично солнечным. Принимали нас американцы гостеприимно, радушно, спрашивали о нашей стране, о встрече Н. С. Хрущева и Д. Кеннеди в Вене, о Юрии Гагарине.

Девушка в белом платье и белых перчатках приветствует нас и представляет администратору парка.

— Осенью 1959 года,— рассказывают нам,— посетители парка Диснея с нетерпением ждали господина Хрущева. Но у полиции был свой план... Господин Хрущев не смог, к сожалению, приехать к нам. Помните, власти заявили тогда, что они-де «не могут гарантировать безопасность»...

И, как бы желая поскорее опровергнуть глупую полицейскую версию, девушки и юноши наперебой сыпали вопросами и искренне радовались, получая от нас значки с изображением Юрия Гагарина. Потом начался интенсивный сбор автографов. В ход пошли открытки, книжки, блокноты, просто листки бумаги, носовые платки. Симпатичная круглолицая девушка сняла с ноги белую туфельку и подала нам. Довольная, сияющая, она рассматривала наши подписи. Вдруг к девушке подбежал фоторепортер, вырвал из рук туфельку и, видимо, полагая, что мы не знаем английского языка, написал на ней: «Не забывай, они не только русские, но и коммунисты». Мы сразу вспомнили тех, кто испугался симпатий американцев к Никите Сергеевичу Хрущеву и глупо сослался на «меры безопасности». Видно, этот фоторепортер был из той категории «блюстителей порядка и безопасности».

Мы бродили по «Стране Диснея», среди декораций рисованных фильмов, сделанных по романам Жюля Верна и по сказкам. Посетители, а их в 1960 году было 5 миллионов (из них — 4 миллиона взрослых), могут покататься по озеру на пароходе «Марк Твен» с трубой, колоколом и паровым сигналом образца середины XIX века. Можно плавать на плоту по озеру и побывать во дворике Тома Сойера. Можно перебраться по висячему мостику в старую крепость.

На подводной лодке можно опуститься «на дно морское» и любоваться красотами водных глубин: диковинными рыбами, морскими звездами, актиниями, огромными ракушками, акулами и даже... русалками.

Можно и слетать в космической ракете на Луну. Ракета, правда, не двигается с места, но некоторую иллюзию полета ощущаешь.

Я думаю, что самый интересный уголок «Страны Диснея» — это «джунгли». Вы садитесь в лодку и отправляетесь в «опасное путешествие». Впереди — лодочник, вооруженный большим пистолетом. На вас нападают крокодилы, бегемоты. Страшный рев слонов, тигров, дикие крики индейцев, полумрак джунглей заставляют оживать страницы приключенческих романов, прочитанных в юности. Бегемот раскрывает пасть, храбрый лодочник вскидывает пистолет, раздается выстрел, и бегемот скрывается под водой...

Говорят, Дисней создал парк для детей, но здесь интересно и взрослым. Прощаясь с нами, один

Окончание. См. «Огонек» №№ 26, 28.

РАЗНОЭТАЖН

без рекламы.

Владелец дома разорился и уехал искать счастья в город.

Россуэл Гарст.

из служащих администрации сказал:

— Уолт Дисней тоже сожалеет, что здесь не был господин Хрущев. Он полагает, что главе Советского правительства парк бы понравился...

Россуэл Гарст, фермер-миллионер, большой знаток кукурузы, хорошо известен в нашей стране. У него в гостях был Н. С. Хрущев, к нему приезжали советские специалисты по сельскому хозяйству. Гарст — умный организатор производства, общественный деятель, выступающий за мирное сосуществование. Нас он принял приветливо, подробно рассказал о своей ферме с тысячами гектаров посевов кукурузы, с сотнями голов скота. И свою «пустыню» нам показал. Он подвез нас на машине к деревянной изгороди, за которой простирались сотни гектаров заброшенной земли.

— За каждый гектар пустующей земли,— говорит Гарст,— государство мне платит. Платит за то, чтобы я не сеял здесь кукурузу. Так государству выгоднее.

Мы видели огромные, покрытые гофрированным алюминием хранилища, где находятся миллионы пудов кукурузы, закупленной у Гарста несколько лет назад государством. Кукуруза лежит. Сотни гектаров земли пустуют. Зато цены на продукты высокие. Так выгоднее!

Недалеко от заброшенного поля стоит дом. Пустой дом. Поле купил Гарст, а разорившийся хозяин дома уехал искать счастья в город...

Киноактер Боб Хоуп никого из нас лично не знал, но он был в Москве, еще раз собирается посетить нашу страну, поэтому, как только мы появились на одной из студий Голливуда, съемки были прекращены, и Боб Хоуп, Агнесса Мурхоод, Вирджиния Грей и другие киноактеры подошли к нам. Завязалась непринужденная беседа.

— Какую картину вы делаете?

— Фильм будет называться «Холостяк в раю». Холостяк, как вы догадываетесь,— это я,— объясняет Боб Хоуп.— Я, кажется, три раза женюсь... Когда вы пришли, меня только начали допрашивать в суде...

Фотографируемся вместе с актерами и прощаемся. До встречи в Москве!

На машине мы проехали по городку для натурных съемок. Здесь и Париж, и джунгли, в котором снимался «Тарзан», и «разрушения войны», и «кусок России» для картины «Братья Карамазовы».

В телестудии Лос-Анжелоса мы чувствовали себя «завсегдатаями», так как до этого уже выступали по телевидению в Чикаго, были в нью-йоркской студии. Здесь нам показали инсценировку судебного заседания из общей серии еженедельных передач, посвященных воспитанию молодежи.

Профессор Калифорнийского университета Эдгар Элан Джонс, ведущий передачи о воспитании, так объяснил нам идею серии «Глазами судьи»:

— Вы, видимо, знаете, как в Америке обстоит дело с детской преступностью. Недавно президент Кеннеди специально затронул эту проблему. Так вот, в наших передачах мы разбираем разные случаи преступлений, чтобы как-то повлиять на молодежь.

Заведующий отделом информации телецентра Джо Маджио, дружески принявший нас, оказался бывшим военным летчиком, участником так называемых челночных операций Лондон — Днепропетровск.

— Я бывал в Днепропетровске, дружил с вашими летчиками и хорошо узнал открытую, простую душу русского человека.

В качестве сувенира мы вручили Джо портрет Юрия Гагарина.

В Америке любят все переводить на деньги. В беседе с журналистами мы узнали, например, что в расчете на каждого американца полет Алана Шепарда (одна газета назвала этот полет «блошиным прыжком») обошелся в 2 доллара 25 центов.

В Нью-Йорке, а потом в Чикаго мы видели слепых с собаками-поводырями. На груди у людей висел плакат с надписью: «От вас зависит, буду ли я зрячим» — и подсчет: сколько стоит операция глаз.

На сталелитейном заводе Кайзера под Лос-Анжелосом бросается в глаза чистота и огромная недогрузка предприятия.

— Почему у вас не все мартеновские печи работают?

— Перепроизводство. Ввели кислородное дутье и стали получать слишком много металла.

В поездке на завод нашим гидом был работник одного издательства, хорошо знающий русский язык, довольно остроумный человек.

— Вот вам и Баку,— произнес наш гид. В самом деле, почти в центре Лос-Анжелоса целый лес нефтяных вышек. У одного горожанина нефть обнаружили под его домиком. Хозяин дома дорого продал участок и стал акционером.

— В нашей стране даже простые рабочие имеют акции. У нас это называют «народным капитализмом». По идее каждый может приобрести акции. Но они помогают лишь тем, у кого есть настоящий капитал. А рабочего акции не спасут даже от безработицы.

В Америке за все надо платить, часто за проезд по мосту или по шоссе. Что бы ни купил, ты платишь еще налог сверх обозначенной цены.

Проезжаем «Драйв-ин». Это кинотеатр под открытым небом и одновременно стоянка для автомобилей. Вы покупаете билет и, не выходя из машины, занимаете место. Машина немного приподнимается на специальном станке, так, чтобы все пассажиры могли хорошо видеть экран. К вашему автомобилю подключают звук, и вы можете смотреть картину.

Но за последние годы в Америке кино все больше вытесняется телевидением. Многие кинотеатры закрываются, их чаще всего используют для игры в кегли.

Возвращаясь в город, мы попали в час «пик».

— Автомобили скоро нас совсем задавят,— сокрушается наш гид.— А пользование коммунальным транспортом обходится дорого!

— Обратите внимание — реклама смирновской водки. Реклама — это неотъемлемая черта нашей жизни. Я думаю, если в Америке вдруг исчезнет реклама — в печати, по радио, телевидению, на улице, дома,— американец не будет знать, что он должен есть, пить, курить, как жить.

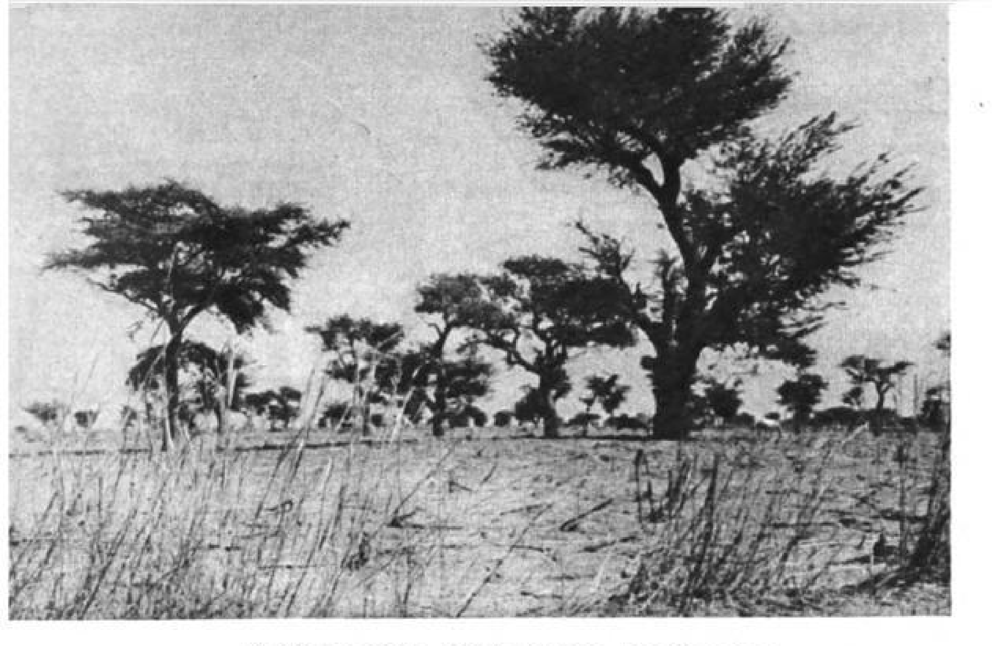
Но далеко не все американцы имеют то, что так настойчиво на каждом шагу предлагает им реклама. Люди начинают все чаще задумываться о том, как живет их страна, куда толкают Америку ее политические боссы. В печати все чаще появляются тревожные высказывания о том, что изоляция и хвастовство еще ни одну страну не делали сильной. Первый спутник, первый лунник, Юрий Гагарин заставили многих граждан США внимательнее вглядываться в реальную действительность.

В конце апреля газета «Лос-Анжелос экзаменер» под заголовком «Молодое поколение нашей страны должно выиграть соревнование с Советским Союзом» посвятила целую страницу американской науке и системе образования. «В борьбе за умы людей,— пишет один из авторов, Ричард Снайдер,— нельзя забывать о культурном уровне». Далее автор указывает, как важно для американцев общение с русской культурой.

Другой автор, Лора Линдгрен, пишет: «Вопрос о том, кто будет руководить миром, решается в школах». Статья критикует зазнайство и близорукость правителей страны. «Американцы думали, что их система образования была лучшая, а теперь оказалось, что преимущество у Советского Союза. Спутники и особенно Юрий Гагарин послужили для нас очень ощутительным толчком».

Американский народ не разделяет позиций тех, кто подрывает мирное соревнование и сотрудничество народов. Любовь к миру становится у него все более глубокой и прочной. Поэтому мы покидали Америку с хорошим настроением.

АЯ АМЕРИКА

...Вокруг деревья одной породы. Это баланcан...

ОПТИМИС

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

II

Из Мали, с берегов великой африканской реки Нигер, я привез маленькую веточку дерева баланcан.

Крошечные зеленые листики, совсем как листья на нашей акации, только в несколько раз меньше, за дорогу высохли и все облетели. Осталась только сама веточка, серебристая, с красноватыми шипами, о которые я в кровь исцарапал руки, отламывая ее от дерева.

В науке это дерево называется, кажется, акация беловатая, и замечательная особенность его заключается в том, что в разгар сухого сезона, когда деревья в саванне сбрасывают листву и все живое вокруг ищет влагу и тень, баланcан стоит зеленым, не пугаясь обжигающих лучей солнца и предлагая свою тень и человеку и зверю.

Но не эта особенность заставила меня остановить машину и сломать на память веточку баланcана. Наверное, я не обратил бы на него внимания и проехал мимо, не будь со мной моего спутника, журналиста и поэта Сиссе Мохамеда Ламина, корреспондента «Эссор» — центральной газеты республики, органа партии «Суданский союз — РДА».

Ламин знал все, что касалось его родины: ее историю, ее природные богатства, языки и обычаи населяющих ее народов, сказки и предания старины. Высокий, статный, с проседью в коротких вьющихся волосах, с небольшой бородкой; когда он надевал длинное белое «бубу» [1], то в памяти вставал образ шекспировского Отелло — так благородна была его осанка, такой мягкой грации были исполнены его движения. Но в своей обычной «рабочей» форме — в клетчатой рубашке с рукавами, завернутыми по локти, с болтающейся на шее фотокамерой — Ламин становился опять журналистом, живым, неутомимым, жадным до всего происходящего вокруг.

Для поездки в Сансандинг, в район строительства канала Накри — Cосе, я не мог бы найти лучшего спутника.

Ламин был сам частичкой истории своей страны, пройдя вместе с ней тяжелейший период колониализма, и теперь стал летописцем ее сегодняшних дней. Когда речь заходила о прошлом, о хозяйничанье колонизаторов, он сурово сдвигал брови.

— Сколько раз эти люди говорили нам о нашей «неспособности»! Ты увидишь, что они душили всякую инициативу, если только она исходила от малийца. Он не мог заниматься ни торговлей, ни промышленностью — ничем! Ты, наверное, слыхал их слова о том, что они «облагодетельствовали» нас, не так ли? Построили дороги, мосты, даже канал построили... А дороги эти — на наших костях! А в канале — не вода, а кровь малийцев! Обрати внимание на белые камни по берегам канала Масина, когда мы будем проезжать его. Их там тысячи! Это могилы строителей-малийцев...

Ламин считал не свои обиды, а обиды народа. Но и своих у него было достаточно. Не щедрый на рассказы о себе, он сообщил мне коротко, что после школы, где его научили читать и писать по-французски, он стал мелким чиновником во французской компании «Оффис дю Нижер». Для тех немногих, которые оканчивали школу, это было нечто вроде повинности — отработать несколько лет в какой-нибудь французской компании. Очевидно, поручать мелкую работу местным уроженцам было для колонизаторов выгоднее, чем нанимать на такие должности французов.

Там он начал серьезно заниматься историей Мали. У отца было несколько редких рукописей; стал собирать рукописи и сам Ламин. Потом он начал писать историю своей страны. То, что он писал, нашло одобрение у одного французского ученого, находившегося на службе «Оффис дю Нижер». Тот даже собирался опубликовать работы Ламина. Но потом этого ученого сменил другой человек, а занятия историей не вызывали никакого восторга у компании. Однажды Ламина арестовали. Пока он находился в тюрьме, пропали и старые рукописи и то, что он написал сам.

Потом ему еще не раз пришлось видеть небо своей родины перечеркнутым крест-накрест тюремной решеткой: после конца второй мировой войны в колониях Французской Западной Африки возникла партия РДА (Демократическое объединение Африки), выступившая против колониальной политики, и Ламин стал активным участником освободительного движения.

Но мне хотелось знать о Ламине больше, и, уступая моим просьбам, он рассказал мне вот эту историю:

«В 1948 году некоторое время я жил в городе Мопти. Часть наших товарищей была тогда арестована и находилась в городской тюрьме. Их ждал суд. Партия послала меня в Мопти, чтобы я подыскал для них адвокатов. Трудно было ожидать справедливости от этого суда: ведь это был суд колонизаторов. Участие адвокатов редко помогало чему-нибудь. Но партия хотела помочь своим членам всем, чем могла. И вот когда я жил в Мопти, однажды ко мне пришел мой друг и сказал:

— Послушай, Ламин, не хочешь ли ты купить у меня лошадь? Посмотри, она стоит у дверей.

— Зачем мне лошадь? — удивился я.— Да и денег у меня, сам знаешь...

Тогда старик — хозяин дома, где я жил,— сказал мне:

— Когда друг предлагает тебе лошадь, то ты по крайней мере выйди и посмотри на нее.

Старики — мудрые люди, их надо слушать. Я вышел посмотреть на лошадь. Это была действительно хорошая лошадь, молодая, арабских кровей. И... она понравилась мне. Продавалась она недорого, да к тому же еще и в рассрочку. И я купил ее.

В Мопти есть небольшой ипподром, а моя лошадь оказалась скаковой. Призы на скачках были мизерные — не разбогатеешь. Да я и не думал об этом, когда решил выставлять свою лошадь на скачках. Предстояло дать ей имя. И тогда я сказал себе: «Ведь можно же дать лошади имя по названию города. Отлично, я назову ее Москва!»

В первый же раз, когда Москва участвовала в скачках, она пришла к финишу первой! И так продолжалось несколько лет, пока я выставлял ее для участия в скачках: она неизменно приходила первой, а зрители, которые уже знали ее, дружно ее приветствовали: «Москва! Москва!» И эти возгласы были слышны далеко за пределами ипподрома!

А что касается призов, то ведь партии были нужны средства...»

...Когда мы уже миновали Сегу — город в двухстах километрах от Бамако, в прошлом столицу королевства племени бамбара,— и слева от нас на горизонте засеребрился тонкой полоской Нигер, Ламин тронул меня за плечо.

— Посмотри-ка вокруг!

Я посмотрел и не увидел ничего особенного: саванна как саванна.

— Посмотри повнимательнее. Видишь, вокруг растет только одна порода дерева. Это баланcан. Знаешь, почему? Потому что баланcан плохо горит. А недавно, лет пятьдесят — шестьдесят, здесь был лес... Нет, пожары здесь ни при чем. Это сделали не пожары...

Это сделали действительно не пожары. Это следы деятельности «цивилизованных» колонизаторов. Нигер был удобным путем для колониальной торговли и для колониального грабежа. Этот путь захватила французская компания «Мессажери африкэн», филиал компании «Мессажери маритим». А за ними, в свою очередь, стояли французские банки-гиганты «Сосьете женераль» и «Креди лионнэ».

Пароходы компании «Мессажери африкэн», которые, дымя, шли по Нигеру, жгли в топках лес. Чтобы обеспечить пищу для их топок, колонизаторы сгоняли на рубку леса жителей прибрежных деревень. На жителях Сансандинга,

Масса Сидибе — инициатор строительства канала Накри — Сосе.

Ньяма Диарра.

[1] «Бубу» — национальная одежда мужчин в Мали, Гвинее и некоторых других странах Западной Африки. Широкое полотнище сгибают пополам, сшивают по краям, оставляя отверстия для рук; на месте сгиба делают отверстие для головы. «Бубу» очень красиво и удобно.

Продолжение. См. «Огонек» № 28.

...ТИЧЕСКАЯ АФРИКА

куда мы держали путь, лежала обязанность поставлять не менее двух тысяч кубометров дров в месяц. Плата за работу была ничтожной.

Пустели берега Нигера, на которых оставался стоять только один balансан. Пустели и прибрежные деревни: жители уходили от непосильной работы, которая не оставляла времени ни для обработки полей, ни для выращивания скота.

— Видишь вон ту деревню? — спросил Ламин.

Деревня выглядела так, как обычно выглядят здесь деревни,— огороженная невысокой стеной из глины, с глиняными домами, почти лишенная зелени.

— Когда хозяевами здесь были французы, жители ее ушли в лес. Теперь Мали — независимая страна. И люди вернулись сюда снова.

...Я сорвал веточку неподдающегося колючего баланcана, умеющего быть зеленым в самый жгучий зной, на память о людях, переживших страшные, сушившие душу народа годы колониализма и сохранивших веру в себя и в свою землю. Таких людей было много вокруг. И я знал, что встречу их здесь. За этим я сюда и ехал.

О строительстве ирригационного канала Накри — Сосе в Мали хорошо знают. Не потому, что это очень крупная стройка, хотя для Мали, страны, где живет четыре миллиона триста тысяч человек, орошение нескольких тысяч гектаров земли — не так уж мало. Первая очередь канала будет длиной 3 600 метров. Пущенные по нему воды Нигера оросят уже в этом году 2,5 тысячи гектаров земли, сделав ее пригодной для выращивания риса, одного из основных продуктов питания малийцев. Вторая очередь канала — еще 4 километра — даст воду нескольким новым тысячам гектаров земли.

Но все же не этими цифрами прежде всего знаменито строительство канала. Главное то, что оно ведется совершенно новым методом, который был бы абсолютно немыслим еще несколько лет назад. В Мали и Гвинее он называется одинаково — «человеческие капиталовложения». Молодые независимые государства Африки еще небогаты, правительства их не могут сразу вложить большие средства в строительство. А дел так много! И на помощь приходит добровольный труд народа, почувствовавшего себя хозяином в своей стране. Люди строят дороги и школы, мосты и каналы. И работают на стройках так, что посмотри на них бывшие белые хозяева, которые всюду распространяли слух о лености и неспособности к труду у африканцев,— и у «бывших» глаза полезли бы на лоб!

...Над головой — черный квадрат неба, густо утыканный звездами. Мы сидим во внутреннем дворике большого дома Массы Сидибе, руководителя местной организации партии «Суданский Союз — РДА» в Сансандинге, инициатора строительства канала Накри — Сосе. Сидим на циновках, постеленных на теплую от дневного жара землю. Два фонаря «летучая мышь», стоящие на столе, освещают внутренность дворика. В их свете видно, как по высоким глиняным стенам бесшумно бегают большие веселые ящерицы с разноцветными головами.

Уже окончен ужин, во время которого гостей потчевали великолепно: перед каждым была поставлена глиняная миска, где в темно-красном, обжигающем, как огонь или как африканское солнце, соусе из перца плавала жареная цесарка, а посреди стола стоял сосуд с густым, жирным, сладковатым молоком от горбатых коров зебу.

Теперь наступило время для беседы.

Я уже знаю, что хозяина дома, семидесятилетнего величественного старца, зовут здесь Великий Масса. Это очень подходит к нему. Масса высок, и если разговаривать с ним стоя, надо поднимать голову. Годы не тронули его фигуру, только сделали белыми волосы и бороду.

— Население Сансандинга,— говорит мне Ламин,— это потомки рыбаков и воинов — «бузу» и «софа». В жилах Массы течет кровь «софа».

Но это история, а мне хочется знать, как случилось, что этот старый человек стал душой нового, которое свершается сегодня на берегах Нигера. И вот что я узнал.

Давно, пятьдесят с лишним лет назад, ушел из Сансандинга искать удачи молодой парень Масса. Ушел далеко, на Берег Слоновой Кости. За золотом, на прииски. Удача улыбнулась ему — он вернулся назад не с пустыми руками. В запустении и горе увидел он родные края. Как проклятие висела над Сансандингом тяжелая обязанность — поставлять топливо для французских пароходов. И тогда Масса предложил иностранцам, ставшим здесь хозяевами: он один берется поставлять дрова для их пароходов, пусть освободят от тяжелого труда его земляков. Те согласились, но предупредили: если пароходы станут по

Сотни людей вгрызаются кирками в твердую желтую землю.

его вине, то тюрьмы ему не миновать.

На свои деньги Масса нанял рабочих, кормил их и поставлял дрова французам. Немного легче стало жить обитателям Сансандинга, и всюду имя Массы стали произносить с уважением.

У Массы был неистощимый запас энергии. Он брался за все: разводил скот, на месте вырубленных лесов сеял просо, поставлял для французских строительных компаний в этом районе гравий, песок и известь.

Деятельность Массы могла бы показаться обычной предпринимательской. Но... «дела человека, как бусы,— сказали мне в Сансандинге про Массу.— Они красивы, когда нанизаны на нить». У Массы была своя нить, своя мечта: сделать так, чтобы лучше стали его родные края.

Однако за всем, что делал Масса, внимательно следила колониальная администрация. Колониальная политика брала его в кольцо. Когда он делал известь, у него не находилось покупателей. Во время войны у него отобрали весь скот. Потом Массу заставили сдать весь семенной ячмень, заплатив за него гроши. Масса попытался заняться изготовлением мыла. Качество его оказалось хорошим, оно могло конкурировать с мылом, которое привозили из Марселя. Тогда власти сначала арестовали его агента по продаже мыла, а потом арестовали самого старика и отправили его в тюрьму в Бамако. Месть колонизаторов человеку, который казался им опасным, распространялась на все. Масса разбил сад. Колонизаторы наняли людей, которые выкорчевали в этом саду все деревья...

После образования РДА Масса стал поддерживать эту партию и занял в ней видное положение. Тогда кольцо сомкнулось вокруг него еще туже.

У Массы не было никакой надежды победить в борьбе, которую вели против него колонизаторы. Слишком неравны были силы. Но победа над колониализмом была одержана народом. И хотя это случилось недавно и Республика Мали не отпраздновала даже первой годовщины своего существования, на берегах Нигера уже произошли перемены.

Строительство канала Накри — Сосе началось в самом конце прошлого года — 25 декабря. Масса, который хорошо знал здешние земли, рассказал об идее строительства этого канала правительству.

— Я поклялся нашему президенту Модибо Кейта,— сказал мне Масса,— что это дело принесет счастье народу. Я сказал ему, что если это будет не так, то я своими руками выкопаю здесь отхожее место — и пусть все знают о моем позоре. Но я уверен, земля даст здесь замечательные урожаи. Пройдет несколько лет, и мы будем орошать здесь тридцать тысяч гектаров. Пятьдесят тысяч!..

Правительство одобрило план Массы.

Одна французская компания пыталась уговорить Массу: пусть он походатайствует перед правительством, чтобы строительство канала было поручено ей. Ведь он пользуется таким авторитетом! Масса отказался. Канал строит народ.

На следующее утро Ламин торопил меня:

— Скорее! Тебе еще столько надо увидеть здесь! Сейчас едем на строительство!

Еще издалека до нас доносятся звуки тамтамов. Машина, зло ворча на песчаную дорогу, в которой вязли колеса, выбралась-таки на берег канала и едет вдоль трассы.

Так вот они, «человеческие капиталовложения»! Сотни людей вгрызаются кирками и мотыгами в твердую желтую землю. Земля неподатлива. Но люди упрямы. В такт ударам тамтама сгибаются черные, лоснящиеся от пота тела. Еще и еще. И земля сдается, рассыпаясь в комья, превращаясь в пыль. Комья и пыль насыпают в корзины и на руках, по уступам, оставленным по краям канала, вытаскивают наверх, чтобы уложить это в насыпь.

Машин нет. Каждая песчинка, каждый ком здесь вынуты человеческими руками.

— Ты видишь, как они работают! — восхищенно говорит Ламин.— Они весело работают!

Да, смех и шутки часто звучат здесь. И я вспоминаю белые камни на берегах канала Масина, построенного французами. Белые камни надгробий. Там не было смеха. Потом я вспоминаю разговор с французским инженером, который работает на плотине, построенной французами. Ламин оставил меня с ним одного, чтобы мсье Робер чувствовал себя посвободнее.

— Вы давно в Африке?—спросил я.

— Давно.

— Все время здесь?

— Здесь.

Француз, маленький, с округлившимся брюшком, стоял, гордо выпрямившись, поставив ногу на ступеньку своего «ситроэна».

— Скажите, мсье Робер, какие, по вашему мнению, произошли изменения в Мали с тех пор, как страна стала независимой?

— Никаких! — весело отвечает француз, и в его глазах горит ехидный и злой огонек.— Никаких!

С бо́льшим успехом я мог бы разговаривать с глухонемым. Обругав француза в душе, я вежливо откланялся.

Теперь я смеюсь над ним...

Слово «севе» на языке народа бамбара значит «талисман», «амулет». У Ньямы Диарра, одной из лучших работниц на строительстве канала, было целых два севе: несколько морских ракушек, которые она носила, как ожерелье, и кожаная ладанка на тонком кожаном ремешке. Первое из них должно было охранять Ньяму от всего дурного на свете, второе — принести ей счастье.

Когда я задаю ей вопросы про ее севе, она смущается и прикрывает их маленькой ладошкой. Ей вообще очень непривычно разговаривать с журналистом: она волнуется, и у нее подрагивают губы.

— Скажи, Ньяма, где ты живешь?

— В Сосе.

Сосе — это одна из двадцати девяти деревень, которые принимают участие в стройке.

— А сколько тебе лет?

— Будет четырнадцать.

— Ты здесь одна?

— Нет, отец и мать тоже участвуют в стройке.

— Ты ходишь в школу?

— Нет, у нас нет школы.

— А ты умеешь читать?

— Нет.

— Скажи, Ньяма, о чем ты мечтаешь?

Я не знаю, как было переведено на язык бамбара слово «мечтать». Но Ньяма отвечает сразу:

— О том, чтобы канал был построен побыстрее. Тогда будет вода, тогда будет много риса и проса. И хватит на все: на еду и на то, чтобы купить нужные вещи.

На стройке каждый человек получает задание — вынуть двенадцать с половиной кубических метров земли. (Работа на стройке добровольная, задание — это лишь объем работы.) Человек или семья, выполнив это задание, в будущем могут получить один гектар орошаемой земли.

— А о чем еще?

— Еще о том, чтобы у меня был хороший муж.

Все, кто слушает наш разговор, улыбаются.

Мне немножко жаль маленькую Ньяму: она пока не умеет мечтать о большом. Но я понимаю, как важно то, что теперь Ньяма может мечтать о том, что обязательно станет явью: она наверняка получит орошаемую землю, и эта земля, а не кожаная ладанка, будет началом ее счастья.

Но в Мали есть люди, которые умеют мечтать смело, широко. Представитель правительства на стройке Макан Сисоко рассказывал:

— Здесь будет положено начало коллективной обработке земли. Люди объединятся, чтобы сбывать свой урожай, использовать здесь тракторы и рисоочистительные машины. Мы научим их пользоваться этими машинами. Мы создадим школы для того, чтобы научить неграмотных читать и писать, и школы для детей, и больницы, и родильные дома. Люди обязательно будут жить здесь счастливо!

И, может быть, маленькая Ньяма, когда увидит трактор на своем поле, захочет сама сесть за его штурвал, или захочет стать агрономом, или учительницей в той самой школе, где ее научат грамоте, или... Да мало ли о чем может мечтать человек, когда он становится свободным!

...На обратном пути из Сансандинга в Бамако мы остановились в Сегу, чтобы запастись бензином. Вдруг в открытое окно машины просунулась голова.

— Добрый день! Ну как, нашли что-нибудь новое? — Мсье Робер, французский инженер, на правах старого знакомого подмигнул мне.

— Представьте, нашел, мсье Робер! — в тон ему ответил я.— Без вашей помощи малийцы построили канал.

Мсье Робер состроил скорбное лицо.

— Подумать только! В России запускают человека в космос, а в Мали мотыгами роют каналы!

И, сделав ручкой, убрал голову. Наш шофер, решив, что разговор окончен, дал газ.

— Стой! — закричал Ламин.— Останови машину, я хочу сказать этому...

И он выскочил из машины. Но мсье Робер уже куда-то скрылся.

Ламин вернулся, и мы весело посмеялись над французом. Откуда бедному мсье Роберу знать, что и запуск человека в космос и постройка канала под Сансандингом — это явления одного порядка: и то и другое было сделано свободными людьми на свободной земле.

Искусство надежды

Эфиопскому художнику Афеворку Текле двадцать восемь лет. Когда он родился, в стране еще существовало рабство. А когда мальчику было три года, в страну пришла война. Мирные охотники, взяв копья и щиты, вышли против итальянских фашистов, против их авиации, артиллерии, отравляющих газов... В Москве, на Красной площади, в те дни несли транспаранты: «Привет народу Абиссинии, борющемуся за свою свободу!»

Свои первые картины маленький эфиопский мальчик рисовал на стенах круглой хижины, обмазанной илом, либо тонким прутиком на пыльной земле перед хижиной. Потом мальчик поехал учиться в далекую Англию. Он побывал во Франции, Италии, Испании... Вскоре никому не известный юноша прославил свой народ на весь мир,— его картины висят в музеях многих стран.

Живет и работает Афеворк Текле в Аддис-Абебе — городе, расположенном на высоте 2 400 метров над уровнем моря. Теперь он расписывает не стены круглой хижины, обмазанные руками его матери, но стены огромных зданий. Он больше не лепит маленькие неуклюжие фигурки из глины: в городе Хараре художник воздвиг конную статую герою освободительной войны. Афеворк Текле сказал советскому журналисту:

— Моя мечта — устроить свою выставку в Москве: это бастион реалистического искусства!

Сейчас в Москве, на выставке «Современная живопись Эфиопии», висят картины Афеворка Текле. Лучшая из них — «Аида». Это не просто портрет грациозной и гордой эфиопской женщины, это рассказ о силе, красоте и бесстрашии народа, так много перенесшего.

С картинами Текле и других эфиопских художников Африка пришла в Москву. Посетители пишут: «Я как бы вдохнул аромат знойной Африки, которая мне почему-то теперь показалась очень близкой, знакомой...», «Я понял, что и сказочная Африка — она тоже на одной планете с нами...»

Да, конечно, Африка на одной планете с нами! Вот она! Женщины носят воду в глиняных сосудах, приготовляя подливку из перца для любимого блюда эфиопов — кисловатых сорговых блинов; мужчины погоняют ослов с поклажей, пашут на волах допотопной деревянной сохой... Такова Эфиопия на картинах Гебре Марьям Вагаie. Но совсем другая она на пейзажах Тесфае Мандефро. Он рисует ослепительное небо, фантастические деревья, разноцветные скалы, которые громоздятся на земле, как облака. Солнце озаряет зеленые долины; земля коричневая, розовая, голубая; в тени одного дерева укрывается целое стадо.

Сказочно прекрасна Эфиопия, а как еще трудно живется в ней людям!

С портретов Але Фелеге Селама на нас глядят серьезные, широко открытые черные глаза: девушка положила руку на раскрытую книгу и задумалась. Старый человек оперся на посох и смотрит вдаль. Смуглый мужчина с горящими, живыми глазами прижимает к груди ружье... Очень мужественные и немного печальные портреты. О чем думают, для чего живут эти люди? На этот вопрос отвечает большая картина Але Фелеге Селама: три крылатые фигуры взмахнули крыльями, и к ногам их посыпались разорванные цепи!.. Сметены, словно мусор, страшные маски жрецов, страшный капюшон ку-клукс-клана, золотые перстни с рук богача... Небо прозрачное, весеннее, и в нем парит голубь. Картина называется «Надежда». Это надежда на свободу, на разумно устроенную жизнь, на радость, сияющую во всех глазах мира!..

А. ЖУКОВА

Афеворк Текле. АИДА.

СОВРЕМЕННАЯ ЖИВОПИСЬ ЭФИОПИИ

Гебре Марьям Вагайе. ПАХОТА.

Але Фелеге Селам. ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА С РУЖЬЕМ.

Белачеу Бекре Тсион.

СВАДЕБНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Олег ШМЕЛЕВ

Повесть о Забеге

Стоят ли они по денникам, рысят ли под всадниками в зеленом поле, пасутся ли в лугах, без уздечек, вольные, они всегда неподражаемо стройны, легки и изящны. Их осанка заставляет подумать о грациозности, но нет, не подходит к ним это нерусское слово,— они совершеннее и проще.

Сколько лошадей — столько характеров.

Вот стоят две до жгучести вороные молодые лошадки. Кожа их так тонка и чиста, что на солнце пускает зайчики. Вроде обе одинаковы до последней ворсинки. Но приглядитесь как следует: у одной из них вокруг нежных, тончайшей замши, ноздрей чуть заметны бурые подпалины. И она уже считается не вороной, а караковой.

Так и с нравом. Есть ласковые и злые, есть бесшабашные и вполне добропорядочные, есть хитрые и простодушные. Нет только подлых.

Кто впервые узнает, из чего складывается воспитание высококлассной чистокровной скаковой лошади, тот дивится упорству, терпеливости, а особенно любви людей, занимающихся этим благородным делом.

Дальше пойдет речь об одной лошади, чья скаковая карьера складывалась не совсем обычно.

Сын Зеркальной и Балтик-Барона

Ранним утром 27 марта 1957 года в конном заводе «Восход», что под Армавиром, матка Зеркальная принесла жеребенка. Он лежал в углу на подстилке из чистой соломы. Солома была золотистая и излучала в полутьме денника мягкий, словно пропущенный через янтарь, солнечный свет. Жеребенок был гнедой.

В первые минуты он вовсе не шевелился и не размежал век. Зеркальная тревожно смотрела на него то одним своим, то другим агатовым глазом, в глубине которого светлел опаловый кирпичик зрачка.

Но вот новорожденный подвигал тонкими и легкими, как бамбуковые палочки, ногами. Открыл глаза. Зеркальная ревниво покосилась на обступивших его людей в белых халатах.

Часов через пять жеребенок изловчился и... встал! Бамбуковые ножки дрожат, и хотя их целых четыре, но ах как трудно держать равновесие!..

Люди принесли бутылочку с молоком, на горлышке — соска. Они тычут, приговаривая ласково, соской жеребенку в губы. И жеребенок берет первый урок кормления. Потихоньку его подманивают бутылочкой к набухшему материнскому вымени, и «переключение» происходит совсем незаметно.

Конечно, он бы и сам нашел путь, ведь голод не тетка — всему научит. Но люди помогли, и это вышло быстрее.

Начальник конной части завода «Восход» Валерий Пантелеевич Шимширт внес новые записи в книгу рождений и выписал паспорт на новорожденного. Что ж, еще один чистокровный жеребенок, рядовая, ничем не примечательная прибавка к двухсотенному поголовью. Не было никаких причин выделять жеребенка среди других новорожденных. Скорее уж наоборот, и вот почему.

Коневоды, имея в руках подробные генеалогические карты и скаковые биографии лошадей, могут так составлять пары, чтобы в потомстве сливалось воедино все лучшее, что порознь принадлежало родителям.

Дело в том, что по строго проверенному и перепроверенному подбору матка Зеркальная предназначалась в пару заводскому производителю Агрегату. Но природа судила иначе, и из этого ничего не получилось.

Жалко было оставлять такую прекрасную матку без приплода. И тогда, пересмотрев подбор и прикинув возможности иных комбинаций, начкон В. П. Шимширт назначил в пару Зеркальной другого производителя — Балтик-Барона. Он и стал отцом жеребенка.

Гнедому дали такое имя, чтобы по стародавнему обычаю оно начиналось с той же буквы, как и материнское, а где-то дальше присутствовала бы начальная буква клички отца. Так в повседневную летопись конзавода «Восход» вписалась новая строчка — Забег. Имя самое заурядное — не то что сверкающее материнское или претенциозное отцовское.

Осенью для Забега пробил час беды. Это был мучительный момент, но ведь так случается со всеми жеребятами, когда им исполняется полгода...

Ничего не подозревавшие Зеркальная и Забег после веселой прогулки были введены совсем в другую конюшню, в другой денник. Конюх тут же поманил Зеркальную обратно. Она пошла на зов. Забег хотел, как всегда, выйти следом за ней в проход, но дверь резко захлопнулась перед ним. Он остался в деннике один.

Сколько было крику! Много дней не находил себе места Забег. Совсем извелся. Но люди, всегда такие ласковые и предупредительные с ним, на сей раз оказались непреклонными. Забегу настала пора разлучиться с матерью и готовиться к тому, пока далекому будущему, которое на языке людей зовется скаковой карьерой. А это очень непросто и нелегко — подготовиться...

Объект для насмешек

Спит конюшня. Справа и слева от коридора, вдоль которого еле мерцают желтым светом электрические лампочки, в денниках по углам сгустилась теплая полутьма кончающейся ночи. Уютно посапывают во сне лошади. Кто лежит на подстилке, кто спит стоя — смотря по привычке.

Звякнула щеколда входных ворот, и в конюшне произошло всеобщее движение. Люди пришли! Начинается новый рабочий день.

Ровно в пять часов утра конюхи задают лошадям корм. Конюшня наполняется сочным, звучным хрупаньем, похоже, что в каждой овсинке, перетираемой крепкими жерновами зубов, спрятано звонкое каленое ядрышко.

Потом конюхи чистят своих подопечных — это, так сказать, первый утренний туалет, то, что называется «протереть глаза».

В семь часов начинается работа.

Сегодня ровно год, как Забега отняли от матери. Значит, ему уже полтора года. Но выглядит он на все два: очень крупный, сильный. Позади остались две неприятные операции: ковка и знакомство с уздечкой.

Жокей-мастер Павел Боровой пришел в денник к Забегу с кусочком сахара в руке. Сахар ведь любят все лошади, и Забег не исключение. Павел Боровой плотно похлопал Забега по крупу, крепко огладил шею. Это тоже очень нравится почти всем лошадям. Для них это — как для людей рукопожатие при встрече.

Пришел тренер отделения — Михаил Павлович Рутковский. Он обменялся с Боровым несколькими словами и под конец сказал:

— Да, давай сейчас.

Быстро надета уздечка, мундштук в зубах, к трензелям пристегнуты длинные растяжки — лейцы. Забега вывели на волю.

Двое держат его на лейцах, третий осторожно положил на спину ему потник, потом седло, проворно затянул подпруги. И началось!

Крупная дрожь пробежала по телу Забега, он ударил задними ногами, потряс гривой. То, что лежало на спине, так мешало, так раздражало! Отчаявшись стряхнуть седло, Забег упал и начал кататься по земле, всхрапывая. Но все было тщетно. Забег поднялся.

Павел Боровой стал ласково гладить его, приговаривая:

— Ну, что ты, дурачок? Ну, успокойся...

Опять на ладони у него появился сахар...

Так повторялось несколько дней. И когда Забег уже совсем привык к седлу, когда все мучения, казалось, для него кончились, настал самый ответственный момент: Павел Боровой должен был впервые сесть на Забега.

Снова седло, снова лейцы. Дав Забегу, инстинктивно почувствовавшему неладное, прийти в душевное равновесие, Борового медленно посадили в седло. Это ошеломило Забега. Он на минуту застыл, словно загипнотизированный. И вдруг взвился на дыбы и с размаху грохнулся спиной о землю.

Отличный жокей и знаток лошадиных повадок, Павел Боровой не был застигнут врасплох. В какую-то малую долю секунды, когда Забег уже валился назад, Боровой сумел выпрыгнуть из седла. А тот уже встал на ноги, отряхнулся. Белая горячая пена падала с его влажных черных губ на избитую подковами землю.

С Забегом шутки плохи — это ясно. Но если сразу не переломить его, не дать ему понять, что, как ни бунтуй, а смириться все-таки придется, тогда заездка может растянуться надолго, и с каждой неудачной попыткой Забег будет вести себя все агрессивнее и непокорнее.

Приступим еще раз... Снова Боровой в седле, снова минута оцепенения, и снова Забег в точности повторил все, как было, будто исполнял номер на бис.

Однако чему быть, того не миновать. Когда Боровой и в третий раз приступил к Забегу, тот сдался. И сразу сделался послушным и тихим. Даже без сахара.

Отныне он поступал в настоящую скаковую академию.

...5 часов утра. Кормление, чистка. Потом седлание, и с 7 часов — работа.

Группами, по шесть-семь, вытянувшись в голову друг за другом, едут всадники по полю шагом. Впереди жокей, мастер, за ним конюхи — молодые ребята, помощники.

Шаг сменен на рысь. Пять — десять минут рыси, и вот уже тренеру, следящему издалека за работой, не только видны, но и слышны всадники: они перешли на кентер — тихий, как бы сдержанный галоп,— земля слегка гудит под копытами.

А вот звуки взметнулись сильнее, будто внезапно просыпался увесистый град,— это всадники делают резвый кончик — 200—300 метров галопом. Затем опять рысь, опять кентер, а потом галоп.

После работы в 12 часов обед. После обеда отдых. В 4 часа большая чистка и уборка денника.

И так изо дня в день.

Главное, ради чего ведется вся эта упорная, непрерывная, неотступная работа,— научить коня галопу. Настоящий галоп — широкий, вольный, как полет птицы,— приходит не сразу. Нужно пять, шесть, а то и семь месяцев на-

Забег.

Фото И. Тункеля и В. Новикова.

стойчивых тренировок, чтобы до конца разработать заложенные в лошади возможности. И если жокей любит свое дело, и любит лошадей, и не жалеет времени и сил, и если в нем живет спортивный дух, удача придет непременно. А если нет удачи?..

Давно не было на «Восходе» такого объекта для насмешек. Стоило Павлу Боровому вывести Забега из конюшни, как начинались шуточки. Конюхи — ребята на язык острые, ядовитые — говорили: «Да-а, велика Федора...» А один сказал так:

— На нем только через Кубань и ездить!

Он имел в виду непомерно высокий рост, неуклюжесть и тихоходность Забега: мол, на таком коне хорошо и удобно переходить реку вброд — там от лошади требуется устойчивость и не требуется резвости. Очень туго осваивал Забег науку галопа.

Нельзя сказать, чтобы Боровой относился к подобным замечаниям равнодушно, но он отшучивался, втайне надеясь, что когда двухлеток их завода, в том числе Забега, выставят на скачки в Москве, Забег себя покажет.

Наконец Москва, ипподром.

Забег скакал шесть раз в самых никудышных компаниях — в скачках 5-й категории, то есть с наименее резвыми двухлетками. И лишь один раз он каким-то чудом сподобился прийти первым. Сказать, что результаты огорчали, будет неверно. Они повергали в уныние.

Подобной неудачи можно было ожидать от кого угодно, но не от лошади, в роду которой был Гранит 2-й, сын Глицинии и Тагора, знаменитейший производитель Гранит!

В чем корень неуспеха? Забег по конституции на редкость капитален, одет на славу — мышцы развиты отменно. Значит, не в этом дело.

Может, с дыханием нелады, сердце слабоватое? Обычная рабочая лошадь, привыкшая возить тяжести, имеет сердце весом в восемь фунтов. Сердце скаковой весит вдвое больше — 16 фунтов. А у Забега, наверное, будут и все 18. С таким мощным мотором да не скакать?

Нет, не то, не то... А что же?

В который уже раз анализируя ход тренинга и по косточкам разбирая все особенности Забега, директор конзавода Евгений Евгеньевич Готлиб, знающий в конном деле человек, начкон Шимширт и жокей Боровой пришли к единственно правомерному выводу: Забег — лошадь позднеспелая, она еще не развилась до конца, ей необходимо время, чтобы силы и все ее возможности расцвели полностью.

Вернувшись из Москвы домой, тренер и жокей разработали для Забега график усиленного тренинга. До нового сезона оставался год, и этот год должен решить все. Шутки насчет Кубани не прекращались.

Девять первых

Знаете, как по весне гонят табун в степь?

Настоявшихся за зиму в денниках, стосковавшихся по вольному простору маток, молодых жеребчиков и кобылок сначала выводят из конюшен в специальный огороженный большой загон, накапливают, как перед броском в наступление, на исходном рубеже.

Лошади чуют, что настал долгожданный час, и нетерпеливо теснятся к широкому выходу, который перекрыт толстой крепкой жердью-барьером. Их уже охватила лихорадка последних минут ожидания, они не могут устоять на месте, бьют землю копытом, нервно вытягивают шеи в ту сторону за барьером, где люди хлопочут вокруг оседланной лошади.

А у людей, между прочим, есть причина мешкать. Нужно с предельной тщательностью подготовить того, кто поведет за собой табун.

Если выпустить лошадей из загона одних — произойдет неописуемый хаос, они тут же разбегутся кто куда, и ищи тогда ветра в поле. Поэтому им нужен вожак, который покажет дорогу на пастбище. Они стремятся за ним слепо, беспрекословно, и если бы даже он увлек их в бездонную пропасть, лошади бросятся за ним очертя голову, все как одна.

Вожак должен быть хоть не намного, но быстрее табуна, а всаднику, сидящему на нем, необходима отчаянная смелость и удаль и, разумеется, высокое искусство верховой езды.

Ибо горе ему, если конь под ним чуть сбавит ход или споткнется. Они оба — и конь и всадник — будут втоптаны в землю несущейся следом со скоростью курьерского поезда лавиной разгоряченного, почти одичавшего от возбуждения табуна.

Лошади успокоятся лишь тогда, когда, изнуренные немыслимой скачкой и вместе с тем утолившие жажду свободного движения, достигнут пастбища и разбредутся по зеленой траве...

В некотором смысле очень похожим бывает состояние лошади, когда она выходит на старт первых в открывающемся сезоне скачек. Если она, конечно, подготовлена как следует, или, по выражению жокеев, находится в отличном порядке. Азарт борьбы на дорожке сродни азарту табуна, рвущегося в степь.

Когда в мае 1960 года Павел Боровой вывел трехлетнего Забега на старт первых больших скачек на Московском ипподроме, он отчетливо ощущал, как рвется в бой всем своим существом некогда флегматичный Забег.

Минувший год был так плотно забит тренировками, что сейчас, оглядываясь назад, Боровой не мог точно определить, когда именно почувствовал он перемену в Забеге, в какой из трехсот дней работы вдруг явилась эта легкость движения, которой он упорно добивался и без которой не может быть лошади высокого класса.

...Прозвенел колокол. Дан старт. Павел Боровой сильно послал Забега, уже на первых метрах вырвался вперед и занял место у самого каната — так называется по-скаковому обычная бровка дорожки.

500 метров... 1000 метров... Забег уверенно ведет скачку. К середине дистанции он оторвался от ближайшего соперника, шедшего под жокеем-мастером Николаем Насибовым, корпусов на шесть. Насибов не торопил событий, не спешил догонять зарвавшегося, как он считал, лидера скачки.

Насибов, как и Боровой, работает в «Восходе», и их лошади стоят под одной крышей, хотя и входят в разные отделения. Насибов и Боровой — друзья. И кому-кому, а уж Николаю-то отлично известны все мытарства, какие довелось принять Павлу Боровому с этой вздорной лошадкой. Вот почему Насибов не торопился. Он ждал, когда Забег скиснет.

Но... До финиша остается каких-нибудь четыреста метров, а просвет не уменьшается. Наоборот. Он стал больше. А вот и финиш!

...Забег выиграл в Москве под седлом Павла Борового Большой Всесоюзный приз. Он выиграл скачки во Львове. В Варшаве на международных соревнованиях взял два главных приза — имени Москвы и «Большой кубок».

Девять раз выходил на старт Забег и девять раз был первым у призового столба. И всегда с большим отрывом от остальных.

Давно уже никто не давал Боровому советов отправиться на Забеге вброд через реку.

Но сезон 1960 года для Забега на том не кончился. Его решили послать за океан, в Соединенные Штаты, где разыгрывался один из крупнейших международных призов. Забегу предстояло за несколько десятков часов покрыть несколько тысяч километров, для того чтобы затем за две с половиной минуты проскакать два с половиной километра.

Финиш за океаном

До Берлина доехали по железной дороге. На аэродроме Темпельгоф двух советских лошадей — Забега и Задорного, из Деркульского конзавода, с Украины,— погрузили в самолет авиакомпании «Эр-Франс». Для них были установлены в салоне специальные легкие станки. Жокеи Николай Насибов и Павел Боровой находились в этом же самолете.

Когда самолет опустился на аэродроме в Балтиморе, где надо было выгружаться, чтобы затем продолжить путь до ипподрома уже на грузовиках, Забег и Задорный выглядели, прямо скажем, не лучшим образом. Устали с непривычки, сильно устали. А между тем до скачек — всего дней пять...

Международный «Вашингтонский интернациональный» приз разыгрывался в девятый раз. Советским конникам уже знаком был ипподром в Лаурели, что лежит в 26 милях от столицы Соединенных Штатов: наши лошади дважды выставлялись на эти скачки. Похвалиться было нечем: в 1958 году наш фаворит Гарнир занял шестое место, а в 1959 году он же был пятым. В состязаниях с традиционно «скаковыми» державами нашим конникам всегда приходится туго.

На этот раз они решили доказать западным специалистам, что напрасно те с такой самоуверенной безапелляционностью отводят советским скакунам место где-то на задворках. И главная ставка делалась на Забега.

В Лаурельской скачке разыгрывается сто тысяч долларов. Первое место стоит 70 тысяч, второе — 15, третье — 10 и четвертое — 5. Куш не маленький, и на сей раз «Вашингтонский интер» снова собрал цвет мирового коннозаводства.

Записано было одиннадцать лошадей: по две от Англии, Италии, Советского Союза, Соединенных Штатов и Франции и одна от Ирландии.

Компания подобралась высокого международного класса.

Соединенные Штаты выставили одну из самых сильных своих лошадей — пятилетнего жеребца Болд-Игла, Смелого Орла, прошлогоднего лаурельского победителя, и Хармонизинга. Между прочим, Болд-Игл под жокеем из Панамы Эммануэлем Указой выиграл для своего владельца уже 573 432 доллара. Золотая лошадка, ничего не скажешь...

Судя по всему, фаворитом следовало считать именно Болд-Игла. Все видели, что он в прекрасном порядке. Владелец его постарался, чтобы Болд-Игл сохранил к моменту скачек лучшую форму. Конюшня, где постоянно содержится Болд-Игл, находится под Нью-Йорком. И чтобы здесь, под Вашингтоном, лошадь ни в чем не ощущала изменений, хозяин даже воду привез с собой в специальных больших баллонах.

Забег и Задорный никак не могли свыкнуться со здешним климатом, с погодой, да и слишком мал был срок, чтобы акклиматизироваться. О воде и корме и говорить не приходилось. Не тащить же с собой через океан целую цистерну!

Настало 11 ноября 1960 года — день скачек. И тут выяснилась одна вещь, которая доставила нашим серьезную неприятность.

По правилам Забег может нести на себе вес не менее 122 фунтов. Скакать он должен был под Павлом Боровым. Задорному, как пятилетку, полагался вес в 126 фунтов. На нем скакать должен Николай Насибов. Взвешивание жокеев спутало все карты, разрушило все расчеты. Оказалось, что вес у Борового — 131 фунт, а у Насибова — 125.

Если взять двух совершенно одинаковых по классу лошадей и посадить на них совершенно равных по мастерству жокеев, то при прочих равных условиях они закончат скачку с одинаковым временем. Но если один из жокеев будет тяжелее другого на килограмм, то на дистанции в 2 414 метров — именно такова дистанция скачки в Лаурели — его лошадь отстанет от лошади соперника на два с половиной корпуса. Это уже давно точно подсчитано и проверено: лошадь, несущая килограмм лишнего веса, на каждой тысяче метров отстает на корпус.

Дела складывались неважно. У Павла Борового без малого четыре килограмма лишнего веса. Скакать ему на Забеге — значит давать соперникам фору в десять корпусов. Слишком много в скачках такого класса!

Что же делать? Пересадить жокеев? Забег все время скакал только под Павлом Боровым. Когда жокей и лошадь привыкают друг к другу настолько, что лошадь разгадывает намерения всадника без шенкелей и хлыста в ту же секунду, как они зародились, а жокей в каждый данный момент скачки безошибочно знает, сколько еще сил в запасе у его скакуна, они становятся словно бы единым организмом, подобно кентавру, этому мифическому существу с человеческой головой и лошадиным туловищем. Посадить на лошадь другого всадника, каким бы искусным и опытным мастером он ни был,— значит разрушить единство. Это чревато печальными неожиданностями.

Однако иного выхода не оставалось, и решено было, что на Забеге поскачет Николай Насибов. Может быть, выбирая из двух зол, наименьшим сочли как раз большее зло. Может быть... Но посмотрим на скачку.

...Над трибунами ипподрома, вместившими шестьдесят тысяч человек, стоит гул, густой, почти зримый: кажется, будто он маревом струится над плотной людской массой.

Кончена разминка. Одиннадцать всадников подтянулись к стартовой сетке. Разноцветные камзолы и картузы жокеев, разномастные лошади. Веселая мозаика красок заиграла на дорожке, как яркие, слепящие блики солнца играют на бегучей воде ручья. Вот одиннадцать выстроились вдоль сетки — словно кусок радуги упал поперек дорожки...

Старт! Сетку долой!

Невидимый бич стегнул лошадей — всех разом. Треснула с громом радуга, раскололась, расщепилась. Смешались краски, и уже не радуга — ворох живых цветов, брошенный чьей-то удалой рукой, летит над землею по широкой дуге...

Тут же тяжкий вздох взметнулся над трибунами: это упал совсем недалеко от старта рыжий французский жеребец Пюиссан Шеф. Жокей Максим Гарсиа вылетел из седла и распростерся на дорожке.

Падение в самом начале — провал. Как ни гони, не наверстаешь.

А десять всадников уже далеко. И впереди всех скачет на Болд-Игле сухой, подобранный панамец Эммануэль Указа.

И Павел Боровой и Забег тоже любят водить скачку или, во всяком случае, быть все время в передней компании, чтобы при выходе на финишную прямую стремительным броском вырвать победу. А сейчас они разлучены. Нет, они, казалось бы, совсем рядом друг с другом, вот на этой дорожке. Но они действуют врозь и оба чувствуют себя непривычно.

Когда всадники прошли первые четыреста метров, положение в скачке сложилось так: вел Болд-Игл, вторым в четырех корпусах сзади шел Задорный, третьим за ним на шею сзади — итальянец Рио-Марин. Николай Насибов на Забеге был восьмым, его оттерли еще на старте. Но это было еще не страшно: скачка только началась.

Пройдено 800 метров. На дорожке все изменилось. Только лидер прежний—Болд-Игл. Вторым стал Рио-Марин, Задорный — шестым, а Забег — десятым, то есть последним. Перед ним шел второй представитель Соединенных Штатов, Хармонизинг, под жокеем Джоном Ризном. Между прочим, и на отметке 400 метров он держался рядом с Насибовым, впритирку, так что тесно было.

Идти десятым, тащиться в хвосте, принимая на себя комья земли из-под копыт впереди идущих,— это, вероятно, было привычно для Забега в двухлетнем возрасте, но теперешнему Забегу это совсем не по душе. Почему жокей не пошлет его сильнее? Смущают сомнения: хватит ли у Забега сил выдержать высокий темп в середине и сделать решительный рывок на финише? Хватит сил, хватит! Ведь Забег — типичный стайер, он с одинаковой резвостью — в 30 секунд — проходит и первую пятисотметровку и последнюю.

Но Насибов не торопит Забега, как будто его вполне устраивает такой ход борьбы. Американец Ризн тоже не спешит, впечатление такое, что он хочет побороться с Насибовым за последнее место.

А Болд-Игл, не сбавляя темпа, уходит все дальше вперед; разрыв между ним и переложившимся на второе место английским жеребцом Пролификом достиг уже восьми корпусов. Участники растянулись. Тысячу шестьсот метров они в таком порядке и прошли. За Пролификом, отстав на два корпуса, шел Рио-Марин, а четвертым, тоже в двух корпусах,— англичанин Апостол.

Забег по-прежнему был последним. Перед ним маячил круп Хармонизинга.

Наконец Насибов словно очнулся от усыпляющего, неторопливого ритма. Забег тут же принял новый темп, прибавил скорость. Чуть раньше сделал это Хармонизинг, начавший заметно отрываться, уходя вперед. Похоже было, жокею Ризну наскучило соревноваться с Насибовым в тихоходности, и он, выяснив возможности Забега, решил в конце концов попытать счастья в борьбе с передними.

Уже две тысячи метров пройдено! Впереди, в десяти корпусах от ближайшего соперника, все он же, Болд-Игл. Вторым — Хотэйн, француз. Хармонизинг, расставшийся с Забегом,— уже третий, Пролифик — четвертый, Задорный — пятый, Забег — седьмой, и от Болд-Игла его отделяет четырнадцать корпусов. Это же почти сорок метров! Поздновато хватился Николай Насибов. Но еще не все потеряно, хотя впереди всего 414 метров. Николай бросает Забега на решительный штурм.

Забег делает такой стремительный рывок, что через несколько секунд расстояние между ним и Болд-Иглом сокращается ровно вдвое. Кажется, что все другие лошади вдруг остановились и лишь он один рвется вперед. Вот уже он четвертый, на шею сзади Хотэйна и на полтора корпуса сзади Хармонизинга. Еще рывок — и Хотэйн обойден. Задорный тоже прибавил: он рядом, он уже четвертый. Теперь надо «съесть» Хармонизинга, а потом можно достать и Болд-Игла, который уже всего в трех корпусах. Невероятен темп, на который оказался способен Забег. Эх, надо было чуть раньше начать эту погоню за лидером! Но — вперед, вперед! Есть еще двести метров борьбы.

И тут на дорожке — во время бешеного галопа! — началась другая борьба, в которой один из двух ее участников вел себя нечестно.

Рывок Забега был неожиданностью для всех. Насибов чувствовал, что если он удержит этот темп до финишного столба, возможна и победа. И вот, когда он настиг Джона Ризна, тот оглянулся и, увидев, что Насибов хочет обойти его справа, неуловимым движением подвинул свою лошадь так, чтобы преградить путь Забегу. Забег едва не уперся головой в круп Хармонизингу. Скорость сразу упала, сравнявшись со скоростью, которой держался выкладывавшийся до последнего американец.

Насибов сначала подумал, что это чистая случайность. Чего не бывает во время таких напряженных состязаний! Он принял левее. И, угадав маневр, Ризн ровно настолько же сдвинулся влево. Насибов — вправо, Ризн — туда же! И Николай понял, что это не случайность. Ризн намеренно мешает ему.

Зрители, конечно, ничего не заметили. Слишком скоротечна борьба, и слишком тонко она ведется, чтобы неискушенный взгляд мог отметить странности в поведении двух соперников. Неужели не видели ничего и судьи?

А до Болд-Игла уже всего два корпуса. Но его не достать, Ризн отлично справился со своей ролью.

Финиш! Забег так и закончил скачку на крупе Хармонизинга третьим. Болд-Игл выиграл два корпуса. Павел Боровой на Задорном остался на четвертом месте, на четвертом, но призовом.

Проскочив финишный створ, чуть осадив Забега и выпрямившись в седле, Николай Насибов поднял руку над головой. По обычаям наших ипподромов это означает протест, этим жестом жокей дает знать, что на дистанции были допущены нарушения правил. Но странная вещь: никто из судей не обратил на поднятую руку ни малейшего внимания.

Оказывается, в Соединенных Штатах поднятая жокеем рука означает «все в порядке».

Насибов и его товарищи не знали этого. Что ж, простительная и вполне понятная беспечность. Слишком далеки были советские конники от мысли о нечестной игре, чтобы при подготовке к скачке принимать в расчет тонкости такого рода.

Четверо победителей, еще не отдышавшиеся, вышли перед трибуной — два американских и два советских жокея. Им тут же вручили призы — под шквал трещоток, восторженный свист и приветственные крики возбужденной публики.

Дождавшись конца торжественной церемонии, представители наших конников заявили протест. Судьи сказали, что невозможно ничего установить с достоверностью, пока не будет проявлена кинопленка, на которой отражен ход борьбы на финишной прямой. Когда пленку проявили и прокрутили ее на экране, все наглядно убедились, что Николай Насибов сказал правду. Слепому было ясно.

* * *

Не будем гадать, сумел бы или не сумел Забег обойти лидера скачки, если бы Джон Ризн не сделал того, что он сделал. Инцидент на финише не испортил хорошего настроения нашим конникам: ведь советские лошади обскакали весь цвет Европы! Это большая победа. Даже только ради одного этого стоило лететь за океан!

Так закончился для Забега прошлый сезон. Сразу после скачки в Лаурели американские коннозаводчики попытались купить Забега. За него предлагали, не торгуясь, двести тысяч долларов. Но советские конники не польстились на доллары.

Забег еще поскачет. А позже, может быть, любители прекрасного зрелища увидят на ипподромах его могучее потомство. Недаром же в его жилах течет горячая чистая кровь Гранита 2-го, сына Тагора и Глицинии!

— Для меня было бы большой радостью сыграть в таком составе «Три сестры»,— сказала Джина Лоллобриджида, выступая вместе с Элиной Быстрицкой и Татьяной Самойловой перед московскими телезрителями.

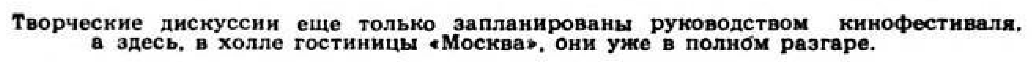
В Москве у Анны Елизабет Виргер много знакомых: она сыграла в советско-германском фильме «Пять дней, пять ночей». Встретиться с ней пришли актриса Валентина Куценко и режиссер Юлий Кун.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ 1961

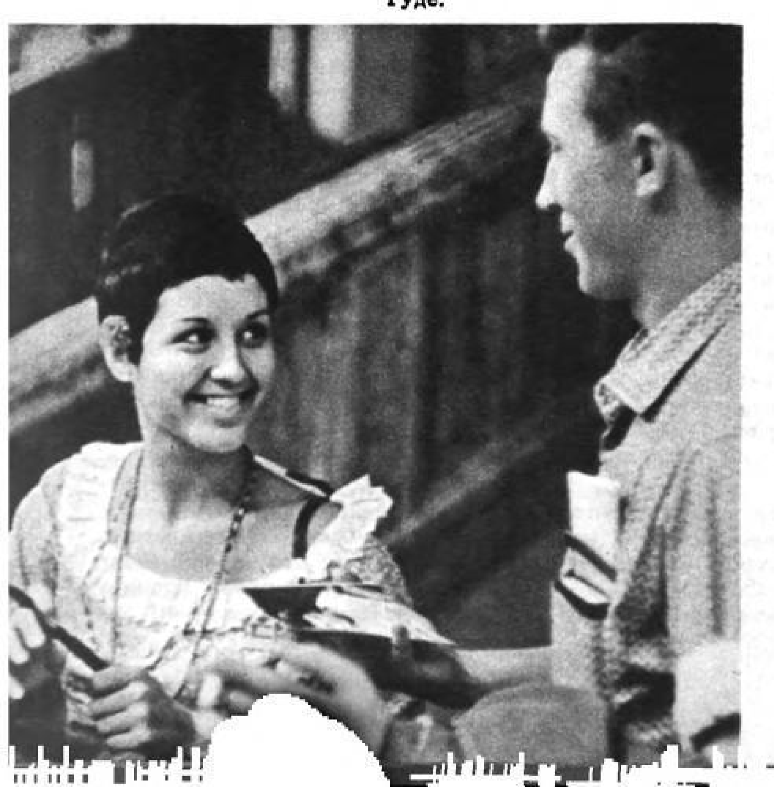
ФЕСТИВАЛЬ ИДЕТ

Н. СВЕТЛОВА,
Е. УМНОВ

Любовь к кубинскому народу можно выразить и так: попросить автограф у киноактрисы Кубы Вивиан Гуде.

Творческие дискуссии еще только запланированы руководством кинофестиваля, а здесь, в холле гостиницы «Москва», они уже в полном разгаре.

Советские режиссеры Г. Чухрай, Ф. Эрмлер и французский кинокритик Леон Муссинак.

Второй Международный кинофестиваль в Москве — а это хоть и молодая, но уже традиция — набирает темпы. Кинозвезды — народ рабочий, занятые люди. И те, кто из-за съемок не смог приехать к торжественному открытию, прилетают сейчас, чтобы обязательно встретиться с москвичами в торжественные дни просмотра фильмов своей страны.

В бюро обслуживания гостиницы «Москва», где живут участники фестиваля, раздаются телефонные звонки:

— Номер для Елизабет Тейлор.

— Два номера делегатам из Дании.

— Прибывают из ГДР режиссер Герхард Клейн, сценаристы Рукер и Кольхазе.

У приветливых девушек из бюро обслуживания много забот. Делегация Вьетнама просит узнать адрес доктора, чтобы поблагодарить его, того доктора, который помог их товарищу, когда он полгода назад был в Советском Союзе. Группа кинодеятелей хочет встретиться с одним из московских режиссеров: они слышали о его интересной творческой работе. Бывают и несколько неожиданные просьбы, но, конечно, заслуживающие абсолютного внимания,— надо срочно починить сумку. В эти дни героини кино, естественно, с особой тщательностью следят за гармонией своих туалетов. Ведь на них устремлено столько глаз!

Да, фестиваль набирает темпы. Корреспонденты узнали уже все ходы и выходы, пресс-бюро выпускает регулярные бюллетени и газеты, а зрители, особенно любители кинематографа, заняли прочные ключевые позиции на пути следования кинозвезд из гостиницы в кинотеатр «Россия».

...Это произошло в тот же день, в день открытия фестиваля. Строители очень торопились, чтобы встретить дорогих гостей в новом, вместительном, красивом и удобном кинотеатре. Ведь девиз Московского фестиваля «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!» нашел отклик не только у кинодеятелей мира, но и в душе всех честных людей. Этому девизу хочется служить.

Кинофестиваль — конечно, это очень интересно! Но, как заявил итальянский режиссер Де Сантис, Московский кинофестиваль отличается от других своим творческим и деловым началом.

Напряженно работает жюри. За две недели надо посмотреть 69 фильмов — художественных, полнометражных и короткометражных, документальных, научно-популярных, мультипликационных — и по воле сердца выбрать те, в которых бьется подлинная жизнь, идея которых защищает мир.

Работают делегаты съезда. Они встречаются с рабочими на заводах и фабриках, с колхозниками в подмосковных деревнях, знакомятся с методами обучения в Институте кинематографии, устраивают пресс-конференции. В одном из номеров гостиницы стихийно возникла пресс-конференция, которую дала корреспондентам знаменитая во всем мире итальянская актриса Джина Лоллобриджида. После просмотра японского фильма «Голый остров» постановщик Кането Синдо рассказал о своих творческих поисках. Он хотел основную идею фильма — веру в жизнь — передать зрителям, найдя для этого чисто кинематографические приемы. Кането Синдо известен фильмом «Дети Хиросимы». Эта тема особенно близка ему: в Хиросиме погибла его семья.

С корреспондентами встретились и делегаты Мали. Молодая республика впервые представляет фильмы на Международном кинофестивале — две документальные картины о жизни народа.

Известный кинодеятель Йорис Ивенс, который помогает малийским кинооператорам в их первых съемках, сказал, что он уверен — на третьем Московском кинофестивале кинематография Мали будет представлена более обширно.

Киноленты фестиваля раскручиваются, вокруг идет большая творческая работа.

Парад кинозвезд.

Сергей Васильев.

ТРУД ПОЭТА

Идет год за годом, на страницах газет и журналов появляются стихи, выходят книги; длится труд поэта, упорный и напряженный. Но вот настает день, когда возникает потребность оглядеть пройденный путь, оценить все сделанное. И тогда вместе с читателями и собратьями по перу поэт обходит строй своих стихов и поэм, проверяет их стойкость и боевую готовность.

Сергей Васильев к своему пятидесятилетию выводит на поверку стихи, по-разному вооруженные. Здесь за поэмами следуют путевые стихи, за песнями — эпиграммы и пародии. Строгий суд времени отверг все случайное и слабое, зато строки, выдержавшие испытание, теперь готовы к встречам с новыми и новыми читателями.

Кажется, совсем недавно вошло в поэзию поколение тридцатых годов, к которому принадлежит и Сергей Васильев, а успело оно поработать на славу — в дни мира и войны. Ровесники идут плечом к плечу, вместе со старшими и младшими товарищами, но каждый из них — самостоятельный характер, каждый вносит в общие усилия свое, новое.

Особенное отчетливо сказалось в первых же поэмах Васильева. «Прямо с лёта, прямо с хода, поражая опереньем» — эти слова, сказанные об отважном и верном голубе, можно применить и к поэту, нашедшему свое слово и смело с ним выступающему. Васильев привел с собой героев разных судеб, профессий и даже времен. Бок о бок с одним из первых покорителей воздушного океана встают и смелый партизан и скромная колхозница Анна Денисовна. Только что поэт оживил в своих строках маленького воина революции, пионера, своего земляка, зауральца, как и Павлик Морозов, погибшего на посту.

Так снова побывал Васильев в своих родных местах. Он знает и любит «прямые улицы Кургана», задумчивую грусть степей, бураны черемух, червонный листопад, прозрачный зной равнин. Однако дороже всего ему социалистическая новь и творцы этой нови, преобразившие облик России:

Но я пою и славлю ныне
не твой ромашковый покой,
я славлю Русь, как героиню,
как землю гордости людской,
. . . .
люблю за то, что, первой в мире
законы рабства истребя,
бесправья тягостные гири
ты гневно сбросила с себя.

Многогранность и цельность, широта и последовательность — эти черты, отличающие подлинно современную поэзию, свойственны и творчеству Сергея Васильева. Потому-то в день, лишь по привычке называемый «юбилейным», он может не только подводить итоги, но и уверенно глядеть в будущее. Оно открыто для трудолюбивых и мужественных, всей душой преданных своему делу.

И. ГРИНБЕРГ

Тройка по поведению

Фельетон

Евгений КОРШУНОВ

Кто не знает Алексея Косинова? Вы не знаете Алексея Косинова? В таком случае вам просто повезло, и граждане, живущие по улице Карла Маркса в Бирюлеве (Пролетарский район Москвы), завидуют вам лютой завистью.

Алексей Косинов — хулиган. Типичный хулиган со средним хулиганским стажем. Жизнь его полна событий, не одобряемых Уголовным кодексом. Впрочем, хулигану на это наплевать: на то он и хулиган! Весь его недюжинный талант расцвел махровым цветом во дворе дома № 5 по вышеуказанной улице в Бирюлеве. Здесь разбил он свое стойбище, вернувшись в 1959 году из мест не столь отдаленных.

— Привет родителям! — крикнул он с порога в то розовое утро.— Не ждали?

— Нне...— пролепетали старики.

Так скоро они его действительно не ждали.

— А где дражайшая половина? Чего супруга не встречает? Посадила ни за что, а теперь в кусты? Ну, я ей покажу! Всем покажу!

И стал показывать.

С этого дня на сарай во дворе дома № 5 люди стали поглядывать, как на сундук сюрпризов. А те, кто посмелее, даже ходили подсматривать, как новосел хлещет одеколон. Отвинтит пробочку «Цветочного», крякнет и соленым огурчиком закусит: дешево и сердито! Опять же гигиенично!

— Оч-чень я это дело уважаю! И вкус, и запах... Вот крепости бы подбавить в ем!

Граждане опускали глаза и торопливо рассеивались.

Но сарайный житель жаждал общества: он ломился в отчий дом.

— Ты меня породил? — хватал он за шиворот больного отца-пенсионера.

— Породил...

— А теперь напои!

И приходилось поить. Стариковской пенсии едва хватало на «Цветочный». Душа экстравагантного выпивохи неутолимо требовала «освежиться», но родственники не понимали этого. Вспомоществование из них приходилось буквально выбивать.

— Хорошо хоть не прописали,— шептались они по углам и тайком сигнализировали куда следует: так, мол, и так, живет без прописки, избивает жену, отнимает еду у сына, грозит убить...

— Ох! — вздыхали деятели из Красностроительского отделения милиции.— Навязались на нашу шею! И чего им не живется? Обязательно надо шум поднимать! Перевоспитать не могут!

И, повздыхав, вызывали Косинова.

— Ну... ты что? Хулиганишь? — строго обращался к нему очередной «воспитатель».

— Никак нет, гражданин начальник! — браво щелкал каблуками трудновоспитуемый.

— Гм... Пьешь?

— Пью. Но не каждый день!

— Да. Каждый день — это нехорошо. А не каждый... Так кто, значит, стариков твоих обокрал? Ты? Признавайся!

— Я, гражданин начальник. Так ведь вы вещи у меня назад отняли.

— Отняли... А ты их на следующий день опять украл и продал. Ох, Косинов, Косинов! Милиция все знает, милиция все видит! Смотри ты у нас! Работать бы пошел, что ли?

— Душа горит, гражданин начальник!

— Ах, горит... Тогда вот что: дай-ка расписочку, что станешь хорошим, и не болей!

И Косинов давал. И ему верили. И его тянули, тянули, как тянут порой в школе плохого ученика — с двойки на тройку. Только здесь разговор шел не о переэкзаменовке по алгебре, а о судьбе людей.

Темной январской ночью запылал дом № 5. Его обитатели еле выскочили из пламени, вынося стариков и детей.

А наутро «хозяин» дворового сарая каялся в милиции:

— Ей-богу, не я, гражданин начальник. То есть поджигал я, а виноват он, «Цветочный». Выпил я самую малость — какой-нибудь литр — и того... Как еще на чердак с банкой керосина залез... Убиться ведь мог!

— Сажать тебя будем, Косинов! По закону...

— А расписку не возьмете?

— Не возьмем!

— А если я напишу, что лечиться буду?

— Все равно не возьмем. Вот если...

Всю ночь Косинов ползал по половицам отцовского дома, который едва удалось отстоять от

Борис ЕГОРОВ

Рисунки Е. МИГУНОВА.

Анну Гавриловну Коржикову посетил неожиданный гость — корреспондент радио.

Когда она открыла дверь, то увидела высокого мужчину с чемоданчиком в руке.

— Неужто опять из Мосгаза? — сказала Анна Гавриловна.— Ой, одолели!

— Нет, товарищ Коржикова,— ответил гость.— На этот раз вы ошиблись. В моем чемодане не гаечные ключи, а магнитофон — аппарат для звукозаписи. Мы готовим передачу, как живут пенсионеры. Разрешите с вами побеседовать.

— Ну, раз так, проходите, раздевайтесь. А эти, из Мосгаза, они никогда не раздеваются. Даже ног не вытирают. И прямо на кухню...

Корреспондент развернул на столе свою аппаратуру, попросил указать ему ближайшую розетку и объяснил Анне Гавриловне ее задачу:

— Я буду вам задавать вопросы, а вы отвечайте. Только спокойно, не волнуйтесь, не смущайтесь.

— А что мне смущаться, если вопросы будут правильные! — сказала Анна Гавриловна.

— Вот так. А теперь, чтобы не терять времени, сразу приступим.

Корреспондент включил магнитофон и начал репортаж:

— Мы сидим за столом в квартире пенсионерки Анны Гавриловны Коржиковой, бывшей ткачихи комбината «Цвета радуги». Анна Гавриловна, скажите, как вы живете, не скучаете ли дома?

— Хорошо живу,— ответила Коржикова.— А скучать мне некогда. У меня ведь не только домашние дела. Еще и работа общественная.

— Какая, разрешите узнать?

— В домовом комитете работа. То там заседание, то в райсовет пойти надо, а больше по квартирам хожу. Беседую по поводу разных нарушений... Дом у нас большой, новый...

— Это очень приятно,— бодрым, энергичным голосом вставил корреспондент.

— Оно, конечно, так, что приятно. Только некоторые жильцы не берегут этот дом. Вы посмотрите: стены исписаны, стекла внизу в дверях три раза вставляли...

— Спасибо, Анна Гавриловна. У меня еще вопрос.

— Нет, вы подождите, я еще на этот не ответила. Тут знаете, сколько у меня работы? Вот лифт, например, каждый день ломают. Я уж такую табличку заготовила: «Лифт не работает по вине жильцов». И обратите внимание...

Корреспондент выключил магнитофон, но Анна Гавриловна этого не заметила и продолжала:

— ...когда лифт вниз идет, посмотрите на него сверху. У него, несчастного, вся крыша в окурках. Это курильщики бросают через сетку папиросы. Специально лифт останавливаем — крышу подметать. Но вот поймать мне ни одного мерзавца не удалось!

— Анна Гавриловна, мы отошли от темы разговора. Нас интересует ваша жизнь, где вы бываете, куда ходите. Очень прошу вас не отклоняться.

— Ну, хорошо, не буду.

Диск магнитофона снова завертелся.

— Вы спрашиваете, как я свой досуг провожу? Дома мы со стариком, в общем, не засиживаемся. На прошлой неделе в экскурсию по Москве ездили. В высотном здании были.

— И вам очень понравилось?

— Понравилось. На самый тридцатый этаж нас поднимали. В две секунды. Ну, такой лифт! Прямо как самолет. Вот я и подумала: нашим бы жильцам его — вмиг бы разломали...

— Не надо больше про лифт,— взмолился корреспондент.

— А вы думаете, легко старому человеку на такую верхотуру лазить? — отпарировала Коржикова.— Ну ладно, про лифт больше не буду. А про подоконники на лестнице скажу: они все гуталином перемазаны. Думаю, отчего бы это? А потом смотрю: Солдатенков из 135-й квартиры задрал ногу на подоконник и сапоги чистит... Я к редактору домовой стенгазеты. Нарисуйте, говорю, этого чистильщика сапог.

— Все про Солдатенкова? — с нетерпением спросил корреспондент.— Тогда вернемся к теме беседы. Много ли в вашем доме пенсионеров?

— Много. Вот Лопухова, например, Косичкина, Краснов, Бойко... Хорошие люди, заслуженные. И работой общественной занимаются. Всех, конечно, я не могу назвать. Но еще некоторых припомню. Это Петровичевы, которые любят гвозди в стены набивать... Лавринюки — вечно на балкон разное барахло выставляют. Еще Шустиковы! Площадку на лестнице не помыли ни разу. Я ведь не их, конечно, заставляю: у них дети взрослые и здоровые...

— Анна Гавриловна, мы же договорились. Это ведь не для той передачи...

— Для той. Для самой. Если хотите, чтобы порядок был. И пусть все слушают!

— Но вы мне не на вопрос отвечаете.

— Неважно. Вопрос большой. Прямо проблема це-

огня. Хватал родственников за лодыжки и покаянно постукивал головой об пол. Он клялся. Клялся, что будет хорошим и излечится от греховной страсти к парфюмерии. Напирал, что уедет к брату в Каширу и никогда пальцем не притронется к жене. Обещал все — даже поступить на работу! Только бы не посадили! Только бы простили!

И его простили. В милицию посыпались заявления. От жены, которую он едва не убил. От матери, которую он пытался заживо сжечь, и от отца, которого разбил паралич при виде этого. Косинова прощали.

— Тем лучше,— решили в милиции, и, отобрав еще одну расписку, хулигана отпустили с миром.

Документ этот чрезвычайно любопытен как по содержанию, так и по форме — стилистической и орфографической. Вот он:

ПОДПИСКА

«Я Косинов Алексей Григорьеввич даю слово что больше нечего в доме ученять хулиганских действий не буду и случий поджега дома произошел не помню как.

В дальнейшем в виду отказа прописки родственниками я уеду в город Каширу к брату в чем даю подписку Красностроительскому отделению милиции».

Получили эту бумагу в милиции и возликовали. Спровадили все-таки! Шутка ли сказать, даль-то какая — в Каширу! В чужой район.

На радостях постановили признать возбуждение уголовного дела «нецелесообразным, поскольку Косинов уезжает к брату в Каширу».

Но не тут-то было! Ровно месяц понадобилось любителю парфюмерии, чтобы пропить в Кашире содержимое трех чемоданов, на радостях от предстоящей разлуки выданных ему родственниками. А через месяц из сарая во дворе опять слышалась нецензурная «музыка».

В милиции приуныли: вот привязался! А еще подписку давал! Что с ним поделаешь, с бессовестным?

И тогда решено было действовать хитростью. Сестре Косинова было строжайшим образом приказано выселить буйного братца из оккупированного им сарая. Если же это не удастся, сломать в сарае печку и выморозить его, как клопа. Об исполнении доложить.

А через несколько часов в милицию прибежали соседи звать на помощь: Косинов поймал сестру на крыше сарая за разборкой печной трубы и решил непременно задушить, чтоб другим было неповадно. Еле отбили.

И тогда-то родственники опомнились. Страшно становится, когда читаешь их заявления в милицию. Волосы встают дыбом, когда мать рассказывает, как сын пытал ее огнем, требуя показать, где лежит пенсия отца.

Косинов от всего отпирается:

— Жена говорит, что я с топором бегал за ней по саду? Говорит, что скрывалась с сыном две недели у соседей? Не верьте! По саду я действительно за ней... того... ходил. Хотел побеседовать. А у соседей ей просто захотелось погостить. Пью? Хулиганю? Ни в жисть!

На днях хулиган арестован прокуратурой Пролетарского района. Он, безусловно, получит по заслугам и будет изолирован от общества. Вопрос только в том: надолго ли? Ведь был уже Косинов осужден за истязания жены на два года, отсидел, вышел и принялся за старое. Надо полагать, что суд учтет его «заслуги» со всей щедростью уголовного кодекса: хулиганам не должно быть места в нашем обществе!

Красностроительское отделение милиции в связи с изменением границ столичных районов ликвидировано, 55-е отделение, которому хулиган достался «в наследство», тянуть Косинова с двойки по поведению на тройку не стало. Не стали в этом отделении отделываться от общественности и характеристиками, подобными выданной Косинову фабрикой имени Менжинского, куда наконец его было «трудоустроили».

Трудно поверить, чтобы у такого матерого хулигана была «дисциплина удовлетворительна», как утверждает начальник отдела кадров фабрики товарищ Монахов.

Надо помнить, что советский гуманизм с попустительством ничего общего не имеет.

Хулиган бывает разных сортов, цветов и оттенков. Это и Косинов, и грубиян, оскорбивший девушку, и шпана, толкающаяся у входа в кинотеатры, и типы, разбивающие телефоны-автоматы и бьющие стекла в пригородных электропоездах... И хотя формы хулиганства бывают разные, всех их объединяет одно: чуждость нашему строю, чуждость замечательной эпохе, в которой мы живем.

Неужели же мы не сможем «увязать» это «явление», покончить с ним раз и навсегда? Конечно, сможем, но для этого нам не надо быть добрыми дядями. Не надо тянуть отъявленнейших хулиганов на тройку по поведению!

Рисунок Ю. Черепанова.

лая, как у вас по радио говорят. Строим, строим. А на этом фоне такие безобразия. Подумать надо: ходят люди в райсовет, просят квартиры, очередниками называются, а приедут в новый дом — и вот те на! Дрова колоть перед дверью. А от этого полы щербатые. И все плитки летят. Это я про Масюкова говорю. И зачем ему эти дрова? Ведь печек в доме нет. Что он, старое вспомнил, как в бараке жил? Мы его вызываем на домком, а он заявляет: «Это мне бабашки нужны были, под диван подкладывать». Это ж какую бабашку на плечах иметь надо!

Коржикова остановилась, чтобы перевести дух. Корреспондент воспользовался паузой и задал следующий вопрос:

— Радиослушателей интересует, каков ваш месячный бюджет? Сколько денег получаете, на что тратите?

Анна Гавриловна помолчала, видимо, посчитала в уме и ответила:

— Рублей около двухсот: пятьдесят у меня, да муж приносит сто тридцать. Если без премиальных. Он у меня еще работает мастером. Покупаем что нужно. И на книжке есть. А вот в прошлом месяце разориться пришлось: ремонт на кухне делали. Штукатурка с потолка обвалилась. И все из-за этого Масюкова: пришел домой, выпил, лег на свой диван, взял газетку и заснул. А в ванной краны открыл. Видно, вначале освежиться думал. Ну и начался потоп. Над нашей кухней...

— Правильно, так и было,— донесся из коридора женский голос.

Потом в комнату вошла женщина в фартуке и платочке.

— Это соседка моя, Лапшина,— сказала Анна Гавриловна.

— Здравствуйте,— сказала Лапшина,— я от себя тоже кое-что могу добавить. Вам про валенок Анна Гавриловна не говорила?

— У нас не та тема,— сказал корреспондент.

— Та самая,— ответила соседка.— Что же я, не слышала? Вот тут как-то целый день во всем доме воды не было. И почему отключили? Канализация засорилась. У Севрюковых свадьба была, а после нее они собрали все, что осталось, и в канализацию. И чего уж потом из этой трубы не доставали! Кости, корки, даже кусок валенка. Откуда он взялся, черт его знает!

Корреспондент сидел и сочувственно кивал, а потом сказал:

— Анна Гавриловна, у меня к вам последний вопрос...

— А ко мне нет? — перебила его Лапшина.— Я еще про кроликов хотела рассказать. Мыслимое ли дело, в большом, новом доме кроликов на восьмом этаже разводить?! С этим в колхоз надо ехать!

— Товарищи, у меня пленка кончилась,— объявил корреспондент.— Больше записывать не могу.

— А мы и без пленки говорить можем, мы люди не гордые,— ответила Лапшина. И вдруг всплеснула руками: — Ой, у меня молоко на плите!

Буквально через минуту Лапшина вернулась в комнату, лицо у нее было бледное, а глаза бегали.

— Что, убежало? — спросила Анна Гавриловна.

— Нет, не молоко. Вода! Опять Масюков про ванну забыл!

После выступления «Огонька»

«ОТ АЗОВСКОГО ДО АРАЛЬСКОГО»

Так назывался фельетон («Огонек» № 9), в котором рассказывалось о гастролях концертной бригады халтурщиков во главе с разыскиваемым милицией проходимцем А. Барышевым.

Калининское областное управление культуры сообщило, что работникам Кимрского райотдела культуры, которые знали о деятельности Барышева, указано на неправильные действия. Установлен контроль за концертами в районах.

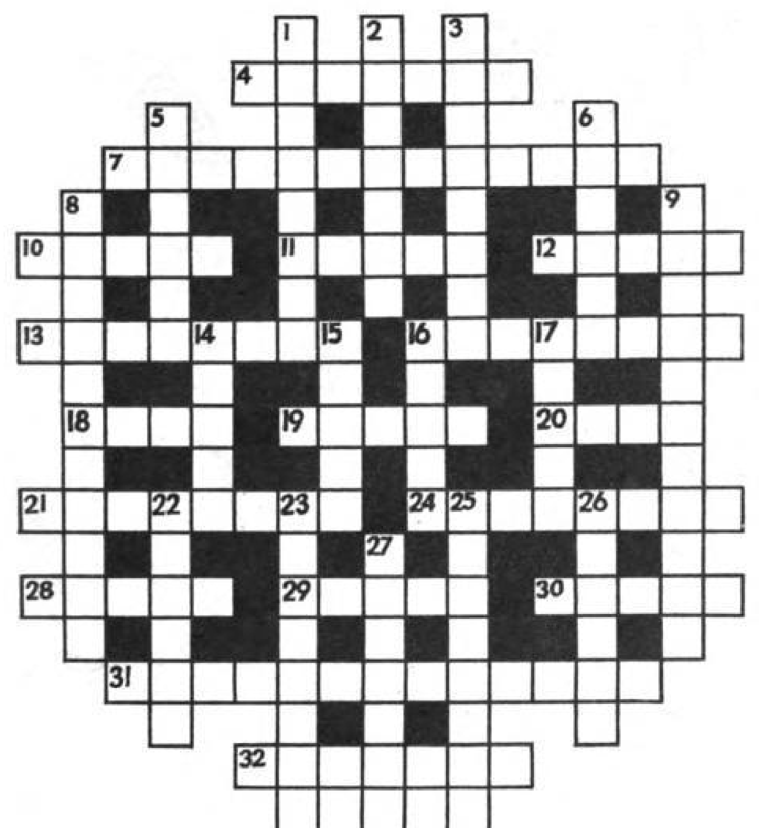
Многие читатели пишут о причинах появления гастролеров-халтурщиков. «Льготные условия для барышевых создают все те же филармонии, которые не желают выезжать в отдаленные периферийные пункты», — справедливо заключает шахтер из Прокопьевска, Кемеровской области, Ю. Зорин.

Вопросы и пожелания читателей редакция передала Всероссийскому гастрольно-концертному объединению. Управляющий объединением Н. Стрельцов ответил:

«К сожалению, это так: когда в районный клуб не приезжают с концертом артисты областной филармонии, туда является Альберт Барышев, и на первом концерте он — желанный гость. Потом уже становится ясно, что он авантюрист, халтурщик, проходимец, принесший на эстраду искусство, разлагающее нашего зрителя, в особенности молодежь. Но почему же областные или краевые филармонии не посылают в районные центры концертные бригады, а если посылают, то очень мало? Потому что у них в большинстве случаев отсутствуют свои творческие кадры, а если они и есть, то их мало (одна-две бригады).

ВГКО дает до сорока тысяч концертов в Российской Федерации, располагая артистами и исполнителями Москвы и Ленинграда. В этом году целинники посмотрят семь тысяч концертов и спектаклей, на новостройках семилетки артисты эстрады проведут семьсот концертов. Но если бы можно было увеличить число концертов вдвое, все равно не будет решена проблема обслуживания райцентров и крупнейших поселков РСФСР. Как же выйти из положения? Прежде всего местные концертные организации должны активно работать над созданием собственных творческих кадров, черпая их из высших и средних художественных учебных заведений и из рядов талантливых участников художественной самодеятельности.

Нам кажется, что в целях борьбы с так называемыми «левыми бригадами» следовало бы запретить районным отделам культуры райисполкомов принимать какие-либо концертные группы, минуя областные или краевые филармонии, а также не разрешать районным типографиям печатать концертные афиши без разрешения областного управления культуры».

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Автор «Хождения за три моря». 7. Геометрическая фигура. 10. Итальянский композитор. 11. Центр Тянь-Шаньской области. 12. Северная птица. 13. Остров в Индийском океане. 16. Единица измерения магнитного потока. 18. Часть слова. 19. Порода охотничьих собак. 20. Чертеж местности. 21. Горный перевал в Швейцарии. 24. Бобовое растение. 28. Средство сообщения. 29. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций. 30. Повесть М. Ю. Лермонтова. 31. Радушие, гостеприимство. 32. Управление летательным аппаратом.

По вертикали:

1. Кондитерское изделие. 2. Река в Северной Америке. 3. Украшение из цветов и зелени. 5. Машина для обработки кукурузы. 6. Русский поэт XIX века. 8. Персонаж комедии А. Н. Островского «Бешеные деньги». 9. Продление срока действия договора, соглашения. 14. Река в Казахской ССР. 15. Металл. 16. Физическое свойство материи, мера инертности. 17. Военнослужащий инженерных войск. 22. Департамент во Франции. 23. Вулканическая горная порода. 25. Советский писатель. 26. Приток Куры. 27. Специальность ученого.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

7. Жеромский. 8. Рефрактор. 10. Ванадий. 11. Яблоня. 12. Оляпка. 13. Статист. 18. «Порожняки». 19. Диспетчер. 20. «Титан». 21. Артек. 26. Глауконит. 27. Санаторий. 30. Николаи. 32. Афелий. 33. Пудель. 34. Ряпушка. 35. Змееносец. 36. Инфинитив.

По вертикали:

1. Пенобетон. 2. Амгунь. 3. Дидактика. 4. Зелинский. 5. Газель. 6. Додеканес. 9. Карта. 14. Косинус. 15. Инсаров. 16. «Спартак». 17. Оттенок. 22. Платформа. 23. Тимирязев. 24. Самарканд. 25. Кибальчич. 28. Толуш. 29. Ливень. 31. Путина.

«Летающее гнездо»

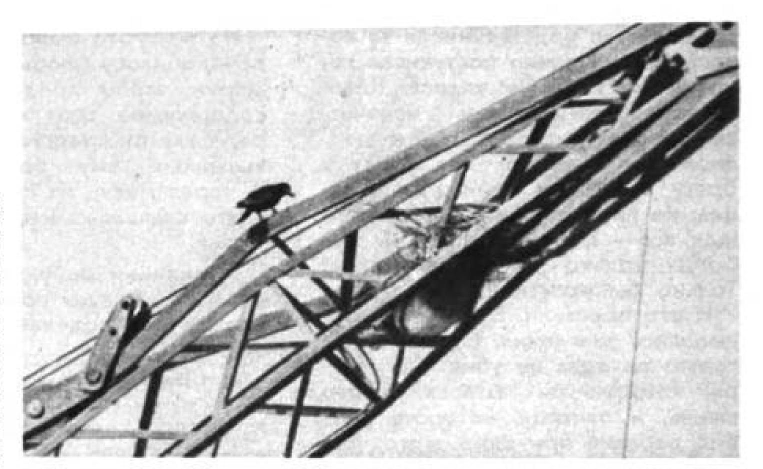
Этот необычный случай произошел на строительстве в лесопарковой зоне между станциями Битца и Бутово.

Семья грачей устроила гнездо на стреле действующего крана! Мы с любопытством наблюдали, как на самом конце 30-метровой стрелы, у блочного колеса лебедки, смелые птицы начали быстро делать гнездо.

Кран работал, передвигался, но, несмотря на это, гнездо было в течение 4—5 дней построено, и самка, отложив яйца, принялась высиживать птенцов. Самец в это время старательно добывал пищу и носил ее самке, улавливая удобные моменты в работе крана. С появлением птенцов взрослые грачи принялись усердно доставлять пищу прожорливой «детворе».

Снова кипит работа на стройке, снова грохочет кран, мерно журчит лебедка, иногда взвизгивают стальные тросы, на глазах растут стены. Гнездо продолжает летать над строительной площадкой, но это, как видим, нисколько не мешает его обитателям.

П. КИБАЛЬЧИЧ
Фото М. Пучина.

Почему мы так говорим

БРОНЯ

Различного рода броня была на Древнем Востоке, у римлян, у галлов. Под 6476 годом (по нашему летосчислению в 968 году) в «Повести временных лет» впервые упоминается слово «броня»: «...И дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему броню, щит, меч».

Раскопки наших археологов показали, что уже в X веке на Руси широко применялась кольчуга. Как говорит самое название «кольчуга», она состояла из железных колец, переплетенных одно с другим. Это было не сковывавшее движений, гибкое приспособление, надежно защищавшее тело воина.

Советский ученый А. В. Арциховский указывает, что у нас стали применять кольчугу на два века раньше, чем в средневековой Западной Европе. О распространенности на Руси брони говорит обилие названий ее разновидностей: «калантарь», «зерцало», «бехтерец», «куяк», «юмшан», «байдана», «пансырь». Некоторые из них делались не из колец, а металлических пластин, иные были безрукавными. В XVI—XVII веках в Москве была Бронная слобода (на месте теперешних Малой и Большой Бронных улиц), где жили мастера, выделывавшие для войск брони, кольчуги, панцири, холодное оружие.

Слово «броня» сходно звучит на многих языках. Оно известно у всех славян, в древненемецком, в древнефранцузском и других языках. В средневековой латыни слово «бругна» (броня) отмечено уже в 813 году. Название это считают заимствованием из древневерхненемецкого, а в нем — от кельто-ирландского слова, означавшего «грудь», которую главным образом защищала броня. Интересно отметить, что и «панцирь» происходит от названия части тела: в итальянском и испанском языках слово, от которого образовалось «панцирь», означало «брюхо» и восходило к латинскому «пантицес» — тоже брюхо, кишки. Название еще одной защитной брони — «кирасы» (в дореволюционной армии у нас были кирасиры) происходит от провансальского слова, означавшего «кожаный жилет» и связанного с латинским «кориум» — кожа, шкура.

В нашем языке слово «броня» сохранилось неизменным более тысячи лет. Но сегодня мы говорим уже не только о броневиках, о броненосцах, о бронебойных снарядах, но и забронированных фондах, о забронированных местах в поезде.

ВАФЛЯ

Еще Г. Р. Державин в оде «Фелица» упоминает о вафлях. В одном словаре 1780 года уже есть слово «вафля». Во всяком случае, мы знаем вафли двести лет.

Чем отличаются вафли от других легких сухих печений? Узором в клеточку на поверхности. И полотенце с подобным узором называется вафельным. Издали вафли похожи на соты. Этим и объясняется название «вафли».

Слово это — заимствование из немецкого. А в немецком оно образовано от слова «вабе», на языке пчеловодов означающего «ячейка в пчелиных сотах».

И. УРАЗОВ

БОЛЬШИЕ ЗАБОТЫ

Милош МАЦОУРЕК, чешский писатель

Жираф, когда еще ходил в школу, имел пятерки по арифметике и по чтению. Лишь по гимнастике всегда он получал двойки, потому что не умел кувыркаться. Чувствовал себя Жираф из-за этого очень несчастным. Правда, каждый давал ему советы: смотри, как это просто! Но ему повторить никак не удавалось: не знал он, куда девать свою шею. Учительница говорила:

— Жираф, Жираф, опять будут у тебя нехорошие годовые отметки. Что скажут родители?..

А Жираф плакал да плакал, так, что проходившие мимо думали: льет дождь.

Наконец пришел конец учебного года, роздали отметки. Жираф получил двойку и опять расплакался пуще прежнего.

Пришел он домой. Папа и мама спрашивают, что с ним. Он и признался: двойка по гимнастике.

Родители ушли в соседнюю комнату, долго там шептались и наконец вернулись со своими школьными дневниками. Посмотрел Жираф, а у них тоже двойки по гимнастике.

* * *

Сначала бывает понедельник, потом вторник, наконец, воскресенье, которому каждый радуется в субботу. Один только Рак не рад воскресенью, потому что живет он немножко по-иному. Другой бы удивился этому, а он не видит тут ничего особенного. Он ведь пятится назад, вот и все.

Идет время, каждый куда-то спешит, только у Рака ничего не убежит. Да и что может у него убежать, раз постоянно возвращается то, что было, а что было, убежать не может! Так что у Рака времени много: живет он с пятницы на четверг, со среды на вторник. Попадаются ему старые счета, пожелтевшие газеты, оторванные от календаря листки, старые поздравительные открытки по случаю Нового года, и Рак ждет, дождаться не может прошлогоднего рождества. Но когда он наконец до него доберется, то уже все тихо, пусто, вокруг много прошлогодней опавшей хвои, пустых банок, бумажек и веревочек. Рак грызет черствый пирог и думает: и этому-то я радовался!

Перевод А. МАРИИНСКОГО.

На первой странице обложки: Красавица из Сансандинга (Мали).
На последней странице обложки: Малийская кавалерия.
Фото специального корреспондента «Огонька» А. Сербина.

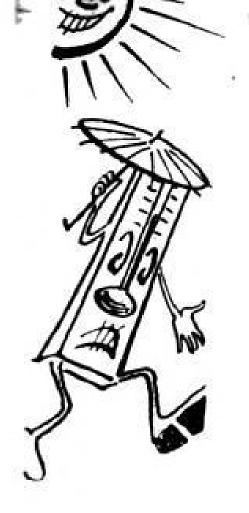
Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

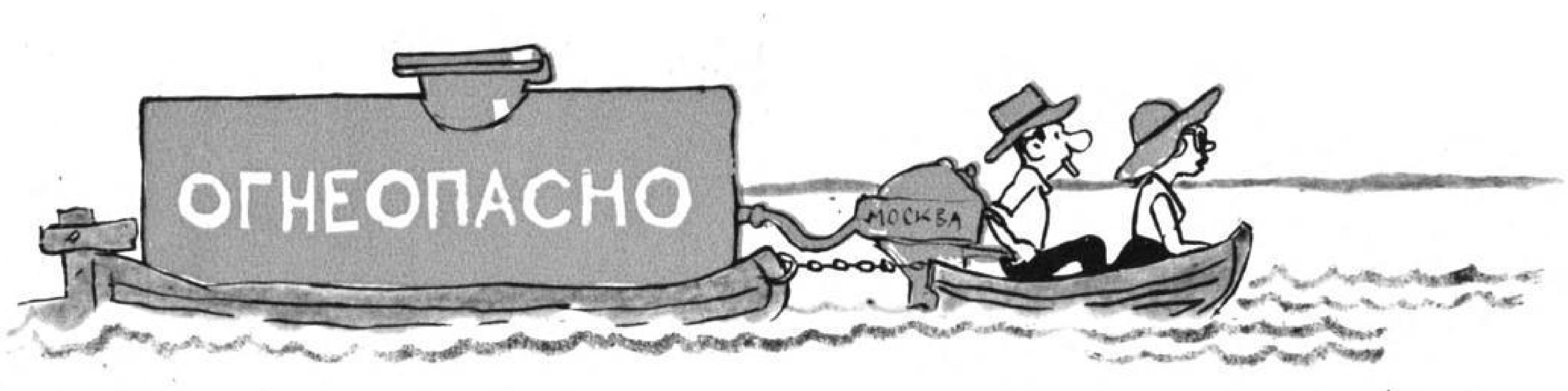
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05251. Подписано к печати 12/VII 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1216. Заказ № 1732.

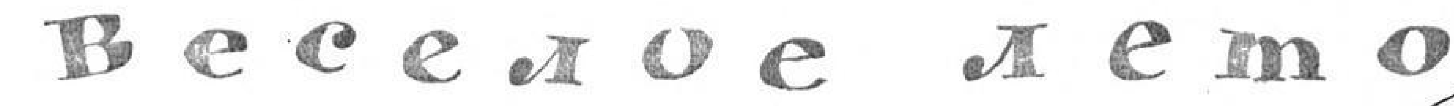
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

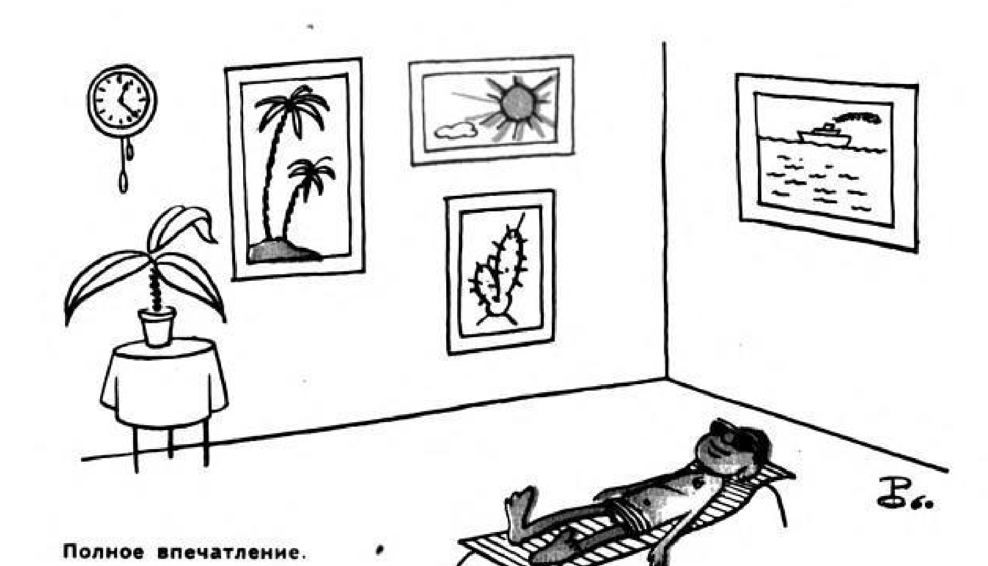

Аварийный запас.

Рисунок Е. Ведерникова.

Полное впечатление.

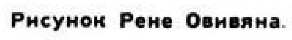

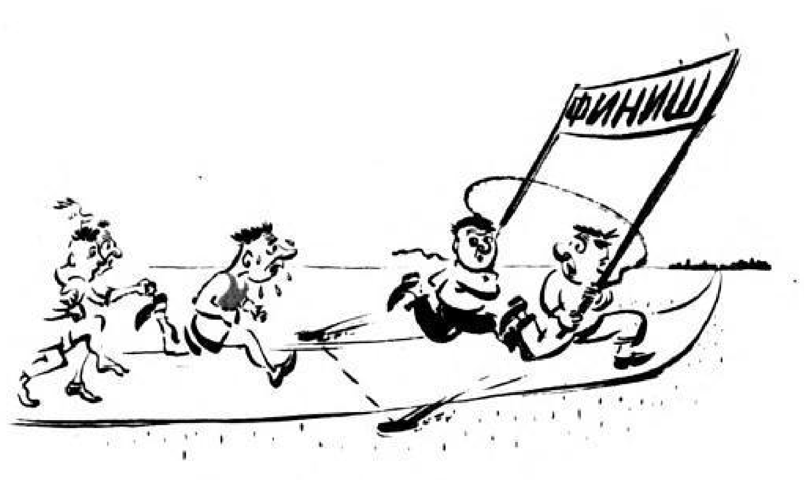
Рисунок Рене Оривяна.

— Плесни водички!

Рисунок Е. Ведерникова.

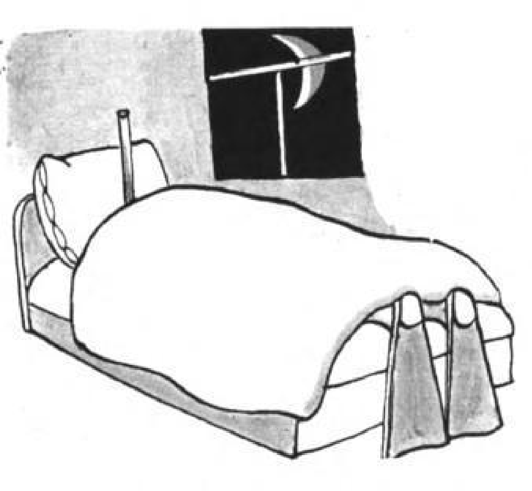

— Извините, ошибка! Финиш за тем леском...
Рисунок В. Воеводина.

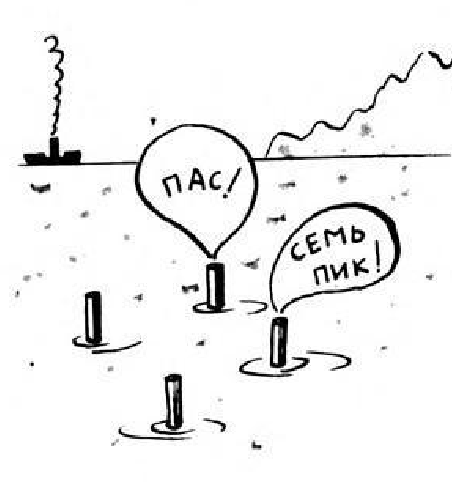
ПИРОЖКИ ГОРЯЧИЕ

— Ох, парочку похолодней!
Рисунок В. Воеводина.

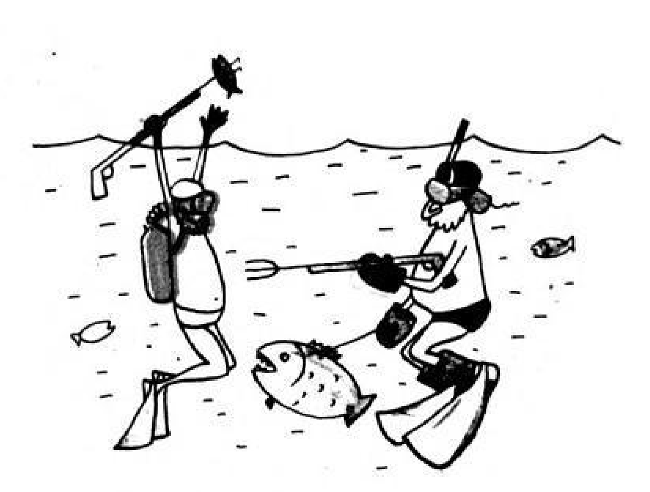

Ночь перед заплывом.

Подводный преферанс.

— Стоп! Охота запрещена!

Рисунки А. Грачева.

Цена номера 30 коп.